

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Электронный сборник статей
Международного круглого стола
(Новополоцк, 16 апреля 2021 г.)

Текстовое электронное издание

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
2021

Об издании – 1, 2

1 – дополнительный титульный экран – сведения об издании

УДК 342.5
ББК 67.400

Рекомендован к изданию методической комиссией юридического факультета
Полоцкого государственного университета (протокол № 6 от 02.06.2021 г.)

Редакционная коллегия:

И. В. Шахновская
П. В. Соловьев

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА** [Электронный ресурс] : электрон. сб. ст. Междунар. круглого стола, Новополоцк, 16 апреля 2021 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).
ISBN 978-985-531-782-2.

В сборник включены научные статьи профессорско-преподавательского состава юридических факультетов Республики Беларусь, Польши, Российской Федерации и Узбекистана по результатам проведенного международного круглого стола на базе юридического факультета Полоцкого государственного университета (16 апреля 2021 г., Новополоцк).

Издание адресуется научным сотрудникам, преподавателям средних специальных и высших учебных заведений, аспирантам, магистрантам, и иным специалистам в области конституционного права. Ответственность за содержание статей несут авторы.

*Сборник включен в Государственный регистр информационного ресурса.
Регистрационное свидетельство № 3102126804 от 03.11.2021.*

№ госрегистрации **3102126804**
ISBN **978-985-531-782-2**

© Полоцкий государственный университет, 2021

2 – дополнительный титульный экран – производственно-технические сведения

Для создания текстового электронного издания «Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества» под редакцией И. В. Шахновской, П. В. Соловьева использованы текстовый процессор Microsoft Word и программа Adobe Acrobat XI Pro для создания и просмотра электронных публикаций в формате PDF.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Электронный сборник статей
Международного круглого стола
(Новополоцк, 16 апреля 2021 г.)

Техническое редактирование и верстка: *А. А. Прадидова*.
Компьютерный дизайн *М. С. Мухоморовой*.

Подписано к использованию 25.11.2021.
Объем издания: 1,96 Мб. Тираж 3 диска. Заказ 791.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

211440, ул. Блохина, 29,
г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-95-41, 59-95-44
<http://www.psu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	6
Абраменко Е. Г. Цифровой парламент: опыт и перспективы	6
Василевич Г. А. Учет мнения населения – важный фактор общественного консенсуса	10
Киселёва Т. М. Информационные технологии как новые формы взаимодействия местных органов власти и населения	16
Комлев Е. Ю. Местное самоуправление и информационные технологии: проблемы и перспективы развития	20
Куневич Г. Г. Электронная демократия на местном уровне	24
Семашко Е. В. Цифровое взаимодействие личности, общества и государства	30
Соловьёв П. В. Цифровой нормативный правовой акт как новый инструмент государственного управления	32
Шахновская И. В. Цифровое государство: становление и реализация в Республике Беларусь	36
ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КРУГЛОГО СТОЛА	40
Khujanazarov A., Nurtazin E. Covid-2019: digital norm-making	40
Łazuk S., Zadykiewicz P. Electronic document in polish administrative proceedings - selected issues	47
Lewandowska A., Presnarowicz Ł. The role of the Office of Electronic Communications in forming an information society in Poland	50
Mikhailov D., Semenova N. Limits of acceptable state intervention in the private sphere	53
Topolski P., Winckiewicz M., Solkiewicz W. Selected electronic platforms and tools affecting the transformation of public administration and local government with society in Poland	57
Demidova T., Zamanova D. Information support for legal regulation of public administration in the field of land relations	60
Ахеева О. С., Сергеев А. Л. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления	63
Зыкина Е. В., Ахтырская М. В. Охрана прав граждан в сфере информационных технологий	67
Боголюбов М. И. Информатизация в обучении детей-инвалидов и детей с особенностями ПФР в Республике Беларусь	72
Девятковская К. В., Василевич Г. А. Актуальные вопросы цифровизации в административном процессе Республики Беларусь	76
Зыкина Е. В., Холтобина Д. А., Васильева М. В. Экономические преступления в IT-сфере	80
Вершок И. Л. Правовое просвещение как способ трансформации правового сознания: междисциплинарный подход	84
Давыдова С. Г. Цифровизация предоставления государственных и муниципальных услуг на примере МФЦ	88

Дорина В. В., Павлова Л. В. Право ребенка на образование в условиях цифрового общества	92
Зыкина Е. В., Строганова К. А. Обеспечение права интеллектуальной собственности в цифровой среде	95
Ивашкевич Е. Ф. Актуальные проблемы правоотношений в сфере средств массовой информации на современном этапе	99
Исмаилов Б. С., Мухитдинова Ф. А. Роль электронной системы при оценке потребности инвалидов в социальной и профессиональной реабилитации: состояние и проблемы	105
Ишмухаметов С. Р., Сергеев А. Л. Цифровизация местного самоуправления и формирование «электронного муниципалитета» в контексте построения информационного общества: опыт Российской Федерации	110
Шестовская С. А., Карпович Н. А. Принятие решений в области обращения с отходами атомной энергетики в условиях цифровизации	115
Кисель М. С., Шахновская И. В. Этапы становления электронного правосудия в Республике Беларусь	119
Козак М. А. Право граждан на обращение в представительные органы в условиях информационного общества	122
Макарова Е. А. Использование цифровых технологий в деятельности пенсионного фонда Российской Федерации	127
Михайлова А. И., Макарова Т. И. Юридическое лицо как субъект предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды	131
Мухитдинова Ф. А. Государственные стратегии реализации электронного правительства на современном этапе	136
Олесько С. С. От идеи современного конституционализма к обеспечению баланса конституционных ценностей в цифровую эпоху: чего ожидать от конституционного права?	143
Притула О. Д. Цифровое управление регионом: особенности и преимущества	145
Рогожина С. Г. Муниципальное управление посредством внедрения информационных технологий	149
Сапогов В. М. К вопросу о современных тенденциях совершенствования конституционной модели местного самоуправления в Российской Федерации	152
Худайбердина Г. Х., Сергеев А. Л. Цифровизация системы государственных и муниципальных закупок на федеральном и региональном уровне	156
Степанов О. В. Актуальные проблемы электронного судопроизводства в белорусском гражданском процессе на современном этапе развития информационного общества	160

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Е. Г. Абраменко

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

ЦИФРОВОЙ ПАРЛАМЕНТ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современном обществе практически любой вид деятельности так или иначе связан с использованием цифровых технологий. В этом отношении законотворческая деятельность не является исключением и немыслима без информационного обеспечения. Внедряемые информационные технологии являются одним из важнейших инструментов, который позволяет выполнять широкий спектр задач, таких как:

- обеспечение скоординированной работы членов парламента, их помощников и сотрудников Аппарата в процессе законотворческой деятельности;
- повышение эффективности информационного взаимодействия;
- обеспечение мобильного доступа членов парламента и их помощников к оперативной информации, необходимой для успешной законотворческой и представительской деятельности;
- формирование позитивного отношения к парламенту;
- обеспечение предоставления информационных услуг для граждан государства и повышение открытости деятельности парламента [1, с. 7-8].

Доклад о мировом электронном парламенте 2008 г. дает следующее определение электронного парламента: электронный парламент - это законодательный орган, получающий возможность быть более транспарантным, доступным и подотчетным с помощью ИКТ. Он расширяет возможности вовлечения граждан в общественную жизнь, предоставляя более качественную информацию и больший доступ к его парламентским документам и деятельности, что способствует развитию справедливого и открытого для всех информационного общества. Это структура где заинтересованные стороны используют информационные и коммуникационные технологии для более эффективного поддержания и осуществления своих основных функций представительства, законотворчества и контроля [2].

Этому определению более десяти лет, и многие изменилось с того времени: некоторая терминология устарела (например, термин «Информационное общество»), некоторые концепции субъективны (например, «эффективный»), а объем сводится к «основным функциям». Но упор на стандарты передовой практики, расширение прав и возможностей граждан и прозрачность – это подход, который выдержал испытание временем и до сих пор актуален.

Еще одна проблема связана с объединением концепции электронного парламента с техническим процессом. Электронный парламент сегодня - это столько же об управлении и стратегии, как и о технологиях. Буква «е» в слове «e-Parliament» проблематична, предполагая, что «Электронное» преобразование (или оцифровка) стремится подчеркнуть техническую, цифровую сторону концепции, в отличие от его значения, где «е» в большей степени относится к «эффективности».

Концепция электронного парламента состоит из четырех основных компонентов:

- Люди - Пользователи и бенефициары (депутаты, сотрудники, общественность и т. д.), а также те, кто отвечает за разработку и поддержку электронного парламента.

– Процесс - лежащий в основе парламентской или демократической функции, которые поддерживаются или трансформируются.

– Архитектура - инфраструктура, оборудование и программное обеспечение.

– Данные - информация и документы, созданные, сохраненные и переданные.

Основные руководящие принципы различных электронных парламентов, как правило, включают следующее:

– Трансформация (процессов).

– Своевременность (распространения или принятия решений).

– Прозрачность (информации).

– Открытость (доступа).

– Экономическая эффективность (снижение).

Сегодня парламенты становятся более инновационными, приобретают новые цифровые навыки и чаще работают с внешними партнерами для достижения большей открытости и прозрачности. Тем не менее, опыт внедрения новых технологий показал, что:

– Инновации не возникают сами по себе. Парламенты исторически не являются хорошими новаторами.

– Изменения могут быть вызваны как стремлением к модернизации внутри законодательного органа, так и общественным давлением в пользу открытости и прозрачности.

– Слишком много менеджмента подавляет инновации.

– Работа с внешними партнерами, такими как Межпарламентский союз и академические круги, может принести новые идеи и решения, результатом которых станут лучшие инструменты и приложения для привлечения публики.

Естественно, реакция на такие тенденции будет различной. Некоторые будут принимать модернизацию парламента, другие укажут на традиции пленарных дебатов и голосования. Технологии позволяют многое делать по-другому, но не существуют в вакууме. Диапазон инструментов из сложных программ управления документами, возможности отслеживать ход внесения законопроектов и поправок, трансляции парламентских заседаний в режиме онлайн, доступа к точным и актуальным открытым данным достаточно широк. Появление Интернета и социальных сетей произошло параллельно с изменением социальных установок, которые требуют гораздо большей вовлеченности, прозрачности и подотчетности. Однако необходимо помнить, что доступ к технологиям неравномерен как внутри страны, так и в мире.

Цифровые технологии встроены во многие аспекты жизни людей и их становится все больше с каждым годом. Только Facebook насчитывает более 2,2 миллиарда активных пользователей каждый месяц, причем 1,45 миллиарда входят в систему каждый день.

Отчет о мировом электронном парламенте 2018 г. приводит следующие данные опроса парламентариев:

– Депутаты все чаще используют цифровые технологии в качестве основных инструментов в своей работе. 96 % опрошенных участников используют мобильные устройства (причем для депутатов в возрасте до 30 лет этот показатель составил 100%).

– Три четверти респондентов считают электронную почту наиболее важным цифровым инструментом.

– 71 % участников пишут свой собственный контент в социальных сетях, в то время как контент для их веб-сайтов, как правило, пишется персоналом.

- Почти все участники опроса могут самостоятельно публиковать информацию; и трое из пяти считают свои знания в области онлайн-общения продвинутыми. И только один из пяти участников утверждает, что не обладает навыками, необходимыми для участия в онлайн-чатах и мероприятиях.

- У четверти депутатов нет поддержки или помощи в отношении цифрового контента и общения.

Парламентарии сегодня часто используют социальные сети, чтобы стать ближе к гражданам, обращаясь к ним с целью информирования, просвещения и взаимодействия. При правильном использовании социальные сети могут превратить информацию в знания, повысить понимание общественностью того, как работает парламент, и предложить путь к укреплению доверия. Однако членам парламента необходимо понимать все риски, связанные с новым цифровым пространством. Им нужны навыки для безопасного и эффективного управления онлайн-миром.

Эффективное использование социальных сетей очень важно. Пандемия COVID-19, возникшая в 2020 году, привлекла внимание к той роли, которую играют социальные сети в поддержании связи между людьми и предоставлении им возможности обмениваться информацией и мнениями. В связи с ограничениями на личные встречи, парламенты и парламентарии активизировали свое присутствие в социальных сетях, чтобы сохранить контакт со своими избирателями.

В отчете о мировом электронном парламенте подчеркивается важность цифровых инструментов и рост использования социальных сетей. Отчет 2018 года показал, что 70 % парламентов используют платформы социальных сетей для общения с гражданами, и еще 17 % рассматривают такую возможность. 67 % опрошенных используют Facebook, 40 % используют Twitter и 54 % общаются, используя WhatsApp и аналогичные платформы обмена сообщениями. Один из депутатов отметил: «Я могу легко и одновременно связаться со многими людьми. Я могу выдвигать и формировать идеи, собирать информацию, подключаться к источникам, к которым в противном случае у меня не было бы доступа».

Среди возможностей, которые дают использование парламентариями социальных сетей можно назвать:

- Повышение осведомленности общественности: для парламентов стратегической целью является укрепление демократии, через информирование о работе парламента и вовлечение большего количества людей в управление.

- Повышение общественного имиджа: парламенты могут использовать социальные сети для укрепления доверия. Однако политики не только общаются и выражают свое мнение, но и используют социальные сети, чтобы показать себя в определенном свете (например, более открытыми для взаимодействия с избирателями, дружелюбными, ориентированными на молодежь или технически подкованными).

- Формирование общественного мнения: в задачу парламента не входит прямое оказание влияния на общественное мнение, однако это именно то, что часто хотят делать парламентарии. Социальные сети помогают информации быстро распространяться, они дешевле и доступнее, чем традиционные СМИ.

- Агитация: парламентарии часто проводят неполитические кампании, для продвижения парламентских расследований, чтобы акцентировать события или делиться исторической информацией. Так же парламентарии активно используют социальные сети во время избирательных кампаний.

Таким образом, основными задачами электронного парламента являются: создание прозрачного, доступного, подотчетного эффективного и открытого законодательного ор-

Российский
политический
университет

гана, а также предоставление гражданину более широкого доступа к парламенту и парламентариям. Информационно-коммуникационные технологии используются для подключения различных заинтересованных сторон, поддержки законотворчества, для активного участия в парламентских дебатах и эффективной функции контроля.

Электронный парламент содействует продвижению электронной демократии через поощрение участия граждан в демократических и социально-экономических платформах; взаимодействие между членами парламента и простыми гражданами; содействие эффективному предоставлению государственных услуг, расширение социальной интеграции; обеспечения прозрачности государственной службы и содействия экономии средств в рамках заявки правительства на вовлечение граждан в свои процессы управления.

Тем не менее, с точки зрения Киртаны Викрамасингам (президента парламента Фрибура) рассматривает цифровые средства в качестве важного подспорья, но и она настаивает на том, что общение лицом к лицу не заменить ничем. «Телевизионные дебаты, дискуссии в публичном пространстве, базисные форматы партийной демократии — все это было и остается необходимыми элементами демократического процесса. Профессор Женевского университета Паскаль Сьярини соглашается с тем, что кризис будет способствовать развитию цифровых технологий в области демократии, тем не менее, считает, что абсолютно цифровая демократия вряд ли возможна: «Демократия на 100% цифровая? Не могу себе пока такого представить» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов, В. В. Опыт Аппарата Совета Федерации в применении цифровых технологий в парламентской деятельности / В. В. Попов // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – 2018. - № 16 (705) – С. 7-23.
2. World e-Parliament Report 2008 // Inter-Parliament Union. – Mode of access: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2016-07/world-e-parliament-report-2008/>. – Date of access: 25.04.2021.
3. World e-Parliament Report 2008 // Inter-Parliament Union. – Mode of access: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2018-11/world-e-parliament-report-2018>. – Date of access: 25.04.2021.
4. Клот, Л. Коронавирус ускорит цифровизацию швейцарской демократии? [Электронный ресурс] / Л. Клот // SWIswissinfo.ch. – Режим доступа: Коронавирус ускорит цифровизацию швейцарской демократии? – SWI swissinfo.ch. – Дата доступа: 25.04.2021.

Г. А. Василевич

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета
Белорусский государственный университет

УЧЕТ МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО КОНСЕНСУСА

Государство и общество устойчиво развиваются, когда достигается общественный консенсус по принципиальным вопросам, которые волнуют людей. Можно выделить различные гарантии устойчивого развития – политические, экономические, социальные, культурные, юридические. Эти гарантии важны не только для общегосударственного, но и для местного уровня.

Органам государства, принимая решения, необходимо адекватно и оперативно реагировать на волю людей, вести разъяснительную работу относительно целей и содержания принимаемых актов. Для коллегиальных представительных органов важно, для сохранения доверия к ним, исполнять данные в предвыборный период обещания. Граждан – это главные субъекты управления государством. Когда имеется позитивное восприятие гражданами принятого решения, то исключаются конституционно-правовые риски. Как замечает Ю.А. Тихомиров, конституционный риск опасен еще и тем, что его деструктивный потенциал обладает системным характером» [1, с. 19-20], может привести к конфликту. Указывают на несколько вариантов исхода конфликта: 1) односторонний выигрыш (проигрыш), 2) взаимный проигрыш, 3) взаимный выигрыш. Самым оптимальным вариантом является вариант взаимного выигрыша, он предполагает сотрудничество. Но по времени желание сотрудничать у сторон конфликтующих не всегда совпадает. Здесь тоже много факторов и уроки истории весьма показательны.

Вышеназванные аспекты побуждают более ответственно относиться к реализации, казалось бы, устоявшихся подходов к обеспечению реализации гражданами права на управление общественными делами, в том числе на местном уровне. Местное самоуправление находится в центре внимания многих ученых [2], [3], [4], [5], [6] и др.

Коснемся такой формы демократии как обсуждение важнейших вопросов местной жизни. Полагаем, что среди решений местного уровня одними из основополагающих являются программы социально-экономического развития. Именно их полезно было бы обсуждать до утверждения на сессии местного Совета депутатов. Они, как и решение о местном бюджете, в силу многоплановости содержания не должны быть предметом референдума. Но статус этих актов следует повысить, придав им роль программных и обладающих более высокой юридической силой, чем иные акты местного уровня. Это своего рода программные законы, которым в настоящее время придана более высокая сила по сравнению с иными законами.

Дальнейшие шаги для обеспечения более тесной связи местных органов с населением надо обеспечить, используя информационные технологии. Здесь потенциал еще полностью не задействован. Более основательными должны быть сайты местных Советов, полезно сделать эти сайты площадкой для возможных опросов населения, отчетов депутатов перед избирателями и сбора отзывов о таких отчетах и обсуждениях. Информационные технологии могут быть использованы для сбора подписей под публичной инициативой по вопросам общественного значения, публичного обсуждения проектов решений. Полагаю, что на законодательном уровне следовало бы закрепить требование о размещении программ победивших кандидатов, с которыми они шли на выборы, а также принятие сводной программы Совета депутатов с учетом предвыборных обещаний.

Полагаем целесообразным, чтобы после принятия местным Советом депутатов нового созыва сводной программы (в течение двух месяцев со дня начала работы местного Совета депутатов) местный исполнительный орган (исполком) представлял ему свой план работы на период функционирования депутатского корпуса данного созыва. Он должен совмещать планирование работы по реализации также программы социально-экономического развития. Это усилило бы организующую роль местных Советов депутатов и их влияние на исполнительную власть.

Как отмечено, одним из важнейших каналов непосредственной связи органов государственной власти и населения является предварительное выяснение мнения граждан. Например, это касается административно-территориального устройства; установления соответствия или несоответствия в предпроектной (предынвестиционной), проектной и (или) иной документации планируемых проектных и иных решений требованиям законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов (экологическая экспертиза) и др. Наиболее часто белорусским законодательством предусматривается возможность проведения общественной экологической экспертизы: в области охраны и использования вод; предстоящим изъятием, изъятием и предоставлением земельных участков, изменением их целевого назначения, установлением и прекращением ограничений (обременений) прав на земельные участки; питьевого водоснабжения; строительства объектов и др.

Но насколько обязательно мнение общественности для принятия решения, действующее законодательство ответа не дает. Полагаем, что государственным органам следует учитывать все обстоятельства, имеющие отношение к решению того или иного вопроса.

Обратимся к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 06 июля 2012 г. N 623 "О мерах по реализации Закона Республики Беларусь "О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам административно-территориального устройства Республики Беларусь" (вместе с "Положением о порядке учета мнения граждан и местных Советов депутатов при решении вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь", "Положением о порядке подготовки и подачи документов для принятия решений по вопросам административно-территориального устройства Республики Беларусь"). Согласно Положению выяснение мнения граждан при решении вопросов административно-территориального устройства осуществляется областными, Минским городским, районными, городскими (городов областного и районного подчинения), поселковыми и сельскими исполнительными комитетами после подготовки предложений по этим вопросам соответствующими Советами депутатов. Для выяснения мнения граждан при решении вопросов административно-территориального устройства исполнительные комитеты публикуют в средствах массовой информации и размещают в глобальной компьютерной сети Интернет извещение, которое должно содержать следующую информацию: краткое изложение существа предложения и при необходимости его графическое отображение; разъяснение права граждан высказать мнение по вопросам административно-территориального устройства в течение одного месяца с даты опубликования извещения в средствах массовой информации и его размещения в глобальной компьютерной сети Интернет; адрес, по которому принимаются мнения граждан по вопросам административно-территориального устройства в письменной форме, и адрес электронной почты, официального сайта местного исполнительного комитета в глобальной компьютерной сети Интернет, по которым данные мнения принимаются в электронной форме.

Предусмотрено, что поступившие мнения граждан регистрируются и рассматриваются исполнительными комитетами; мнения граждан, направленные с нарушением

установленных формы и сроков рассмотрению, не подлежат. В соответствии с п.5 Положения по истечении установленного срока исполнительным комитетом в течение 15 рабочих дней готовится, публикуется в средствах массовой информации и размещается в глобальной компьютерной сети Интернет справка, в которой отражаются количество и анализ поступивших мнений граждан, а также выводы о наличии или об отсутствии необходимости корректировки предложения по вопросам административно-территориального устройства либо о нецелесообразности реализации указанного предложения. То есть окончательное решение принадлежит исполнительному комитету. Такой подход вполне укладывается в рамки действующего законодательства. При проведении обсуждения вопросов местной жизни важно, чтобы по итогам его проведения общественности была представлена полная информация о том, по каким причинам отклонены те или иные предложения.

Запрашивается также мнение нижестоящих Советов депутатов по вопросам административно-территориального устройства, которое выясняется областными или районными Советами депутатов. Данное мнение в месячный срок с даты поступления запроса направляется нижестоящим Советом депутатов в областной или районный Совет депутатов в письменной форме и прилагается областным или районным Советом депутатов к предложению по вопросам административно-территориального устройства.

Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. (ред. от 18 июня 2019 г., с изм. от 16 декабря 2019 г.) "Об охране окружающей среды" предусмотрено проведение общественной экологической экспертизы. Согласно ст. 61 Закона она организуется и проводится по инициативе общественных объединений и граждан независимыми специалистами, которые в порядке, установленном законодательством, вправе получать от заказчика (инициатора планируемой хозяйственной и иной деятельности) документацию, подлежащую общественной экологической экспертизе, в том числе материалы по оценке воздействия на окружающую среду, а также иные материалы, необходимые для проведения общественной экологической экспертизы. Заключение общественной экологической экспертизы может направляться в организации, которые проводят государственную экологическую экспертизу, местные исполнительные и распорядительные органы, а также иным заинтересованным лицам и носит рекомендательный характер. Финансирование общественной экологической экспертизы производится за счет средств ее инициаторов – общественных объединений и (или) граждан. Порядок проведения общественной экологической экспертизы устанавливается Советом Министров Республики Беларусь.

В силу необходимости наличия соответствующих знаний в данном случае важна роль специалистов, которые будут участвовать в ее проведении. Согласно Положению о порядке проведения общественной экологической экспертизы, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 октября 2010 г. N 1592 (ред. от 22 ноября 2016 г.), общественная экологическая экспертиза проводится независимыми специалистами, обладающими специальными знаниями в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, а также в определенных областях науки, техники и иных сферах деятельности.

Объектом общественной экологической экспертизы является проектная документация. Результаты общественной экологической экспертизы оформляются специалистами в виде заключения общественной экологической экспертизы по проектной документации. Заключение носит рекомендательный характер, прилагается к проектной документации, представляемой на государственную экологическую экспертизу, и рассматривается организацией, уполномоченной ее проводить, при подготовке заключения государственной

экологической экспертизы. Не критикуя данный подход законодателя, отметим важность разъяснения позиции государственных органов, выводов государственной экспертизы при расхождении с выводами общественной экологической экспертизы: конфликт необходимо разрешать таким образом, чтобы население понимало отсутствие угрозы здоровью и экологии.

Кроме того, в Положении о порядке проведения общественной экологической экспертизы следует более определенно указать, когда и кто может выступить инициатором такой экспертизы, по каким основаниям может быть отказано в ее проведении, какой порядок обжалования такого отказа. Например, из содержания Положения ясно, что инициаторами общественной экологической экспертизы могут быть зарегистрированные в Республике Беларусь общественные объединения, осуществляющие деятельность в области охраны окружающей среды. Но в то же время согласно Положению ими могут являться любые граждане Республики Беларусь, вносящие предложения о проведении общественной экологической экспертизы. Но таких инициатив может быть множество, причем не всегда имеющих основание. Поэтому предлагаем предусмотреть, что помимо указанных общественных объединений граждане могут проявить инициативу, если за ее проведение высказалось, например, не менее 100 человек, либо с учетом установленных требований для выдвижения кандидаты депутата соответствующего местного Совета.

Для усиления влияния местных Советов депутатов в законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» целесообразно закрепить право местного Совета депутатов ввести мораторий на строительство объекта, который может причинить вред окружающей среде, если идет речь об объекте коммунальной собственности.

Кодексом Республики Беларусь о земле предусмотрены различные варианты действий граждан, когда затрагиваются их права и защищаемые законом интересы в связи с принятием государственными органами решений о предстоящем изъятии, об изъятии и предоставлении, изменении целевого назначения земельных участков, установлением и прекращением ограничений (обременений) прав на земельные участки: это могут быть обращения в местные Советы депутатов, исполнительные комитеты, органы территориального общественного самоуправления, **участие в местных референдумах**, проведение общественной экологической экспертизы, собраний и иных форм прямого участия в государственных и общественных делах, а также через общественные объединения в соответствии с законодательством (ст.61). В законодательстве не часто указывается конкретно возможность проведения референдума по соответствующему вопросу.

Нуждается в совершенствовании правовая основа для нормотворческой деятельности органов местного управления и самоуправления. В частности, следует в законе закрепить круг субъектов нормотворческой инициативы, чьи предложения подлежат обязательному рассмотрению компетентным органом. Реализацию права нормотворческой инициативы можно было бы обеспечить посредством закрепления в Законе «О нормативных правовых актах» или Законе «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» определенного количества граждан (например, для областного уровня – более одной тысячи), выразившим, посредством ИКТ, поддержку проекту решения. Не только на республиканском, но и на местном уровне следует внедрять, используя информационные технологии, систему «Активный гражданин». Это могло бы быть определенной альтернативой местным референдумам. Граждане могли бы голосовать за то, как будет развиваться город, район, поселок. Сельсовет, решать, как их благоустроить, участвовать в развитии транспорта, цифровизации услуг, сохранять культурное наследие. Это не просто мнения, а руководство к действию для городских властей. Исключительная особенность такой системы – гарантированное рассмотрение предложений.

Важнейшим элементом принципа поддержания доверия граждан закону и действиям государства является не только разумная стабильность регулирования правовых отношений, но и недопустимость произвольного изменения законодательства (иначе это можно расценивать как злоупотребление правом), установление оптимального периода для адаптации граждан, субъектов хозяйствования к новым правовым правилам. Гражданин должен быть уверен, что он не подвергнется таким правовым последствиям, которые он не мог предвидеть в момент принятия им какого-либо решения. Таким образом, можно вести речь о соблюдении принципа ожидания принятия государственными органами правовых решений.

Одной из форм непосредственной демократии являются собрания граждан. Созываются они местными Советами депутатов. Согласно законодательству правом принимать участие в их работе обладают граждане, достигшие 18 лет. Полагаем, что также можно было снизить возраст до 16-17 лет для участников таких собраний.

Наше законодательство в последние десятилетия развивается динамично. Это заставляет действовать без радикальных шагов, но поступательно в русле современных тенденций, включая и развитие местного самоуправления. Здесь весьма важен европейский опыт, использование которого может быть полезным для нашего государства и общества.

Процесс формирования эффективного государства является успешным, когда экономика и социальная политика находятся в гармонии с конституционными принципами и правовыми ценностями. То есть управление государственными и общественными делами успешно, когда право учитывает закономерности общественного развития. Как нам представляется, важны обратные импульсы – от граждан в сторону власти. Эффективность права в обеспечении развития личности зависит от многих факторов, в том числе от ожиданий граждан определенных решений со стороны государства. То есть можно вести речь о результативности правового регулирования социально-экономических отношений. Ведь чем точнее совпадают решения институтов государственной власти с этими ожиданиями, тем успешнее их реализация.

В современных условиях патерналистский тип отношений между государством и человеком, между государством и обществом себя изживает, выстраивается новый характер отношений между этими субъектами. Рост правовой культуры, правового сознания граждан меняет сложившуюся ранее парадигму отношений: растет число людей, которые осознают себя полноправными субъектами процесса управления делами государства. Важнейшим средством этого является местное самоуправление, оптимальное сочетание представительной и непосредственной демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров Ю.А, Шахрай С.М. Риск и право: Научное издание / Тихомиров Ю.А., Шахрай С.М. — М: Издательство Московского университета, 2012. — 64 с.
2. Василевич, Г.А. Проблемы оптимизации полномочий органов местного самоуправления / Г.А. Василевич // Научно-практический журнал Право.by. — 2020, № 3. — С. 14–21.
3. Василевич, Г.А. Актуальные направления развития местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте Европейской хартии местного самоуправления / Г.А. Василевич // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук — 2020. Т.65. №3. — С. 355–367.
4. Киселева, Т.М. Реализация концепции электронного муниципалитета в зарубежных странах / Т.М. Киселёва // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сборник научных статей / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. — Минск : ИВЦ Минфина, 2020. — Вып. 2. — С.333–343.

5. Боголейко, А.М. Совершенствование порядка отмены нормативных правовых актов органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь / А.М. Боголейко // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сборник научных статей / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2020. – Вып. 2. – С. 281–291.
6. Сидорчук, В.К. Правовое положение коммунального хозяйства: моногр. / В.К. Сидорчук. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2019. – 308 с.

Т. М. Киселёва

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права юридического факультета
Белорусский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ

Исходя из закрепленных в Конституции Республики Беларусь принципов гуманизма и народного суверенитета, все действия и решения государственных органов должны осуществляться с учетом потребностей и интересов народа. Для того, чтобы государственные органы и должностные лица имели представления об ожиданиях населения, необходимо существование устойчивой двухсторонней связи между государством и гражданами. Такой связью традиционно выступают институты демократии.

Однако в современных условиях в силу различных причин граждане все менее активно используют традиционные способы взаимодействия с государственной властью, что негативно сказывается на уровне доверия к государству. Более того, современная неблагоприятная эпидемиологическая ситуация показала, что традиционные формы взаимодействия не всегда удобны или возможны в принципе.

Одним из возможных направлений решения указанных проблем может стать более динамичное использование информационных технологий в отношениях между государством и населением. При этом внедрение информационных технологий не должно ограничиваться усовершенствованием существующих форм взаимодействия государства и граждан, но также приводить к возникновению новых, более простых и эффективных способов.

Особенно важно проводить соответствующие изменения на местном уровне, где между государственными органами и гражданами предполагается наиболее тесная связь по вопросам местного значения. В белорусском законодательстве предусмотрено множество вариантов организации связи населения и местных представительных и исполнительных органов. Однако на практике многие институты прямой демократии не работают (например, местный референдум, инициатива граждан по проектам решений местных Советов депутатов, отзыв депутата местного Совета). Причины неиспользования существующих инструментов различные – несовершенство законодательства, слишком сложная процедура, отсутствие инициативы со стороны граждан, недостаточное финансирование, невысокий уровень доверия граждан к местным органам власти. Для решения указанных и иных существующих проблем необходимо принятие целого комплекса мер, однако позитивные изменения могут быть обеспечены более активным и взвешенным использованием информационных технологий в соответствующих отношениях.

В качестве примера можно обратиться к вопросу местного референдума, который в Республике Беларусь не проводился. Отсутствие практики проведения местных референдумов является одной из проблем реализации демократии на местном уровне. Внедрение отдельных элементов электронного референдума (например, сбор подписей избирателей в электронной форме для инициирования референдума, направление документов в электронной форме, закрепление электронного голосования) сможет упростить процесс, но не решить все проблемы. На данный момент основным препятствием к проведению местного референдума, как представляется, является установление жестких рамок для вопроса, который может быть вынесен на обсуждение. С одной стороны, этот вопрос должен иметь важнейшее значение для населения соответствующей территории, а с дру-

гой – он должен относиться к компетенции местных органов власти, не иметь значение для Республики Беларусь в целом и не быть урегулированным законодательными актами. При этом такие важнейшие вопросы как утверждение местного бюджета, установление местных налогов и сборов, относящиеся к компетенции местных органов власти, подпадают под прямой запрет обсуждения на референдуме.

Необходимо принимать во внимание также, что инициирование и проведение местного референдума требует затрат бюджетных средств и средств инициативной группы (в случае инициирования референдума гражданами). Поэтому очевидно, что не каждый вопрос местного значения обосновано выносить на референдум. Более того, законодательством помимо референдума предусмотрена возможность организации на местных территориях обсуждения важных вопросов местного и республиканского значения (что относится к компетенции местных исполкомов и администраций) или только местного значения (что относится к компетенции президиумов местных Советов депутатов). Отметим при этом, что порядок проведения таких обсуждений не регламентируется, а на практике предмет таких обсуждений ограничивается градостроительной деятельностью.

Полагаем, что перспективным является развитие института обсуждений вопросов местного значения с использованием информационных технологий. При этом можно обращаться к успешному опыту зарубежных стран. Может представлять интерес опыт Москвы, где для обеспечения прямой связи органов власти с населением создан ресурс «Активный гражданин» (ag.mos.ru). Указанный ресурс является площадкой для проведения голосования в электронной форме среди москвичей по вопросам городского развития. Голосования проводятся по различным вопросам, таким как определение названия для спорткомплекса, установление в городе указателей с QR-кодом, выбор объектов для реставрации, оценка проведенной реставрации зданий, организация ярмарок и др. Безусловно, данные вопросы нельзя отнести к вопросам, имеющим важнейшее значение для населения города, что предполагается для предмета местного референдума. Однако поднимаемые на ресурсе темы представляют интерес для населения (что подтверждается активностью в голосовании), а их решение посредством публичного голосования служит развитию непосредственной демократии, обеспечению открытости местных органов власти, повышению доверия этих органов среди населения.

Полагаем, что переход от сложного по организации и процедуре проведения референдума к сравнительно простым общественным опросам может стать новым этапом электронной демократии. Проведение таких опросов позволит оперативно выявить общественное мнение, привлечь новых заинтересованных лиц к местному самоуправлению, установить новые связи между государством и населением.

В Эстонии для взаимодействия населения с местными органами власти создана и функционирует уже более 10 лет платформа petitsioon.ee. Данная платформа позволяет не только создавать петиции, что следует из ее названия, но и проводить опросы общественного мнения, собирать граждан для осуществления совместных действий и реализации местных инициатив. Инициаторами петиций или опросов могут выступать частные лица, некоммерческие организации и местные органы власти. При этом публикация петиции на платформе для частных субъектов платная, стоимость составляет 40 евро, что является определенным барьером для вынесения на обсуждения вопросов, не имеющих важности.

При организации подобных обсуждений важно, чтобы процедура не исчерпывалась самим обсуждением. Т.е. полученные результаты должны учитываться при принятии государственными органами своих решений, а граждане должны получать обратную связь относительно учета или неприятия к сведению принятых ими решений.

Особое место должно отводиться обсуждению таких важных документов как программ социально-экономического развития, местных бюджетов, местных налогов и сборов. На данный момент в Республике Беларусь граждане в соответствующих отношениях не участвуют. Более того, в законодательстве прямо указано, что вопросы утверждения местного бюджета, установления налогов и сборов не могут выноситься на референдум, т.е. не могут приниматься гражданами непосредственно. Однако привлечение граждан к обсуждению данных вопросов гарантировало бы реальный учет интересов населения, что может привести к повышению доверия к местной власти со стороны общественности, установлению партнерских отношений.

В зарубежных странах гражданам предоставляется возможность участвовать в отношениях, связанных с разработкой и принятием бюджета, в различных формах. К примеру, в Эстонии с 2013 г. граждане получили право направлять в местные органы власти свои замечания и предложения по местному бюджету. И если изначально эта процедура была установлена только в отношении одного города Тарту, то на данный момент более 20 муниципалитетов привлекают граждан к соответствующим отношениям. Для направления замечаний и предложений гражданами используется информационная система VOLIS, представляющая собой multifunctional портал.

В Российской Федерации с 2021 г. на федеральном уровне действует институт инициативного бюджетирования (введен Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Суть данного механизма в том, что представители общественности имеет право инициировать выделение финансирования на проекты, имеющие приоритетное значение для жителей муниципального образования или его части. С инициативой могут выступать граждане (не менее 10 граждан, достигших 16 лет и проживающих на территории соответствующего муниципального образования), органы территориального общественного самоуправления, староста сельского населенного пункта. Законодательством предъявляются определенные требования к содержанию проекта, среди которых можно отдельно отметить необходимость указания сведений о планируемом (возможном) финансовом, имущественном и (или) трудовом участии заинтересованных лиц.

Полагаем, Республике Беларусь следует обратиться к зарубежному опыту и обеспечить возможность участия жителей административно-территориальных единиц в разработке и обсуждении местных бюджетов.

Новой формой взаимодействия населения и местных органов власти может стать организация трансляций заседаний местных органов в сети Интернет. На первый взгляд такие трансляции носят чисто информационный характер, так не позволяют гражданам участвовать в обсуждении вопросов. Однако наблюдение за ходом обсуждения и голосования имеет определенную ценность, так как это сможет сформировать ощущение причастности граждан к принимаемым решениям, позволит понять причины выбора того или иного решения. А в отношении депутатов местных Советов такие трансляции станут дополнительной формой контроля со стороны избирателей. Можно предположить, что проведение трансляций повысит активность депутатов на заседании, станет дополнительным стимулом для включения их в обсуждения по проблемным вопросам. Более того, граждане смогут обращаться к должностным лицам местных органов власти за получением комментариев по вопросам, обсуждаемым на заседании.

В практике зарубежных государств в организации таких трансляций используются различные инструменты. Например, в Эстонии трансляции организованы через уже упо-

мянутую систему VOLIS, которая позволяет проводить обзор заседаний местных органов власти в режиме реального времени. В Российской Федерации такие трансляции проводятся на официальных сайтах государственных органов. А в Украине трансляция заседаний Верховной Рады осуществляется через видеохостинг «YouTube». Таким образом, организация онлайн-трансляций заседаний местных Советов депутатов даже не требует создания специализированных платформ или порталов, можно ограничиться уже существующими ресурсами.

Актуальным для Республики Беларусь является вопрос представительства местных органов власти в сети Интернет. Собственные сайты имеют органы исполнительной власти, на которых размещается также информация о соответствующих местных Советах депутатов. Отметим, что наполнение сайтов не в полной мере соответствует современному этапу развития электронного государства в Республике Беларусь. В большей степени данные сайты имеют информационный характер, не давая возможность граждан взаимодействовать с их помощью с местными органами власти (за исключением направления электронных обращений).

Полагаем, что назрела необходимость в разработке и введении в эксплуатацию единых порталов административно-территориальных единиц, на которых будут полноценно представлены не только местные исполнительные органы, но и органы самоуправления – местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления. Указанный портал также может стать площадкой для проведения обсуждений вопросов местного значения, направления различных инициатив населения, проведения местных собраний в режиме онлайн, организации онлайн-приемных местных органов власти. Важно понимать, что создание таких порталов на данный момент невозможно возложить на местные представительные органы, так как их структура не предполагает наличие необходимых специалистов. Проблемным вопросом также является финансирование разработки и обслуживания данных порталов. В связи с этим считаем перспективным привлекать к данным отношениям граждан, представителей бизнес-сообщества и институтов гражданского общества. Стимулировать участие общественности можно различными средствами – как путем предоставления различных льгот и преимуществ, так как и демонстрируя значимость общественности в принятии решений местного значения.

Таким образом, в современных условиях цифровизации всех сфер частной и публичной жизни одной из задач Республики Беларусь должно стать совершенствование системы местного управления и самоуправления за счет внедрения новых форм взаимодействия граждан и государственных органов. При этом использование информационных технологий в данных отношениях должно осуществляться с целью развития демократии, а не только стать отражением существующих тенденций развития общества.

На данный момент обеспечить новый уровень сотрудничества местных органов власти и представителей общественности может разработка и введение в эксплуатацию единых порталов административно-территориальных единиц, на которых будут представлены местные исполнительные органы, местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, а также организовано проведение обсуждений вопросов местного значения, направление различных инициатив населения, проведение местных собраний в режиме онлайн, организация онлайн-приемных местных органов власти.

Е. Ю. Комлев

кандидат юридических наук, доцент кафедры муниципального права
Российский университет дружбы народов

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий со временем привело к существенному изменению образа жизни людей. Современные технологии позволяют людям без каких-либо существенных затруднений (в том числе финансовых) общаться между собой, находясь на расстоянии друг от друга, совершать сделки, получать образование. В повседневной жизни, особенно в городах, люди уже едва ли могут представить себе жизнь без смартфона с доступом к сети «Интернет».

Соответствующие изменения не могли не затронуть сферу государственного и муниципального управления. Органы публичной власти по своей природе не имеют собственных интересов, их деятельность связана, прежде всего, с удовлетворением потребностей граждан, представителями которых они являются. По справедливому замечанию Н.В. Варламовой «Обособление публичной сферы предполагает опосредованность осуществления власти, а следовательно, и представительный характер созданных для этого институтов (органов и лиц, наделенных публично-властными полномочиями). В данном смысле все органы публичной власти являются представительными» [1, ст. 6].

Следовательно, в широком смысле представителями граждан являются не только собственно представительные, но и исполнительные органы публичной власти.

Органы местного самоуправления, являясь органами публичной власти, призваны решать вопросы местного значения исходя из интересов населения. При этом очевидно, что удовлетворение потребностей населения, решение вопросов в их интересах невозможно без налаженной коммуникации между органами местного самоуправления и населением.

В этой связи внедрение информационных технологий в деятельность органов местного самоуправления является неизбежным следствием социально-экономического развития общества, характеризующимся ускоренным развитием технологий.

Органы местного самоуправления, являясь наиболее близкими к населению органами публичной власти, вынуждены подстраиваться под изменение формата общения граждан между собой и граждан с различными органами и организациями. Если заказ продуктов в магазине или просмотр новостей занимает у граждан считанные минуты, то взаимодействие с органами местного самоуправления (как и с иными органами публичной власти) также должно быть максимально оперативным и удобным.

Нельзя не отметить, что внедрение информационных технологий в деятельность органов публичной власти в России идет полным ходом, и зачастую такое внедрение оказывается весьма успешным. В частности, для многих граждан взаимодействие с государственными и муниципальными органами и организациями уже невозможно представить без портала gosuslugi.ru или, например, портала mos.ru (если речь идет о жителях Москвы).

Однако стоит упомянуть, что внедрение информационных технологий все же более широко применяется в отношении деятельности органов государственной власти, нежели органов местного самоуправления. Применительно к последним стоит отметить, что ситуация различается как в различных субъектах Российской Федерации, так и в различных муниципальных образованиях внутри субъекта Российской Федерации.

При внедрении информационных технологий органы местного самоуправления нередко сталкиваются с определенными проблемами, которые могут являться как проблемами общего характера, так и проблемами, связанными непосредственно с внедрением информационных технологий.

Так, среди проблем общего характера в первую очередь стоит отметить проблему финансового обеспечения муниципальных образований. Проблема недостатка ресурсов является актуальной для большинства муниципальных образований, что сказывается как на эффективности деятельности органов местного самоуправления в целом, так и на внедрении информационных технологий, в частности.

Проблема финансовой обеспеченности муниципальных образований непосредственно сказывается на развитии инфраструктуры, необходимой для внедрения современных технологий. Речь, прежде всего, идет как непосредственно о необходимом оборудовании, так и о доступе к сети «Интернет».

Еще одной затяжной проблемой муниципальных образований является ситуация с кадровым обеспечением. Недостаток квалифицированных кадров как на муниципальной службе [2, ст. 17-23], так и, например, в представительных органах муниципальных образований [3, ст. 85] является проблемой, на которую нередко обращают особое внимание представители отечественной науки. Применительно к цифровизации на проблему кадрового обеспечения указывает К.А. Иванова, которая отмечает, что «в муниципалитетах не хватает специалистов, обладающих необходимым опытом и квалификацией для проведения работ по информатизации. Соответственно, последствием является то, что для значительной части муниципалитетов не только на уровне поселений, но и для многих районов проведение работ по информатизации проблематично — нет специалистов, обладающих необходимым опытом и квалификацией» [4, ст. 75].

Среди общих проблем также стоит отметить нестабильность законодательства о местном самоуправлении. Как на федеральном, так и на региональном уровне в законодательство о местном самоуправлении систематически вносятся изменения, которые влияют на правовой статус органов местного самоуправления, компетенцию муниципальных образований, территориальную организацию местного самоуправления. В указанных условиях муниципальным образованиям зачастую трудно строить долгосрочные планы, в том числе по внедрению информационных технологий.

Среди проблем, связанных непосредственно с внедрением информационных технологий, следует обратить внимание на тенденцию к «задвоению» форм ведения документации: особенно на первых этапах документооборот нередко ведется как в электронном, так и в традиционном (бумажном) виде. Фактически, муниципальные служащие в таком случае выполняют двойную работу, что является неэффективным и вызывает вопросы о необходимости такой цифровизации. Однако нередко такое «задвоение» все же имеет место только на первых этапах внедрения информационных технологий, когда традиционные формы документооборота используются как «страховка» на случай возникновения непредвиденных ситуаций.

В некоторых случаях внедрению информационных технологий препятствуют законодательные барьеры или складывающаяся правоприменительная практика. Так, определенные вопросы вызывает голосование граждан по различным вопросам с использованием информационных технологий. Отсутствие в законе прямого разрешения на проведение голосований с использованием современных технологий приводит к тому, что граждане опасаются применять более современную форму для голосования, поскольку в случае обжалования в суде принятых решений такой способ голосования с большой долей вероятности может быть признан судом несоответствующим законодательству.

Законодатель, осознавая указанную проблему, предпринимает определенные шаги по ее решению. Так, в 2020 году принят Федеральный закон от 25.05.2020 № 156-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на расширение возможностей для голосования с использованием информационных технологий на общих собраниях собственников жилья.

При этом, например, размещение муниципальных правовых актов только в сети Интернет не является достаточным для того, чтобы такие акты были признаны опубликованными (обнародованными) надлежащим образом. Помимо размещения в сети «Интернет», требуется традиционное опубликование (обнародование) с использованием местных источников опубликования, например, местных газет. Однако в данном случае это вызвано, скорее, неготовностью всего общества отслеживать соответствующую информацию в сети «Интернет», а также трудностями с доступом к сети «Интернет» в отдельных муниципальных образованиях.

Более успешному внедрению информационных технологий может способствовать развитие иных институтов муниципального права, в частности, межмуниципального сотрудничества. Однако для развития данного института пока представляется недостаточной законодательная база. Кроме того, муниципальные образования опасаются, что те или иные формы межмуниципального сотрудничества (особенно, связанные с расходованием бюджетных средств) могут вызвать вопросы у контролирующих органов, поскольку бюджетное законодательство не всегда отличается должной гибкостью, которая зачастую необходима при внедрении современных технологий.

В этом смысле показательный пример был приведен в рамках круглого стола «Цифровой муниципалитет», состоявшегося 8 апреля в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Выступающий глава одного из муниципальных образований отметил, что успешное внедрение приложения, позволяющего отслеживать движение автобусов, на практике возможно лишь в том случае, если автобус курсирует в границах одного муниципального образования. Если же автобус курсирует в двух и более муниципальных образованиях, в этом случае внедрение соответствующих приложений значительно затрудняется.

Таким образом, следует отметить, что внедрение в муниципальное управление современных информационных технологий является неизбежным процессом, необходимость которого вызвана изменением социально-экономического развития общества в эпоху развития технологий. Процесс цифровизации муниципалитетов идет активно, и он объективно является необратимым, поскольку в современном мире это является необходимым условием эффективной коммуникации между населением и органами местного самоуправления.

В различных субъектах Российской Федерации и различных муниципальных образованиях процесс цифровизации идет различными темпами и сопровождается определенными проблемами, имеющими как общий, так и специальный характер (то есть связаны непосредственно с процессом цифровизации муниципалитетов).

Механизмы решения вышеуказанных проблем зависят от их природы. В некоторых случаях они могут быть решены посредством определенных законодательных изменений; в ряде случаев такие проблемы являются объективным и, вероятно, неизбежным следствием цифровизации. В свою очередь проблемы, связанные с недостатком финансирования и квалифицированных кадров, требуют более системных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова Н.В. Представительные органы публичной власти: содержание понятия // Труды института государства и права Российской академии наук. № 1/2012.
2. Кушнир В.В. Поиск решения кадровых проблем муниципальной службы в РФ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – №4. – С. 17–23.
3. Ларичев А. А. Исторический и зарубежный опыт реализации принципа верховенства совета в системе местного управления и самоуправления: уроки для современной России // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 3. – С. 81–88. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.081-088.
4. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации : участие органов местного самоуправления в реализации национальных проектов / Монография / под ред. К.А. Ивановой. – М: Изд-во «Проспект», 2020.

Г. Г. Куневич

старший преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета
Белорусский государственный университет

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Электронная (цифровая) демократия (e-democracy) – форма демократии, характеризующаяся использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Применительно к местному уровню управления речь идет об электронной муниципальной демократии.

В теории информационного права электронная демократия и электронное правительство (e-government) рассматриваются как разные понятия. Если последнее означает повышение оперативности и удобства доступа к услугам государства из любого места и в любое время, то первое – **электронная** (цифровая) демократия относится к использованию информационных технологий для расширения возможностей **участия граждан** в государственном управлении и местном самоуправлении или, по-другому, возможностей участия в публичном управлении.

Цифровая демократия, наряду с электронным правительством, становится одной из базовых основ информационного общества.

Ключевая характеристика цифровой демократии – изменение формы и степени вовлечения граждан в принятие управленческих решений, впервые очередь в системе местного самоуправления. Цифровая демократия может рассматриваться с этой точки зрения как способ улучшения демократических практик или как средство, направленное на ликвидацию сбоев в работе современных демократических институтов [1, с. 63].

Электронная муниципальная демократия получила широкое распространение США и Европе, в частности в Республике Польша и в Швеции.

Например, муниципальная администрация г. Люблина предоставляет всю необходимую информацию о своих услугах в виде информационных карт. В настоящее время на портале Управы г. Люблина um.lublin.eu опубликовано 347 карт, каждая из которых описывает одну услугу. Данные, находящиеся в картах, позволяют клиентам ознакомиться со способом решения конкретного вопроса. Карты включают в себя, среди прочего:

- перечень необходимых документов, которые должны быть предоставлены чиновнику, вместе с образцами бланков в электронном виде, которые можно загрузить со страницы, самостоятельно заполнить и распечатать;
- размер оплат, которые необходимо внести, и номера банковских счетов администрации;
- способы предоставления и получения документов (тут же находятся адреса для корреспонденции и адреса бюро обслуживания населения, номера телефонов, информация, где документы можно подать лично, а также информация, необходимо ли личное присутствие или можно подать документы по доверенности);
- сроки подачи документов, если они определены законом, а также сроки рассмотрения дела;
- информация о возможности обжалования решения администрации, если, по мнению клиента, вопрос не был урегулирован в соответствии с его ожиданиями;
- список законов, согласно которым предоставляется услуга [2].

По сути, термин «электронное правительство» относится к прикладному использованию государственной властью информационных и других телекоммуникационных технологий в целях повышения эффективности функционирования органов государственной власти.

В литературе отмечается, что электронная демократия ошибочно отождествляется только с интернет-демократией. В то же время в литературе и в законодательстве как Республики Беларусь, так и в Российской Федерации отсутствует единый подход к дифференциации этих двух типов демократии. Электронная демократия – это понятие более широкого значения, и мы можем рассматривать е-демократию как один из ее элементов. Практическое измерение электронной демократии основано на применении каждого из инструментов ИКТ, а именно цифрового телевидения, телекоммуникаций, Интернета.

Основная задача **электронной демократии** прежде всего в том, чтобы сделать процедуру принятия решений максимально прозрачной. В первую очередь электронная демократия предоставляет людям возможность оказывать влияние на определенные решения муниципальных органов, помогает найти и обозначить приоритетные вопросы, **дополнительная** гарантия принципа участия в управлении делами государства и свободы выражения. Электронная демократия предоставляет гражданам большие гарантии прав и свобод и дополнительно способствует более полноценному их участию в политическом процессе.

Концепция электронной демократии вызывает к жизни новые способы участия граждан в политической жизни страны: люди имеют возможность выразить свою политическую волю через Интернет (в качестве примеров можно вспомнить институт электронного голосования, политические интернет-форумы, общественные инициативы, реализуемые с помощью интернет-технологий). С одной стороны, идея электронной демократии нацелена на более широкое и активное участие граждан в функционировании институтов современной представительной демократии при помощи интернета, мобильной связи и других технологий, с другой стороны, указанная идея также способствует непосредственному прямому участию граждан в решении проблем, стоящих перед обществом [3, с. 4].

В литературе отмечается, что значительную роль на современном этапе играет информационная открытость органов государственной власти, что напрямую влияет на эффективность реализации прав и свобод. При этом, используются различные термины «открытость», «прозрачность» и «транспарентность». По мнению Э.В. Талапиной, в подобной ситуации использование понятия «транспарентность власти» применительно к данному аспекту является предпочтительным, поскольку означает не только доступность информации, но и возможность осуществления общественного контроля над публичной деятельностью и участия граждан в управлении [4, с. 155].

«Открытый» означает «доступный для всех желающих» и указывает на возможность взаимодействия с государственными органами, ознакомление с принятыми решениями, а прозрачность – доступностью информации о деятельности государственного аппарата.

В литературе выделено три уровня информационной открытости власти:

- доступ к информации о состоянии дел в обществе и государстве, возможность получить сведений о деятельности государственных органов;
- включает также доступ к процессу принятия решения, ознакомление с причинами их принятия и результатами;
- участие представителей гражданского общества в процессе принятия решения [5].

Стоит отметить, что современные модели электронной демократии, помимо возможности высказать свое мнение по определенному социально значимому вопросу и принять участие в какой-либо публичной on-line дискуссии, предоставляют простым гражданам реальную возможность диалога с представителями органов власти, политических партий и иных общественных организаций, а также с органами местного самоуправления. Помимо подачи коллективных обращений в органы власти в формате электронных писем

на адрес электронной почты компетентного ведомства или конкретного чиновника, есть ресурсы, которые позволяют гражданам записываться на прием к чиновнику, участвовать в онлайн-конференциях или скайп-сессиях с представителями органов власти в режиме реального времени и задавать чиновникам вопросы, информировать их о проблемах своего двора, района, города или села.

В разработанной в 2012 г. в РФ «Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года» под электронной демократией в Концепции РФ понимается такая форма организации общественно-политической деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия **граждан друг с другом**, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами, а в разделе IV выделяются следующие наиболее распространенными виды электронной демократии:

- электронное голосование (голосование по мобильному телефону, интернет-выборы и т.д.);
- механизмы сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме on-line;
- механизмы формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий;
- механизмы сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти;
- механизмы общественного онлайн-управления на муниципальном уровне [6].

Также в Концепции предусматривается использование модели **краудсорсинга**, которая в настоящее время во многих странах мира получила особую популярность. Модель **краудсорсинга** – это публичное делегирование определенных функций неопределенному кругу лиц, которая при определенных условиях является хорошей альтернативой схеме формирования консолидированного мнения с привлечением ресурсов малой группы. Коллективное решение в рамках краудсорсинга разрабатывается и структурируется не малой группой из числа профессионалов-экспертов, а «толпой любителей», каждый из которых вносит свой вклад в коллективное решение, используя специальные технологии коллективного редактирования (wiki-технологии). Существуют исследования, которые показывают, что при определенных обстоятельствах толпа в состоянии принять более оптимальное решение, нежели экспертное сообщество. В частности, на принципах краудсорсинга работают такие проекты как сервисы «коллективного интеллекта», свободные геокарты, сетевые волонтерские группы, сетевые творческие мастерские, открытые коллекции стоковых фотографий и видеороликов, интернет-ресурсы по обмену файлами, народная журналистика, научные исследования и др.

Анализируя проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации Я.В. Антонов отмечает, что «форумы, социальные сети, электронные обращения и инициативы – это методы и способы, которые в современном обществе используются для коллективизации мнений и влияния на принятие государственных решений. Открытость информации позволяет осуществлять общественный электронный контроль, эффективность которого все возрастает и будет возрастать. Общество постепенно становится не только объектом управления, как ранее, но и активным субъектом, участвующим в определении направлений государственной политики. В этом видится основное пред-

PolotskSU

назначение и смысл электронной демократии: с одной стороны, дать возможности населению реализовать свое конституционное право на участие в управлении делами государства, а с другой стороны, научить, показать инструменты, как конструктивно реализовывать свое право в рамках действующего законодательства» [7, с. 6].

А.В. Осипов полагает, что электронную демократию следует рассматривать в виде следующих информационных подсистем:

- е-системы обращения граждан;
- системы электронного правительства (ЭП);
- е-инициативы;
- е-голосования;
- е-обсуждения нормативных правовых актов (НПА);
- е-системы управления административным центром и т.д. [8].

Когда речь заходит о развитии информационного общества в Республике Беларусь, обычно рассматривается взаимодействие личности, общества и государства в рамках электронного правительства, а местный уровень со своими проблемами развития форм электронного участия граждан в местном самоуправлении остается не находит должного внимания.

В Республике Беларусь ИКТ развиваются на республиканском уровне, а местный уровень является вторичным. Часто для определения практики использования информационных технологий в сфере местного самоуправления используют термин «электронный муниципалитет». По мнению Т.М.Киселевой в упрощенном виде электронный муниципалитет можно рассматривать как совокупность отношений по использованию инструментов информационного общества, позволяющих населению непосредственно либо через представительные органы решать вопросы местного значения [9].

Базовым актом, регулирующим общественные отношения в сфере информации, информатизации и защите информации является Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации».

Указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 года № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь» предусмотрел создание Совета по развитию информационного общества при Президенте Республики Беларусь, а также расширил полномочия Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь и поручил ему создание республиканского унитарного предприятия «Национальный центр электронных услуг».

Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 годы была утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235. В ней установлено, что обязательной интеграции с общегосударственной автоматизированной информационной системой подлежат государственные информационные системы. В качестве цели Государственной программы определена необходимость совершенствования тех условий, при которых под влиянием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) происходят изменения в различных сферах государственной и общественной жизни, в том числе развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства.

Однако правовое обеспечение развития электронной демократии в системе местного самоуправления Республики Беларусь отстает от потребностей общественной жизни.

В 2013г. объединенным институтом проблем информатики (ОИПИ) НАН Беларуси была разработана АИС «Местные Советы депутатов». Среди основных целей этой АИС были указаны следующие: повышение эффективности деятельности органов местного

управления и самоуправления в сфере жизнеобеспечения населения; оперативное информирование и консультирование граждан по вопросам их жизнеобеспечения; совершенствование работы с обращениями граждан. По отчету разработчиков система бала создана и передана почему-то ЦИТ ГХУ Управления делами Президента Республики Беларусь, но на практике не видно результатов деятельности этой информационной системы. К тому же до разработки АИС МСД уже существовала локальная автоматизированная информационная система органов местного управления и самоуправления первичного территориального уровня АС «ЛАИС+» ГУ «ЦИТ Белстата», основным назначением системы являлась комплексная автоматизация и информационная поддержка процессов, связанных с выполнением первичных регистрационно-учетных операций на первичном уровне по сути АИС МСД дублирует перечень задач АС «ЛАИС+».

Анализ этапов становления информационного общества в Республике Беларусь позволяет сделать вывод, что существуют серьезные препятствия на пути развития механизмов электронной демократии. В первую очередь, это касается процедур двустороннего взаимодействия граждан с органами власти по общественно-политическим вопросам. Механизм обращений и запросов граждан и организаций в органы власти в электронном виде не получил широкого распространения в силу отсутствия необходимых и достаточных процедур, которые бы юридически гарантировали и практически обеспечивали полное равенство данных обращений и процедур перед их физическими.

Не только на республиканском, но и на местном уровне следует внедрить, используя информационные технологии, подобные системе «Активный гражданин» (по опыту гор. Москва). Это могло бы быть определенной альтернативой местным референдумам. Граждане могли бы голосовать за то, как будет развиваться город, район, поселок. Сельсовет, решать, как их благоустроить, участвовать в развитии транспорта, цифровизации услуг, сохранять культурное наследие.

Возможные направления использования электронной демократии на местном уровне, по нашему мнению, следующие:

- 1) выявление и учет мнения населения по вопросам жизнедеятельности с помощью электронного опроса;
- 2) обсуждение проектов решений органов местного управления и самоуправления как в on-line формате, так и через электронные обращения;
- 3) инициирование местных собраний – в частности, если субъект подобной инициативы население, то необходимо собрать в поддержку инициативы не менее 10 процентов подписей избирателей соответствующей АТЕ;
- 4) правотворческая инициатива граждан, в порядке, установленном соответствующим Советом депутатов (в Минске – не менее 3 тысяч подписей, а где процедура электронного сбора подписей?);
- 5) электронные отчеты депутатов – не менее двух отчетов за год;
- 6) общественные слушания в on-line формате в местном Совете депутатов;
- 7) планирование деятельности органов территориального общественного самоуправления (у каждого ОТОС должен быть свой сайт);
- 8) взаимодействие органов местного управления и самоуправления с НКО;
- 9) электронные отчеты руководства исполкомов и местных администраций перед местными Советами и населением;
- 10) коллективные обращения граждан к депутату округа (как собирать электронные подписи?);
- 11) on-line конференции с руководством органов местного управления и самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурсеев, Е. Государственная программа «Электронная Беларусь»: электронная демократия и правящая элита / Е. Фурсеев // Палітычная сфера. – 2009. – №13. – С. 63-79.
2. Официальный сайт администрации г. Люблина: // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lublin.eu/urząd-miasta-lublin>.
3. Абламейко, М.С. Электронное правительство как основа построения электронной демократии: правовые основы/ М.С.Абламейко, Лю Игун, С.Ю. Артемьев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/101217>.
4. Талапина, Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): Монография / Э.В. Талапина. – М.: Юриспруденция, 2015. – 192 с.
5. Боталова, Д.Б. Спрос на информационную открытость власти в молодежной среде / Д.Б. Боталова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – № 19.
6. Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года [Электронный ресурс] // СПС "КонсультантПлюс".
7. Антонов, Я.В. Политико-правовые проблемы развития механизмов электронной демократии в Российской Федерации / Я.В. Антонов // Российская юстиция. – 2017. – № 7. – С. 5-8.
8. Осипов, А.В. Современные возможности развития электронной демократии в системе электронного Правительства Республики Беларусь: модель, принципы и элементы/ А.В. Осипов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/230877>.
9. Киселёва, Т.М. Местное самоуправление в условиях развития информационного общества: опыт Республики Беларусь и Российской Федерации / Т.М. Киселева // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibray_42917965_30294167pdf.

Е. В. Семашко

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора – руководитель Института правовых исследований
Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

ЦИФРОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Современные правовые, социальные, демократические государства, приобретая такие дополнительные характеристики как «электронное» или «цифровое», все чаще сталкиваются с проблемой неэффективности или недостаточности традиционных механизмов государственного управления. Задачи создать активные, подотчетные и прозрачные государственные учреждения на всех уровнях; обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами с участием всех слоев общества закреплены на уровне Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года [1]. В отечественной «повестке дня» в области развития - в резолюции Шестого Всебелорусского народного собрания отмечено, что для достижения цели обеспечения стабильности в обществе и роста благосостояния граждан за счет модернизации экономики, наращивания социального капитала, создания комфортных условий для жизни, работы и самореализации человека необходимо формирование государства-партнера, то есть укрепление диалога и взаимного доверия между государством и обществом, государством и человеком, государством и бизнесом [2].

В западноевропейском политическом дискурсе тема государства-партнера звучит с начала 80-х годов прошлого века, в том числе в рамках развития концепций «Governance», «Good governance», «New Public Management» и других доктрин, обосновывающих необходимость политических реформ, позволяющих существенно увеличить открытость, транспарентность, подотчетность государства, повысить качество предоставления услуг государственных органов гражданам. В связи с этим становятся актуальными вопросы о том, как под влиянием цифровизации на современном этапе развития государственности меняется парадигма взаимодействия личности, общества и государства, какие новые механизмы управления используются.

На первых этапах развития электронного правительства по аналогии с бизнесом системы взаимодействия гражданина, общества и государства начали описывать через такие системы, как G2C: правительство - граждане, G2B: правительство - бизнес, G2G: правительство - правительству. Использование электронного правительства по этим схемам направлено на улучшение доступности и качества услуг государственного управления; улучшение инвестиционного климата; повышение прозрачности и подотчетности правительства; повышение децентрализации государственного управления; реализация частного государственного партнерства.

Вторым этапом развития электронного правительства стало расширение типа взаимодействия C2C (граждане - граждане) и C2B (граждане - бизнес). Отражением данных систем взаимодействия стало распространение таких технологий, как краудсорсинговые платформы; порталы прозрачности и большие данные и др.

На современном уровне «цифровой зрелости» развиваются такие схемы взаимодействия человека, общества и государства, как P2P или H2H (люди(человечество) - люди(человечество)). Эксперты не исключают, что по мере внедрения технологий электронного правительства могут возникнуть отдельные совместные программы для координации политик в рамках наднациональных организаций [3]. Кроме того, не следует забывать и о еще одном возможном типе взаимодействия: H2M (человек - машина), формирующемся с учетом развития искусственного интеллекта.

В современном тренде развития электронного правительства, как пишет российский эксперт С.В.Кобзева, в мире находятся процессы автоматизации государственных услуг: налоговых сборов и платежей, регистрации бизнеса, онлайн-сертификатов о рождении ребенка, браке. Наибольший прогресс в развитии электронного правительства достигнут в таможенной, финансовой, налоговой системах, электронной торговле и менеджменте человеческих ресурсов, телемедицине [4].

Граждане получают все больше технических возможностей для оперативного участия в государственном управлении. Проще и быстрее с использованием информационных технологий подать обращение в государственные органы, поучаствовать в обсуждении проекта нормативного правового акта или в процессе формирования бюджета, осуществлять мониторинг расходов статей бюджета посредством организации открытых публичных встреч и создания механизмов демократизации политических программ. Таким образом, цифровизация способствует увеличению открытости, подотчетности, эффективности и вовлечению граждан в государственное управление, ускоряет экономический рост и развивает человеческий потенциал посредством качественного управления и социальной политики [4].

Однако информационные технологии не только помогают гражданам и организациям получить дополнительные удобные инструменты и способы участия в управлении государством. Развитие технологий порождает проблемы обеспечения защиты персональных данных, в целом защиты прав личности в информационном обществе и государстве. Информационно-коммуникационные технологии могут не только защищать от коррупции, но и способствовать распространению новых проявлений данного негативного социально-правового явления. Как отмечает Ю.В.Трунцевский, «новые технологии могут породить новую коррупцию - е-коррупцию, связанную с возможностями темной «паутины», криптовалютами или просто со злоупотреблением хорошо продуманными технологиями, такими как цифровые государственные услуги. ИКТ также могут способствовать централизации возможностей коррупции, таких как центральная база данных для всех финансовых транзакций, что-то, что ранее было сильно децентрализовано. Эти примеры подчеркивают тот факт, что ИКТ сами по себе не являются панацеей от коррупции; они также могут использоваться коррумпированными должностными лицами, а онлайн-активизм может создать у людей впечатление в том, что они активны против коррупции, в то время как такая виртуальная деятельность не приводит к реальному воздействию» [3].

Таким образом, в системе взаимодействия «человек - общество - государство» цифровизация расставляет свои акценты. Научно-технический прогресс стремительно меняет способы коммуникации, но принципы построения правового государства остаются неизменными, так как технологии - это не цель, а средство для достижения баланса интересов личности, общества, государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [без передачи в главные комитеты (A/70/L.1)] 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R. - Дата доступа: 12.04.2021.
2. Резолюция VI Всебелорусского народного собрания: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/rezolyutsiya-vi-vsebelorusskogo-narodnogo-sobraniya.html>. - Дата доступа: 11.05.2021.
3. Трунцевский, Ю.В. Е-антикоррупция или е-коррупция: влияние глобальной цифровизации / Ю.В. Трунцевский // Международное публичное и частное право. 2019. N 4. С. 42-48.
4. Кобзева, С.В. Демократизация государственного управления и электронное правительство / С.В. Кобзева // Информационное право. - 2018. - № 2. С. 4-9.

П. В. Соловьёв

старший преподаватель кафедры конституционного права
и государственного управления
Полоцкий государственный университет

ЦИФРОВОЙ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Государственное управление, как и любое явление в современном обществе, подвергается трансформации в условиях цифровизации. Происходит изменение правотворческой и правоприменительной деятельности через внедрение в них информационных технологий. Результатом этих процессов может стать появление такого нового инструмента в государственном управлении как «цифровой нормативный правовой акт».

Цифровой нормативный правовой акт – это не просто привычный нормативный правовой акт, переведённый в электронную форму, он предполагает совершенно иную концепцию к закреплению норм права. Выскажем ряд гипотетических предложений о возможных направлениях развития нормативного права акта в условиях цифровизации права и конституционно-правовых аспектах этого явления.

1. Цифровой нормативный правовой акт, в первую очередь, должен формироваться с применением информационных технологий. В этой связи обращает на себя внимание использование краудсорсинговых технологий при разработке нормативного правового акта.

Краудсорсинг – это решение каких-либо задач силами заинтересованных лиц, деятельность которых координируется на базе информационных технологий [1, с. 44–45], что позволяет осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью. Технологии краудсорсинга находят своё применение во многих сферах общества, и нормотворческий процесс не стал исключением. В свете краудсорсинговых технологий институт нормотворческих инициатив граждан из процедуры по сбору подписей в поддержку нормотворческой инициативы трансформируется в специализированные сайты, которые позволяют предлагать нормотворческие инициативы, информировать общественность о предлагаемых инициативах, собирать голоса в поддержку инициативы или голосовать против инициативы. Данная модель реализована на практике, например, в Российской Федерации через конституционно-правовой институт «Российская общественная инициатива», а также в других странах [2].

В свою очередь, в свете краудсорсинговых технологий институт публичных обсуждений нормативных правовых актов из направления письменных или электронных замечаний и предложений по проекту в нормотворческий орган преобразуется в специализированные сайты обсуждения проектов, которые позволяют голосовать за или против проекта в целом, его отдельные статьи, размещать замечания по проекту, формулировать к проекту предложения, которые также могут быть оценены другими пользователями. Здесь уже можно говорить о понятии «совместное правотворчество» – «общественность принимает участие в самом процессе создания текста, а не только в обсуждении предлагаемых официальными структурами проектов» [3, с. 300].

Здесь нормотворческий принцип демократизма трансформируется в новую систему взаимодействия государства и населения через переход от подготовки проекта нормативного правового акта государством и его последующей оценки гражданами к процедуре совместного осуществления нормотворческой деятельности, в том числе на стадиях планирования, нормотворческой инициативы и подготовки проекта.

Как отмечают конституционалисты, перед современным конституционным правом стоит задача осмысления краудсорсинга как новой формы непосредственной демократии и разработки гарантий, связанных с реализацией конституционных прав и свобод граждан в условиях распространения краудсорсинговых технологий [4; 5]. Краудсорсинговые технологии в нормотворчестве могут быть охарактеризованы как с положительной, так и с отрицательной стороны. В свою очередь, использование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве позволяет осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать нормотворческое решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью, а значит получить более качественный нормативный правовой акт. Использование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве повышает лояльность общества к принимаемым нормативным правовым актам, поскольку общественность является одним из авторов этого решения. Краудсорсинговые проекты нормативных правовых актов позволяют разделить политическую ответственность за качество и эффективность будущего нормативного правового акта между государством и общественностью.

Однако краудсорсинговые технологии в нормотворчестве имеют ряд отрицательных характеристик. Использование исключительно краудсорсинговых технологий в нормотворчестве может повлечь нерепрезентативность результатов данных институтов, поскольку не все социальные группы в равной степени имеют доступ к сети Интернет или не считают его активное использование необходимой частью своей жизни. Подобная проблема должна решаться через переход к преимущественному использованию краудсорсинговых технологий в нормотворчестве, т.е. превалирование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве при сохранении возможности реализовать своё право на нормотворческую инициативу или участие в публичном обсуждении проекта вне краудсорсинговых технологий.

При этом краудсорсинговые технологии в нормотворчестве позволяют принять участие в выработке нормотворческого решения широкому кругу лиц (часто с противоположными точками зрения). Нормотворческое решение также должно быть согласовано и с позицией государственных органов, здесь возникает проблема совмещения разрозненных позиций в целостный и согласованный нормативный правовой акт. Как представляется, это проблема должна решаться на основе сущностных требований нормотворческого принципа демократизма: нормативные правовые акты должны в первую очередь выражать интересы населения, а не государственных органов; интерес большинства имеет больший вес, чем интерес меньшинства; интерес меньшинства должен быть удовлетворён через компромиссное решение.

В целом следует отметить, что трансформация двух основных нормотворческих инструментов принципа демократизма – института нормотворческих инициатив граждан и института публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов – в единую систему совместного осуществления государством и населением нормотворческой деятельности на основе краудсорсинговых технологий позволит перевести нормотворчество на новый уровень легитимности. В современных условиях «весьма острыми остаются проблемы преодоления отчуждения государства от общества... доверие к власти становится категорией не только политической, но и экономической... действия государства должны быть открыты, понятны и контролируемы обществом» [6, с. 5].

2. Следующее направление цифровизации нормативного правового акта – это приобретение характеристики «интерактивность». Цифровой нормативный правовой акт будет интерактивным, т.е. поиск и усвоение норм права будет происходить через взаимодействие субъекта права и «закона». Фактически цифровой нормативный правовой акт будет

предоставлять ответ на те запросы, которые ему адресуют участники правоотношений. В этой связи требования о ясности и обозримости законодательства, требование нормотворческой техники о краткости изложения нормативных правовых предписаний, требования о структуре акта и др. могут утратить своё значение. Цифровой нормативный правовой акт будет эффективно обеспечивать поиск и усвоение нормы права под конкретный запрос правоприменителя или иного участника правоотношений. У субъектов права уже не будет необходимости ориентироваться и знать весь нормативный правовой акт. Это позволяет цифровому нормативному правовому акту быть не кратким и со сложной для обозрения структурой.

В настоящее время законодатель формирует нормативный правовой акт как сумму общих правил и наиболее важных исключений из этих правил, стремится избегать дублирований нормативных предписаний, использует общие категории в тексте нормативного правового акта. Все это призвано обеспечивать компактность законодательства, но одновременно может вызывать проблемы с конкретностью, однозначностью и достаточностью нормативных правовых предписаний.

В свою очередь, цифровой нормативный правовой акт способен обеспечить максимальную полноту правового регулирования соответствующих общественных отношений, закрепить не только главные, но и второстепенные положения, предусмотреть максимальное количество особых порядков регулирования необщих ситуаций и различных исключений. Это становится возможным в силу того, что интерактивное взаимодействие с цифровым нормативным правовым актом позволит осуществлять поиск и усвоение норм права участниками правоотношений в актах со сложной структурой. В определенной степени это будет способствовать защите конституционных прав и свобод граждан за счёт беспроblemности права и доступности его понимания населением.

3. Цифровой нормативный правовой акт также предполагает использование нового языка законодательства. Современные представления о ясности, простоте и доступности языка законодательства также могут поменяться в условиях необходимости изменения языка цифрового нормативного правового акта в сторону его адаптации к машинному правоприменению, где правоприменителем является роботизированная система. Машинночитаемый и машиноисполняемый цифровой нормативный правовой акт предполагает ряд отличий от «классического» нормативного правового акта: использование в нем меток (ключевых слов) для распознавания и уяснения его содержания машиной-правоприменителем, построение акта как алгоритма действий, что неизбежно усложнит архитектуру нормативного правового акта, его восприятие человеком.

В целом, цифровой нормативный правовой акт и его специфическая сложная форма требует своего конституционно-правового осмысления с позиций легитимности такого способа закрепления норм права. Если для обеспечения легальности цифрового нормативного правового акта требуется лишь правовое закрепление этого нового института, то для легитимности «цифрового закона» требуется формирование в обществе понимания его статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парфенов, Р. В. Краудсорсинг в области права: российский опыт и перспективы / Р. В. Парфенов // Законодательство и экономика. – 2013. – № 7. – С. 44–52.
2. Чеботарев, Г. Н. Гражданская законодательная инициатива как форма осуществления населением государственной власти / Г. Н. Чеботарев, К. А. Иванова // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 4. – С. 59–64.

3. Соколова, А. А. Демократическая культура в законопроектной деятельности: практика «Crowd-sourcing» / А. А. Соколова // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 299–301.
4. Дзидзоев, Р. М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства / Р. М. Дзидзоев, А. М. Тамаев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 8. – С. 66–70.
5. Курячая, М. М. Технологии краудсорсинга в юридической практике / М. М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 6. – С. 31–37.
6. Комарова, В. В. Эффективность консультативных форм прямого народовластия / В. В. Комарова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 2–5.

И. В. Шахновская

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой конституционного права и государственного управления
Полоцкий государственный университет

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Споры о содержании «цифрового государства», а также о таких сопутствующих ему понятиях как «электронное правительство», «цифровая дипломатия», «электронное государство», «информационное общество», «информационный суверенитет» и другие остаются актуальными до настоящего времени.

«Цифровое государство» имеет наиболее часто встречающийся перевод как «электронное государство», сущность которого складывается, как правило, из двух преобладающих значений:

1. Электронное государство используется для обозначения государственной деятельности с помощью информационных технологий для преобразования Правительства как наиболее доступного для государства;

2. Электронное государство предполагает систему государственного управления, которая основана на появлении новых институтов в информационном обществе.

Безусловно оба вышеуказанных подхода имеют место быть. В то же время, более детальное исследование понятия цифрового государства свидетельствует о формировании неких исходных начал и положений относительно того, каким образом следует организовывать деятельность всех государственных органов. Основываясь на данной позиции под цифровым государством следует понимать принцип организации и деятельности государственных органов, который требует с учетом новой «информационной реальности» правового закрепления. Обратим внимание, что в Конституции Республики Беларусь в целом отсутствует статья, регламентирующая определенный перечень таких принципов. К конкретному их выявлению можно прийти только на основании комплексного изучения конституционно-правовых норм. Это и принцип законности, принцип разделения властей, принцип верховенства права в деятельности государственных органов и т.д.

Повсеместное использование термина «цифровое государство» влечет за собой переосмысление основ конституционного строя, под которыми понимаются главные устои общества и принципы государства, призванные служить целью для построения правового и демократического государства. В связи с тем, что весь процесс цифровизации в государственном управлении главной целью ставит упрощение доступа граждан к «диалогу» с государством, то справедливо отнести принцип «цифрового государства» в раздел «Основы конституционного строя» Конституции Республики Беларусь и закрепить данное положение при работе над новым текстом Основного Закона в условиях проведения конституционной реформы в Республике Беларусь в современный период.

По итогам проведенного ООН исследования к 2020 году Беларусь заняла 40 место по индексу готовности к электронному правительству в рейтинге, сохранив свои позиции как страны с высоким уровнем его значения. По сравнению с 2018 годом индекс готовности к электронному правительству Беларуси вырос на 5,8 % в 2020 году. Отметим, что к 2020 году Беларусь по уровню развития электронного правительства опередила в рейтинге такие страны как Бельгия, Греция, Латвия, Китай, Кувейт, Малайзия, Саудовская Аравия, Сербия, Словакия.

При этом практические результаты многих проектов последней программы станут доступными широкому кругу пользователей по итогам ее завершения с 2021 года (ID -

карта для удаленной идентификации, электронные сервисы, реализуемые на базе создаваемых информационных систем, масштабирование проекта «Электронный рецепт» и «Электронная школа»).

Реализация принципа цифрового государства предполагает качественные изменения в различных системах. В частности, появление новых прав человека либо новые способы реализации имеющихся. Отметим, что само понятие «субъекта» как носителя права изменяется в цифровом государстве. На смену классическим субъектам (физические лица, юридические лица, организации, объединения, политические партии и др.) приходят иные, которые до настоящего времени не получили концептуального осмысления своего правового статуса. Таковыми являются электронные объединения, группы пользователей в социальных сетях, группы пользователей на форумах, хейтеры и др.

К новым правам человека стоит отнести доступ к цифровому наследию. Право на доступ к цифровому наследию предполагает также реализация принципа доступности, открытости информации на всех уровнях, в том числе, в рамках местных регионов. Здесь следует вести речь о повсеместном внедрении и использовании спектра информационных технологий, обеспечивающих качественный диалог с населением соответствующей административной единицы, вести речь о формировании единого информационного пространства. Положительно в этом ключе стоит отметить создание ресурсов открытого доступа в деятельности Национальной библиотеки Беларуси. К примеру, в открытом доступе в настоящий момент представлены следующие ресурсы: ABC-Chemistry (каталог ссылок, созданный кафедрой общей химии и методики преподавания химии Белорусского государственного университета); Academic Archive On-line (DiVA) (свободный доступ к полным текстам диссертаций, защищенных в 21 университете скандинавских стран); Academic Journals (содержит рецензируемые журналы по искусству, биологии, сельскому хозяйству, медицине, гуманитарным и естественным наукам) и др.

Сохранение цифрового наследия имеет различное содержание: от культурного, в области искусства до сохранения правового наследия. Положительно отметим создание общедоступного электронного банка судебных решений Национальным центром правовой информации Республики Беларусь совместно с Верховным Судом Республики Беларусь с 2021 года.

Ряд известных прав человека видоизменяется, приобретает новый смысл, новое качественное содержание при реализации в цифровом государстве. К примеру, право на жизнь. Традиционным пониманием данного естественного права человека было право требовать от государства сохранения условий для жизни, а также защиты жизни от противоправных посягательств. В то же время, в современных условиях право на жизнь можно трактовать немного в другом контексте. Как справедливо отмечает Р.А. Ромашов, «правом на жизнь» в интернет-пространстве в равной степени пользуются политики и террористы, консерваторы и революционеры, верующие и атеисты» [1, с. 7]. В этом ключе право на жизнь трактуется как право на осуществление определенной активности, деятельности, распространения информации, регистрации в качестве пользователя в сети Интернет. Кроме того, данное право сохраняет за собой принцип равенства при его реализации. При этом реализация данного права не ограничена национальным правовым регулированием, а носит трансграничный характер. В данном направлении возрастает роль государства в разработке блока законодательства, ограничивающего распространение неприемлемого, общественно опасного контента на просторах Интернет-сообщества.

Значимую роль в современных условиях приобретают такие «новые» субъекты конституционно-правовых отношений, как электронные объединения. В частности, важной

особенностью является гибкость таких образований, их мгновенная реакция и принятие решения по определенному вопросу в сфере управления обществом или государством. Это обусловлено отсутствием формальных требований к регистрации, к разработке уставных документов, к минимальным требованиям к структуре и численности объединения и т.д. Ярким положительным примером является эстонский опыт, когда на выборах внедрили электронное голосование, что позволило такому субъекту конституционно-правовых отношений с помощью информационных технологий реализовать своей избирательное право. В Исландии советом в сети Facebook был подготовлен проект конституции с учетом более 300 предложений и комментариев, полученных в сети Интернет.

В качестве примера электронных объединений в Республике Беларусь как субъектов конституционно-правовых отношений можно привести группы зарегистрированных пользователей на Правовом форуме Беларусь. Таковыми группами являются постоянные пользователи и юристы. Отметим, что с 2019 года Правовой форум Беларуси признан официальной диалоговой площадкой для обсуждения проектов нормативных правовых актов среди граждан и юристов. Данные изменения, связанные с принятием новой редакции Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» позволяют способствовать усилению демократических процессов в обществе и государстве, а также способствовать реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами общества и государства. При этом было бы разумно выносить для обсуждения также проекты решений местных органов управления и самоуправления по наиболее значимым вопросам для соответствующих административно-территориальных единиц. В этой связи проекты таких решений целесообразно было бы выделить в отдельную рубрику (колонку) для упрощения доступа к ним для граждан.

В позитивном ключе стоит отметить права постоянных пользователей и юристов на Правовом форуме Беларуси. Так, обе группы зарегистрированных пользователей вправе выступать инициаторами возникновения отношений (наделены правом создания тем, комментариев и т.д.).

Обратим внимание при этом, что важность реальной эффективности работы таких цифровых площадок будет зависеть не только от возможности обеспечения диалога между населением и местными органами власти (модель диалога «по вертикали»), однако и налаживание реальных «горизонтальных» уровней взаимодействий между жителями региона с целью обсуждения и принятия решений по обозначенному вопросу или поставленной проблеме.

Относительно новое для белорусской реальности стало понятие «информационный суверенитет», на необходимость реализации которого было обращено в Послании Конституционного Суда Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в 2018 году» Конституционным Судом было обращено внимание на необходимость принятия нормативных правовых актов, направленных на защиту персональных данных граждан, обеспечение информационного суверенитета и кибербезопасности страны.

В 2019 г. в Республике Беларусь был выдвинут ряд инициатив, направленных на регулирование вопросов глобальной информационной безопасности. В соседней Российской Федерации начало формирования правовой базы для «цифрового суверенитета» положил Федеральный Закон от 1 мая 2019 г. №90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2].

В рамках этого подхода должно быть обеспечено развитие как национальных, так и местных средств массовой информации, которые должны формировать устойчивую позицию применительно к таким популярным явлениям, как фейки, дипфейки и другие.

Заключение. Построение цифрового государства предполагает необходимость переосмысления теоретических подходов к данному термину, основ конституционного строя с включением в него положений о цифровом государстве, а также трансформацию устоявшихся конституционных прав и свобод граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромашов, Р.А. Цифровое государство (digital state) – новый тип государства или форма глобального мирового порядка? / Р.А. Ромашов // История государства и права. – 2017. – № 4. – С. 3–11.
2. О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" [Электронный ресурс]: Федеральный Закон Российской Федерации от 01.05.2019 № 90-ФЗ // Консультант. – М., 2021.

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КРУГЛОГО СТОЛА

A. Khujanazarov

Teacher of Tashkent State University of Law

E. Nurtazin

PhD of South Kazakhstan State University

COVID-2019: DIGITAL NORM-MAKING

This article analyzes digital norm-setting activities, the introduction of digital technologies into norm-setting, norm-setting platforms, norm-setting modernization issues, and digitalization during a pandemic to prevent the spread of viruses along with health care for both the legislature and the local population. The article examines the scientific works of legal scholars in the field of norm-setting and, based on these sources, covers the topic and outlines several problems in the field of digital norm-setting in a pandemic. The article develops the author's proposals on the development, discussion, examination, and legal examination of normative legal documents using information technology, facilitation of their adoption and delivery to the public, and health. Based on these recommendations, the author argues that the Pandemic should prevent COVID-19 and other emergencies in the protection of the health and time of professionals working in law enforcement agencies.

Keywords: Covid-2019, pandemic, digital, norm, technology, act, global, health.

1. INTRODUCTION

The COVID-19 pandemic is the current global pandemic of the COVID-19 coronavirus infection caused by the SARS-CoV-2 coronavirus. The outbreak was first reported in Wuhan, China in December 2019. The outbreak was declared a public health emergency of international concern by the World Health Organization on January 30, 2020, and a pandemic on March 11. As of December 9, 2020, the pandemic had more than 69.1 million cases worldwide; more than 1.573 million people died and more than 47.8 million recovered [1].

Any object or object that is likely to contain a hand, door handles, money, table-chair surfaces, paper, windows, stairs, bars, and other viruses can infect according to health organizations, a person infected with the coronavirus.

A take, given that COVID-2019 is transmitted through documents and other things, using digital technologies during a pandemic, i.e. working with electronic materials, is beneficial to humans.

The global trend is that digital technologies are somewhat advanced in all developed countries. Indeed, developing a society in which globalization has changed (transformed, updated) and introduced the latest technologies while integration with the world community is important.

To achieve development, we must first acquire digital knowledge and modern information technology. Digital technology increases public and public administration, productivity in the social sphere, improves people's lifestyles.

At the same time, the modernization of normative creativity, in particular digitalization, also prevents the spread of viruses, mainly in conjunction with health care, not only for the legislature but also for the population during a pandemic.

Indeed, the development, discussion, expertise and legal expertise of normative and legal documents using information technology, as well as facilitating their adoption and dissemination to the public, is also important in health care.

2. MATERIAL AND METHODS

In the field of norm-making based on the following methods:

1. The Concrete-sociological method often turns out to be the only correct one when studying various spheres of activity of legal and state institutions, when it is necessary to assess the effectiveness of decisions made, the timeliness and effectiveness of legal regulation or legal protection.

2. The Comparative legal method is no less important in the way of state and legal studies than the specific sociological method. The comparative method involves comparing concepts, phenomena and processes and finding out the similarities and differences between them. Because of the comparison, the qualitative state of the legal system, the state structure as a whole, or individual, for example, legal institutions and norms are created.

But, it is important to consider one condition: the objects to be compared must be comparable. Let's explain with examples. You can compare legal systems, state structures, and similar legal institutions and norms. But you cannot compare, for example, the legal system in General and individual legal norm of These objects is incomparable for the level, scope, contents and grounds.

3. Specifics and main functions of the legal method. Formal-legal (normative-dogmatic) can be rightly called traditional, characteristic of legal science, resulting from its nature. Its essence is that the law is studied as such: it is not compared to anything, it is not linked to the economy, politics, morality, or other social phenomena [2].

3. FINDINGS

During this article, the scientific works and research works of legal scholars in the field of norm-setting were studied. The relevance of the topic was highlighted based on the collected sources on norm creation, and several problems in the field of digital norm creation in the context of a pandemic were highlighted in the article.

Legal expertise of projects of normative legal acts is, in turn, one of the main institutions of the activity of normative creativity. After all, the rule of law in society and any kind of social-economic and legal relations arising are regulated based on relevant normative legal acts. Their compliance with high-standing legislation decides the legality of legislative acts [3].

Current legislation, normativ legal documents for consideration by the experts in public or disposal of interest in the discussion of the normative- legal acts of public authorities, as well as self-governing bodies and other civil society institutions, and other organizations, scientists and experts participation of the work [4].

The legal expert of the draft law is to assess the compliance of the draft law with the RF Constitution and its position in the system of current legislation and international treaties, as well as to check its quality and effectiveness of the rules of Legislative technique.

Also, the lawyer scientist X. Haitov said that the result of the expert or group of experts with special knowledge and skills on the concept of the expert of the draft laws based on draft laws will be formalized in the form of a conclusion, identifying and eliminating the various shortcomings allowed in them, it has been described as an activity aimed at developing recommendations based on evaluating compliance of the draft laws with the legislative system, norms of international law, legislative techniques, the extent to which reforms are carried out in our country[5].

In Particular, E.V. Razd'yakonova and E.D. Tretyakova divided the following types of expertise:

— depending on the subjects carrying out expert activities: State, Public, International;

— by the stage of complexity:

- a) Essex (if a normative legal act or project relates to several areas of Legal Regulation);
- b) specialized (if the draft normative legal act relates to some sphere of regulated social relations) [6].

Engagement speaks to an evolving critical agenda in norm research, recognizing developing states as norm-makers rather than norm-takers and thereby counteracting a long-standing hierarchical depiction of norm promotion, development, and diffusion [7].

4. DISCUSSION

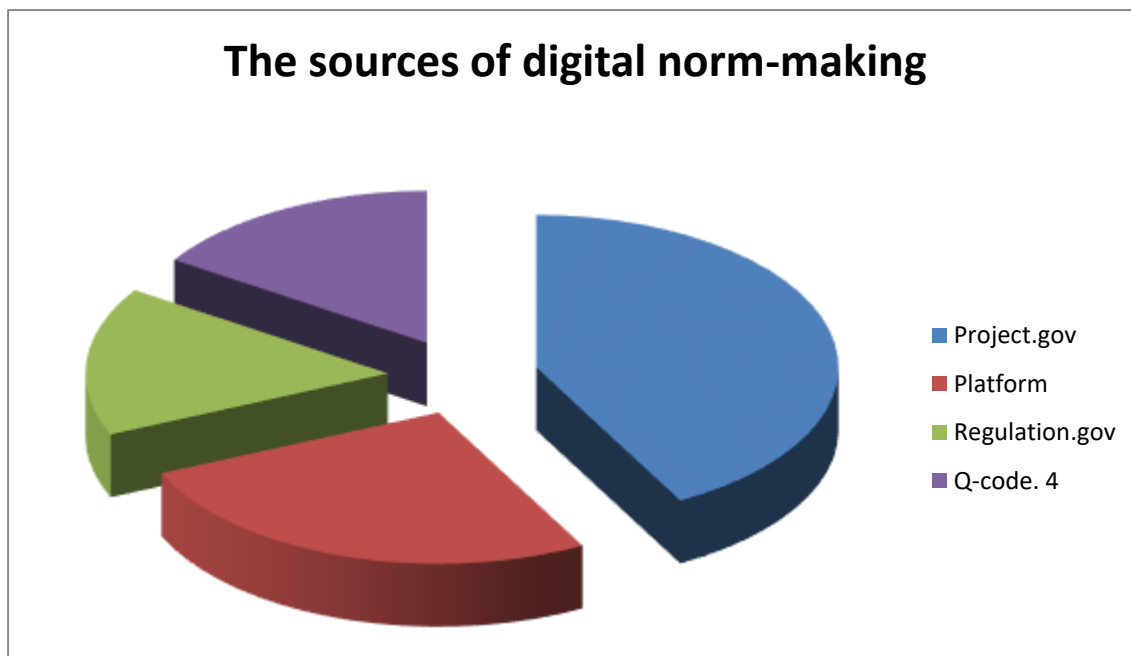
The following scientific approaches of scientists on the concepts of "law-making", "rule-making", "law-making" and their differences can be shown in scientific-theoretical sources and research works.

In our opinion, based on the theory of law, it is expedient to describe the concepts of "law-making", "rulemaking" and "lawmaking" in terms of direct sources of law.

The activity aimed at creating, changing and repealing the rules of conduct, the implementation of which is mandatory, is "law-making", and only the development, amendment and repeal of normative legal acts should be understood as "norm-making". At the same time, it is appropriate to understand the concept of "lawmaking" only in the activities of the state legislature to create, amend and repeal laws governing social relations.

One of the manifestations of law-making is the issuance of individual, formal, authoritative and binding orders by the head of a particular organization or institution.

Based on the above, in terms of the creation, modification and repeal of universally binding rules of conduct, "lawmaking" is a broader category that encompasses the concepts of "rule-making" and "law-making".

Although there are theoretical approaches to the concept of norm-setting in the scientific literature, it can be shown that our national legislation has not developed a clear legal definition of the concept of "norm-creation initiative", "norm-creation activity", "subjects of norm-creation".

Due to the organizational and legal nature of the norm, it should be noted that this activity has the following characteristics:

First, that this activity covers the stages of preparation of the draft normative legal acts, which are one of the direct sources of law, their legal examination and coordination, discussion, adoption (issuance) with interested bodies and organizations;

Second, its adoption by a person or body authorized to adopt an official document aimed at establishing, amending or repealing legal norms as general mandatory state instructions;

Third, the existence of special procedures for the implementation of legislative activity, which is one of the main areas of this activity, in the manner prescribed by law;

Fourth, the participation of the local population in these activities.

Normative activity is carried out by the principles of man, his rights and freedoms and legitimate interests, legality, democracy, transparency, agreement, logical consistency, expediency, scientific validity. It is expedient to define the concept of "norm-making technique", which applies to all types of normative legal acts, as a set of rules, methods and tools used in the development, legal and technical drafting, adoption of the draft normative legal acts.

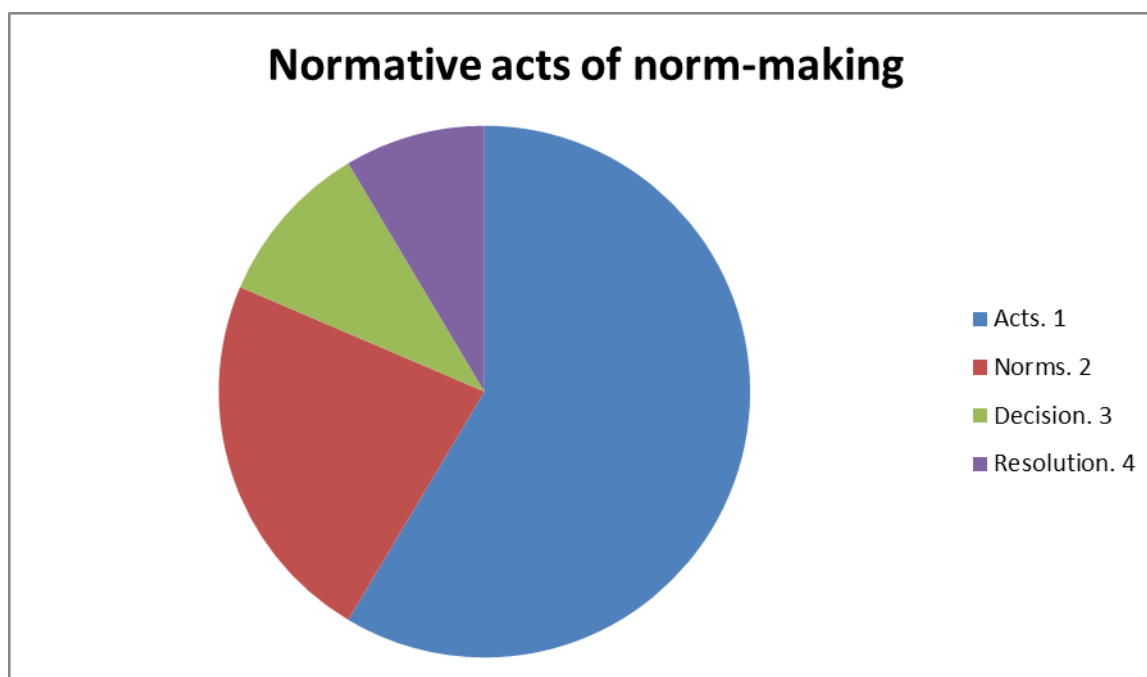
The current state of the lawmaking sphere makes it possible to use digital technologies not as a means that can replace a person or significantly simplify his work, but as a means that accumulates the results of work and allows for operational interaction and information retrieval. At the present stage, the task of scientists and practitioners is to form the basic principles and directions of digitalization of law-making activity, to determine the limits and possibilities of its implementation in the law-making process [8].

According to Mark D. Ryan and Gurchetan S. Grewa, digital technologies are applicable at the following stages of legislative activity:

- collecting public opinion through online forums;
- development of the draft laws using online mechanisms;
- Coordination of online consultations on draft laws;
- online voting on proposed bills;
- providing online access to current legislation and ensuring the interpretation of current legislation [9].

According to V. Zikeev, the key issue of digitalization of the legislative process is the depth of implementation and the scope of digital technologies. It should be added that artificial intelligence is already capable of detecting defects in regulatory requirements, as well as ensuring the unification of legal terminology. The same can be said about some constructors of regulatory legal acts (by analogy with constructors of contracts), the creation of which will become a feasible task for developers of professional software. In this sense, the time for artificial intelligence in rulemaking has come. State bodies should arm themselves with technological tools that allow them to reduce costs, free up human intellectual resources for solving non-routine tasks. However, this is a matter of serious managerial, in a sense, political will, because the delegation of even an insignificant amount of functions of the state apparatus to artificial intelligence can be associated with decision-making to optimize labor resources. Although the number of routine tasks is growing disproportionately with the growth in the number of management units, therefore, the priority in this regard is the reorientation of human resources to solve tasks that are not related to the performance of typical or routine work. Technological solutions in the field of law-making will make it possible, among other things, to remove some procedural barriers (first of all, concerning numerous internal approvals at the stage of preparing documents). Thus, some experts believe that artificial intelligence can be delegated the functions of checking compliance with the procedure for submitting legislative initiative, selecting regulations and norms

to be recognized as invalid as a result of the adoption of a new law, analyzing regulations for duplication of regulation at the stage of legislative initiative. Neural networks could also be used to assess the regulatory impact of the planned draft law. In this regard, I am in solidarity with those who assign technology the function of a faithful and unpretentious helper. Despite the futuristic views of many representatives of the legal profession, I still do not see it possible to replace professional lawyers working in the state apparatus with robots. Experts note that the legislative initiative as a mechanism for putting into effect legislative activity contains elements of the will, the need for subjects of the right of a legislative initiative to respond to changing legal relations, socio-economic and other conditions, to suggest how such legal relations can change in the future. In the course of work on rule-making initiatives, analytical expertise is required, taking into account many social, economic, political, and historical factors. In every management decision, the "social context" is almost more important than the accuracy and clarity of regulatory prescriptions. Also, when making managerial, including legislative decisions, the issue of subjectivity comes to the fore. And in this sense, we are certainly far from the all-encompassing delegation of legislative functions to artificial intelligence. Therefore, undoubtedly digital products can significantly simplify the work of lawmakers and legislative bodies, as is done today by legal reference systems, but so far no more [10].

In Uzbekistan, among the main events in the rule-making activity was the launch on the Internet of the Unified Electronic System for the Development and Approval of the draft Normative Legal Acts. It should be noted that only in a few countries of the world, in particular Belarus, Kazakhstan, Korea, Russia, Singapore, Japan, and now in Uzbekistan, systems of this kind are functioning, allowing to carry out law-making activities in an electronic format. Automation of the procedure for approval (approval) of the draft regulatory legal acts made it possible to significantly optimize and simplify the rule-making process. The electronic format of work allows you to quickly and conveniently coordinates drafts of normative legal acts. Due to the availability of the system via the Internet, non-compliance with the established deadlines for approval of the draft regulatory legal acts, red tape and bureaucracy in law-making activities are excluded. More than 200 different organizations are connected to the system, in particular, all government bodies, including khokimiyats. This year, the Unified Electronic System for the

Development and Approval of the draft Normative Legal Acts (project.gov.uz), as well as the System for Assessing the Impact of Legislative Acts (regulation.gov.uz), were transferred to the Ministry of Justice, which is the body authorized to implement the unified state legal policy, coordination and enhancement of the effectiveness of lawmaking. The Ministry of Justice carried out a legal examination in electronic format and endorsed about 1400 projects of normative legal acts [11].

In our view, the institute of legal experiment and its structure, function, limits of its implementation and the legal status and guarantees of the participants of the experiment are not sufficiently developed. No specific criteria have been considered in which cases it is useful or necessary to carry out legal experiments. There is no normative legal document defining the procedure for organizing and conducting a legal experiment, recommendations and guidelines for their scientific organization, and regulating the objective examination of the results [12].

5. CONCLUSION

The impact of digital technologies on the law is directly manifested in lawmaking, which, under the influence of the new reality, may well change a number of its key parameters. The study of this impact and its main directions today is largely predictive in nature. Nevertheless, it seems possible to identify the main vectors of such an impact, to suggest possible solutions to emerging problems [13].

In our opinion, in order to further develop the creative activity of the digital norm and expand its position in the field of legal technology, the following author's suggestions are given:

First, Mutual integration of Parliament, Presidential Administration, ministries and government into a single legislative platform. Through this platform, the bodies of the state engaged in norm-setting activities carry out the tasks of the drafting and reviewing, discussing and approving normative legal acts.

Second, complete abandonment of paper forms of normative legal acts and full transfer of documents to electronic form.

Third, the development of Q-codes of normative-legal documents. At the same time, it is important that Q-codes, which basically contain all the information about the product, also apply to the legal framework. In our opinion, the following positive results can be achieved through the introduction of Q-codes in the normative legal acts, in particular, it is expedient to publish the normative legal acts with the Q-code after approval, which includes the stages from drafting to signing and discussion. Include information on the acceptance or rejection of proposals and recommendations submitted by the population and government agencies. Therefore, it is expedient to develop a separate electronic database of the Q-code of the regulatory legal document on the website www.lex.uz (National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan). The electronic database of the Q-code contains information about the proposals that are the basis for the development of legislation and their authors, which in turn prevents the issuance of previously made and repeated proposals to improve the legislation and serves to provide quality and new proposals.

Fourth, the legislative initiative and the process of submission to the Legislative Chamber of the Parliament should be transferred to the online system.

These proposals will be taken into account during the pandemic and in other cases in the protection of the health and time of specialists working in law enforcement agencies.

6. CONCLUSION

In conclusion, it should be noted that, given the students of today, the activity of norm-making is aimed at breaking the law, so this activity should be further improved. At the same time, the digitization of normative activity and the use of digital normative activity during the "Pandemic COVID-19" directly contribute to the protection of human health.

REFERENCES

1. ru.wikipedia.org.
2. Islamav Z.M. Problemi teorii gosudarstva I prava sovremennosti. Uchebnik. - T.: TGYUI, 2006. - p. 10.
3. Khaydarali Mukhamedov., Khujanazarov Azizjon A. (PDF) THE ACTIVITY OF JUSTICE BODIES ON THE LEGAL EXPERTISE OF THE PROJECTS OF NORMATIVE LEGAL ACTS. Available from: https://www.researchgate.net/publication/348920620_THE_ACTIVITY_OF_JUSTICE_BODIES_ON_THE_LEGAL_EXPERTISE_OF_THE_PROJECTS_OF_NORMATIVE_LEGAL_ACTS [accessed Mar 12 2021].
4. Khaydarali Mukhamedov., Khujanazarov Azizjon A. (3) (PDF) TECHNOLOGIES IN LAW-MAKING ACTIVITIES. Available from: https://www.researchgate.net/publication/349608107_TECHNOLOGIES_IN_LAW-MAKING_ACTIVITIES [accessed Mar 13 2021].
5. Khayitav X.S. Improvement of the organizational and legal basis of expert examination in the creativity of the law. Doctor of Legal Sciences (DSc) the dis. authorship.. T.: 2018. - p. 14.
6. Razd'yakonova E.V., Tretyakova, E.D. Pravovaya ekspertiza normativnix pravovix aktov: Uchebnoe posobie / avtor E.V. Razd'yakonova, E.- D. S. Tretyakova; SIU-branch Ranhigs. - Novosibirsk: izd-vo Sibags.-2014.- p. 54.
7. Bode, I. Norm-making and the Global South: Attempts to Regulate Lethal Autonomous Weapons Systems. Global Policy, Volume 10, Issue 3, 1 September 2019, Pages 359-364, (www.scopus.com).
8. AArnautova A. Digitalization of law-making activities. Electronic scientific journal "Century of quality". no. 2 (2019).
9. Mark D.R. and Gurchetan S.G. Making laws in a digital age, 2014.
10. https://zakon.ru/blog/2020/03/02/zakonotvorchestvo_i_cifra_longrid_na_temu.
11. <https://www.minjust.uz/ru/press-center/news/98818/>.
12. Rakhmatullayevich, K.S. Legal experiment: ITS concept, classification and role in improving norm-making, Volume 7, Issue 2, September 2020, Pages 701-708 (www.scopus.com).
13. The digitalization of law-making: the search for new solutions : monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk, A.A. Golovina; ed. by doctor of law, professor D.A. Pashentsev. — Moscow : The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M, 2019. — p.10.

S. Łazuk

M.A., PhD Student

Faculty of Law, University of Białystok, Poland

P. Zadykowicz

M.A., PhD Student

Faculty of Law, University of Białystok, Poland

ELECTRONIC DOCUMENT IN POLISH ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS - SELECTED ISSUES

Pursuant to the rule of writing form binding in administrative proceedings (article 14 of the Code of Administrative Procedure [1]), each manifestation of interaction of an external entity with the authority in the course of proceedings should be recorded in writing. In accordance with article 14 § 1 of the C.A.P. all matters shall be disposed of in writing or in the form of an electronic document as defined in the Act of 17 February 2005 on Informatization of Operation of Entities Performing Public Tasks [2]. Due to the fact that the regulations of the C.A.P. do not provide a definition of an "electronic document", in accordance with the directives of functional interpretation it should be understood in accordance with the provisions of A.I.O. In the light of the article 3 pt 2 in relation to article 3 pt 1 of the A.I.O., an electronic document is a meaningful set of data arranged in a specific internal structure and recorded on a material or device used for recording, storing and reading data in a digital form. The content of an electronic document should be understood as a set of data arranged in a specific internal structure, which constitutes a separate meaningful whole. Therefore, the content, as a set of data, must meet the statutory requirements - constitute a separate meaningful whole and be organised in a specific internal structure. Moreover, this set of data should be recorded on a material or device used for recording, storing and retrieving data in a digital form, i.e. a computer data carrier.

When analysing the regulations defining the framework of general administrative proceedings, it should be noted that an electronic document can be used both in the activity of a party and activity of a public administration authority. Firstly, a party may submit an application to an authority in the form of an electronic document. „Application” within the meaning of article 63 of the C.A.P. shall be understood as any type of statement of the parties and other participants of the proceedings, with which they address the authority. The C.A.P. itself indicates exemplary types of applications, which include demands, explanations, appeals and complaints. The application should at least indicate the applicant, his address and demand, and shall satisfy other requirements specified in specific provisions of law. Moreover, pursuant to Article 63 § 3a of the C.A.P., an application in the form of an electronic document should: 1) bear a qualified electronic signature, a trusted signature or a personal signature, or be authenticated in a way which makes it possible to confirm the origin and integrity of data verified in electronic form; 2) contain data in a specified format, included in the application form specified in separate regulations, if these regulations require submission of applications in accordance with a specified form; 3) include an electronic address of the applicant.

The C.A.P. provides *explicite* that applications may be submitted, i.a., by other means of electronic communication through an electronic sub-box of a public administration authority established pursuant to the A.I.O. (article 63 § 1 of the C.A.P.) – electronically. The requirements set out above - the use of electronic means of communication and the use of an electronic sub - box for that purpose by an authority - must be fulfilled jointly in order for the applicant to be considered to have validly, in legal terms, lodged with the authority a letter in the form of an electronic document [3, p. 142]. Pursuant to art. 61 § 3a of the C.A.P., the date of filing

a document in the form of an electronic document should be considered the date of entering application into the public administration authority's ICT system. It seems justified that the authority should accept applications every day - 24 hours a day, 7 days a week. In summary, applications in the form of an electronic document may be submitted by electronic means of communication via the electronic sub - box of the authority (sent electronically). However, the submission of an IT data carrier to the authority does not meet this requirement, as the legally required data transmission between ICT systems does not take place in this case. The submission of an application in the form of an electronic document obliges the public administration authority to confirm the submission of the application, which is referred to as an "official certificate of receipt". Both the A.I.O. and the C.P.A. regulations provide for requirements to be met by the official certificate of receipt. These include, i.a., the full name of the public administration authority to which the application was delivered, the time and date of delivery and the date on which the official certificate of receipt was generated.

Secondly, an electronic document can be used by a public administration authority to communicate with a party, other parties to proceedings or other public administration authorities. The C.A.P. regulates differently the conditions and manner of delivering documents by electronic means to parties and other participants of the proceedings, depending on the addressee. The legislator has divided the addressees into public and non-public entities. A public entity is an addressee obliged to make available and use an electronic sub-box pursuant to article 16 point 1a of the A.I.O. A non-public entity is an addressee who does not meet the requirements of a public entity. The regulations provide that the authority is obliged to deliver documents to non-public entities in the form of an electronic document after certain prerequisites have been fulfilled: 1) he or she submits an application in the form of an electronic document through the electronic sub-box of the public administration body; 2) he or she requests the public administration authority for such service and indicates an electronic address to the public administration authority; 3) he or she agrees to serve letters in proceedings by such means and indicates an electronic address to the public administration authority. In accordance with article 39¹ § 1d of the C.A.P., it is permissible to dispense with service by electronic means. In the case of opting out of electronic delivery, the public administration authority delivers the documents in the manner laid down for a document in a form other than the electronic document form, i.e. in the traditional written form. Consequently, submitting such an opt-out means that service will be effected in the traditional way, i.e. upon receipt by the postal operator, by the authority's employees or other authorised persons or authorities. In the event that there are circumstances beyond the control of the authority which make the service of documents by electronic means impossible, the authority should inform the addressee of the document and obtain consent from the addressee to the service of documents by traditional mail. The consent referred to above will, in the light of the provisions of the law, constitute a resignation from the service of documents by electronic means of communication, which enables the authority to deliver them in the traditional manner. In the case of public entities, the legislator has dealt with the issue of electronic delivery in a different way. In accordance with article 39² of the C.A.P., the discussed conditions of service by electronic means regulated in article 39¹ of the C.A.P. do not apply to public entities. At the same time, the C.A.P. provides that it is possible to serve letters to public entities by traditional mail (article 39 of the C.A.P.) or electronically (article 39² of the C.A.P.). However, it is noted in the literature that in view of the principle of procedural speed and simplicity, the authority conducting the administrative proceedings should deliver to the public entity the documents by electronic means, unless separate provisions or rational reasons militate in favour of using traditional service [3, p. 176 – 179, 4, p. 233].

In accordance with article 46 of the C.A.P., the necessary condition for the effectiveness of delivery of a document in the form of an electronic document to a non-public entity by means of electronic communication in the body's ICT system (assuming at the same time that the other requirements stipulated by law are met) is confirmation of receipt of the document by the addressee. The official certificate of receipt, which serves as proof of receipt of the document by the addressee, constitutes proof of delivery of an electronic document which was sent by a public administration authority. It may be stated that it constitutes a kind of equivalent of the return acknowledgement of receipt of a written letter in the traditional method of delivery. The addressee of an electronic document confirms its receipt by signing the certificate of delivery with a qualified electronic signature or a signature confirmed by the ePUAP trusted profile, or by ensuring the possibility to confirm the origin and integrity of the data included in this certificate using the technologies referred to in art. 20a point 2 A.I.O. It would appear that electronic delivery is more advantageous for the recipient (in relation to traditional delivery), as it allows the date of receipt of a specific document to be verified, which may be particularly important in the context of letters setting a deadline for a specific procedural act. On the other hand, for recipients of a document which are public entities, the conducting authority shall transmit the document directly to the electronic sub-box of the addressee. In the case of receipt of an electronic document via the electronic sub-box of a public entity, a certificate of submission shall be automatically created and made available to the sender of the document by the information and communication system used for the service of delivery.

REFERENCES

1. Act of 14 June 1960 – Code of the Administrative Procedure (consolidated text Dz.U. z 2021 r., poz. 735), next as: „C.A.P.”.
2. Act of 17 February 2005 on Informatization of Operation of Entities Performing Public Tasks (consolidated text Dz.U. z 2021 r., poz. 670), next as: „A.I.O.”.
3. G. Sibiga, Stosowanie technik informatycznych w postępowaniu administracyjnym ogólnym, Warszawa 2019.
4. B. Kwiatek, Dokument elektroniczny w ogólnym postępowaniu administracyjnym, Warszawa 2020.

A. Lewandowska

M.A., PhD Student

Doctoral School of Social Sciences, University of Białystok, Poland

Ł. Presnarowicz

M.A., PhD Student

Faculty of Law, University of Białystok, Poland

THE ROLE OF THE OFFICE OF ELECTRONIC COMMUNICATIONS IN FORMING AN INFORMATION SOCIETY IN POLAND

The government administration divisions are listed in the Government Administration Divisions Act [1]. According to art. 5 item. 11 of this act - one of them is also "communications". Pursuant to Article 189 of the Telecommunications Law [2], the competent authorities in telecommunications are: the minister in charge of informatization and the President of the Office of Electronic Communications. The President of the Office of Electronic Communications is a central organ of government administration. It is appointed and dismissed by the Parliament upon the motion of the Prime Minister. The term of office of the President of the Office of Electronic Communications is 5 years. As S. Piątek pointed out: The President of the Office of Electronic Communications is a central organ of government administration. This category of government administration bodies has not been regulated in the Constitution of the Republic of Poland, despite the fact that it is becoming increasingly important in the context of increasing specialization of administrative activities. Regulations concerning the status of these bodies are highly varied and come from different periods of economic administration formation. Their common feature is that the heads of these bodies are not members of the Council of Ministers, while their local jurisdiction covers the territory of the whole country [3, access via Legalis database].

The legislator indicates in Art. 190 sec. 4aa of the Telecommunications Law the conditions to be fulfilled by a candidate for the President of the Office of Electronic Communications: holds a master's degree or equivalent; is a Polish citizen; enjoys full public rights; has not been convicted by a final judgment of an intentional offence or an intentional fiscal offence; has managerial competence; has at least 5 years of employment under an employment contract, appointment, selection, appointment, cooperative employment contract, or provision of services under another contract or self-employment, including at least 3 years of experience in managerial or independent positions or resulting from self-employment; has education and knowledge in the field of matters falling within the competence of the President of the Office of Electronic Communications; has at least 3 years of experience in working on positions related to telecommunications or postal services and has a good reputation.

An extensive catalog of the tasks of the President of the Office of Electronic Communications is included in Article 192 of the Telecommunications Law, but it should be emphasized that this is not a closed catalog. These tasks are also related to the postal services market, but this paper will focus only on telecommunications issues. However, among these tasks one can indicate those that lead to the development of the information society in Poland. Only some of these tasks will be indicated below.

First of all, it should be noted that the President of the Office of Electronic Communications is a regulatory authority in the telecommunications services market (article 190 item. 1 Telecommunications Law). The competent authorities shall pursue a regulatory policy with a view in particular to: promoting competition in the provision of telecommunications networks, as-

sociated facilities or services, promoting the development of the internal market, promoting the interests of citizens of the European Union, implementing policies to promote cultural and linguistic diversity as well as media pluralism, and ensuring the technological neutrality of the rules adopted [article 189 Telecommunications Law].

The President of the Office of Electronic Communications also develop draft legal acts in the area of telecommunications indicated by the minister in charge of informatization (article 190 item. 3 Telecommunications Law). The authority to order the drafting of bills is contained in § 20 item. 2 Regulation of Work of the Council of Ministers [4].

It is worth noting that the President of the Office of Electronic Communications, by 30 June, announces a report on the state of the telecommunications market for the previous year, including the coverage of the territory of the Republic of Poland by fixed and mobile public telecommunications networks and presents investment forecasts concerning the development of those networks. The report shall be publicly available (Art. 192, Sec. 3 Telecommunications Law).

The President of the Office of Electronic Communications analyzes and evaluates the functioning of the telecommunications and postal services markets, as well as intervenes in issues related to the functioning of the telecommunications and postal services market and the market of apparatus, including the market of telecommunications equipment, on its own initiative or brought by interested entities (article 192 sec. 4 and 5 Telecommunications Law). It does not, however, provide the ability to take action on any (i.e., potential, non-substantive law) matters. The regulations also do not allow the President of the Office of Electronic Communications to initiate such "intervention" proceedings for which there are no specific authorisations in the common law [5, access via Legalis database].

A very important task of the President of the Office of Electronic Communications is the area of cooperation undertaken. The Telecommunications Act specifies the cooperation with: national and international telecommunications and postal organizations, as well as competent authorities of other states, within the scope of its competence; the President of the Office of Competition and Consumer Protection in matters concerning the observance of rights of entities using postal and telecommunications services, counteracting practices limiting competition and anti-competitive concentrations of postal operators, telecommunications undertakings and their associations; the National Broadcasting Council (within the scope specified by the Act and separate regulations); the European Commission and European Union institutions, as well as with BEREC (Body of European Regulators for Electronic Communications) and regulatory authorities of other Member States.

The President of the Office of Electronic Communications shall be entitled to control the observance of regulations, decisions and provisions in the field of telecommunications, frequency management or meeting the requirements for electromagnetic compatibility (article 199 sec. 1 Telecommunications Law). If as a result of the inspection it has been found that an entity does not fulfil the obligations pertaining to it under the provisions of law or the decision issued by the President of the Office of Electronic Communications, the President may impose a fine (in the case of finding any infringements indicated in this provision, regardless of the post-inspection proceedings conducted with respect to such entity) or issue post-inspection recommendations calling upon the inspected entity to remove the irregularities or provide explanations. Removal of the irregularities or provision of explanations should take place within the deadline indicated by the President, but not shorter than 30 days from the date of delivery of post-control recommendations to the controlled entity (article 201 sec. 1 and 1a Telecommunications Law). However, the time limit may be shorter than 30 days, provided that the ins-

pected entity has agreed to it or that the violations indicated in the post-inspection recommendations have been repeated in the past. The President of the Office of Electronic Communications may also issue a ban on telecommunications activities, as well as a decision to change or withdraw frequency reservations, orbital resources or numbering assignments. It should be emphasized that in a situation where the entity's activity may violate "defense, state security or public security and order". - the President must also consult the Minister of National Defence, the minister in charge of internal affairs, the Head of the Internal Security Agency or the Head of the Intelligence Agency, within the scope of their jurisdiction (article 201 sec. 6 Telecommunications Law).

The Office of Electronic Communications consists of: Office of the Director General, Office of the President, Department of Consumer Policy, Department of Regulation, Department of Strategy and Analysis, Department of Postal Market, Department of Frequencies, Department of Technology, Department of Control, Department of Security, Department of Legal Affairs, Department of Foreign Affairs, Office of Finance, Office of Administration, Office of Information Technology and delegations (§ 3 Organizational Regulations of the Office of Electronic Communications). There are 15 delegations (one in each voivodeship). The headquarters is located in the capital city of Warsaw. This entire organizational structure is designed to assist the President of the Office of Electronic Communications in its activities.

The mission of the President of the Office of Electronic Communications is to provide citizens with access to modern telecommunications and postal services in a growing market and dynamic international environment [6]. The scope of tasks of the President of the Office of Electronic Communications is very broad, but by performing them, he is able to conduct his activity and monitor issues related not only to telecommunications, but also to the postal market. He takes care not only of entrepreneurs, but also of consumers, in order to contribute to reliable and efficient flow of information in the society.

REFERENCES

1. Act of 4 September 1997 – Act on Departments of Government Administration (consolidated text Dz.U. z 2021 r. poz. 464).
2. Act of 16 July 2004 – Telecommunications Law (consolidated text Dz.U. z 2021 r. poz. 576).
3. S. Piątek, Prawo telekomunikacyjne. Komentarz, Warszawa 2018.
4. Uchwała Nr 190 Rady Ministrów z dnia 29 października 2013 r. Regulamin pracy Rady Ministrów.
5. M. Chołodecki (red.), A. Piszcz (red.), T. Skoczny (red.), Prawo pocztowe. Komentarz, Warszawa 2018.
6. <https://www.uke.gov.pl/o-nas/>.

D. Mikhailov

Lecturer of the Department of State Law and Legal Theory
Pskov State University

N. Semenova

Lecturer of the Department of Foreign Languages for non-linguistic areas
Pskov State University

LIMITS OF ACCEPTABLE STATE INTERVENTION IN THE PRIVATE SPHERE

The article analyzes the acceptable limits of state intervention in the private sphere. The standards of international and domestic laws are considered to limit the human and civil rights in the private sphere, as well as the limits of possible government interference in private life and conditions of such intervention. Some problems of legal regulation in this area are singled out and solutions are suggested. The author suggests amending certain regulations governing the activities of the state restricting the right to privacy.

Keywords: constitutional right to privacy, rights and freedoms of man and citizen, restrictions on the right to privacy, limitation of rights.

The ability of the State to invoke State security considerations to justify a reduction in the protection provided in the field of human rights is inevitably as a matter of concern, since the risk of abuse cannot be completely excluded. National security is often mentioned in the context of terrorism threat and in our society that survived September 11, 2001, it is developing (and is sufficiently supported by the population) to legitimize various restrictions on the certain rights. Of course, the threats of espionage and terrorism that threaten a democratic society today require the States to take effective protective measures, but the States cannot take any measures under the struggle of such a fight. Thus, we are talking about the assessment of national security as a reason for the use of extraordinary powers by States that allow them to limit the normal protection of fundamental rights.

According to the Presidential Decree of the Russian Federation, dating from 31.12.2015 N 683 "About the Strategy of National Security of the Russian Federation": national security of the Russian Federation (hereinafter - national security) - the state of individual protection, society and the state from internal and external threats, that ensures the implementation of the constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation (hereinafter-citizens), decent quality and standard of living, sovereignty, independence, state and territorial integrity, sustainable socio-economic development of the Russian Federation. National security includes the defense of the country and all types of security provided by the Constitution of the Russian Federation and the legislation of the Russian Federation, primarily state, public, information, environmental, economic, transport, energy security, and personal security.

To protect the privacy of citizens, the limits of the State interference in private life should be established. It is established that no one should be subjected to unlawful interference with the implementation of the right to privacy, family, home or correspondence, attacks on honor and dignity. Everyone has the right to the protection of law against such encroachments. The functions of the State to interfere in private and public life are thus limited to defense [1, c. 34], determining the measures of freedom to everyone by establishing the same rules for all and ensuring justice as the means of resolving social conflicts between the members of society [2, c. 11-12] and organizing institutions that cannot be created by individuals, but which are necessary for all of them, for example, the post office, the police, etc. [3, c. 67-71] However,

a lot of this depends on the regulation of the economic basis. If the liberal model assumes that the economy should be regulated itself, the socialist model assumes the planning of the entire economy, the nationalization of society. In practice, neither the principles of liberalism nor the principles of total state power in the economy have been fully implemented anywhere. Although such attempts have been made, they have not brought any complete success in any country. It seems that we should talk about the synthesis of these principles, that is, not about removing the state from economic life, but about the necessary restriction of its interference in the market economy. At the same time, the function of social protection of the population lies totally on the state.

Thus, there is a need for the state to interfere in the life of society and individuals. It is obvious that such an intervention should be carried out within no more than sufficient limits. These can be considered the areas that cannot be regulated without the state, in which the state's activities pursue an objectively and obviously useful goal. At the same time, legal relations by nature arise only where and when private life affects public life, or it is developing into public life, competes with the socially significant interests of the whole society or its individual part. The private life of a citizen itself under no circumstances can be the subject of legal regulation, the object of any state intervention. There should be no grounds and no limits for legal interference in private life. The private life of a citizen should be even outside the sphere of legal influence, and not only legal regulation. The private life of a citizen belongs exclusively to the sphere of his/her internal, independently established and controlled life. Consequently, the only sphere of state intervention is public life and socially useful goals, that is quite consistent with the public nature of state power.

The international acts prohibit the State to interfere in the sphere of private life. Thus, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms prohibits "interference by public authorities in the implementation of this right, except the cases where such interference is provided for by law and necessary in a democratic society in the interests of national security and public order, the economic well-being of the country, the prevention of riots or crimes, the protection of health, morals or the protection of the rights and freedoms of the others».

The States recognize some – even broad-discretion in assessing threats to national security and selecting measures to address them. However, the Court has a tendency nowadays to require national authorities to ensure that the existence of any threat was reasonably justified in a particular case. In addition, the Court carefully monitors both the need for intervention and its proportionality to legitimate a pursued aim, in this case, the interests of national security. In cases involving national security issues, the States no longer enjoy broad discretion. In other areas, the Court has significantly restricted the freedom of States, for example, with regard to possible existence of measures less detrimental to freedoms (*Van Mechelen et al. v. Netherlands* [*Van Mechelen et autres c. Pays-Bas*]) [4, c. 89], or requirements for the independence of the courts (*Incal v. Turkey* [*Incal c. Turkiye*]) [5, c. 34-38]. The Court has also limited the margin of appreciation in certain areas, such as the right to freedom of expression in the army.

Speaking more specifically, in cases involving covert surveillance, the Court becomes more flexible in determining the status of a "victim". As for the condition, that the interference must be "provided for by the law", the Court considers that the law, accessible and predictable, must be sufficiently detailed. The court, in particular, insists on guarantees that should regulate measures of surveillance and storage of information. With regard to the condition of necessity in a democratic society, the Court finds a balance between the Respondent of the State's interest in protecting national security and the seriousness of the interference with the appli-

cant's right to respect the private life, the extreme necessity that means that there must be adequate and effective safeguards against abuse, and the effective control that should normally be provided by the judicial system, at least as the last resort, or at least by the independent supervisory authorities (Klass et al. v. Germany [Klass et autres c. Allemagne]) [6, c. 249-280].

In the case of "whistleblower" connected with the hidden illegal surveillance (Bucur et Toma c. Roumanie v. Romania [Bucur et Toma c. Roumanie]) [7, c. 70-99], the Court held that civil society was directly affected by the public information, since now everyone could think that they might be exposed to wiretapping of their telephone conversations.

In addition to the fact, that this information was concerned abuses of the democratic foundations of the State, it dealt with very important issues arising from political debates, about which the society had a legitimate right to be informed. Thus, it was necessary to establish whether the public interest in maintaining the confidentiality of information exceeded the public interest in being aware of illegal interception of communications.

The realization of the right to privacy confronts individual and public interests. Hence, there is a need to distinguish the rights of the individual and the interests of the state and society as a whole.

The Universal Declaration of Human Rights provides that: "in the realization of their rights and freedoms, everyone should be subjected only to such restrictions that established by law solely for the purpose of ensuring due to recognition and respect for the rights and freedoms of the others and meeting the requirements of morality, public order and the general welfare in a democratic society" 11, paragraph 2 of Article 291.

The Constitution of the Russian Federation (hereinafter - the Constitution of the Russian Federation), focusing on international standards in the field of human rights, allows certain cases in their restrictions: "The rights and freedoms of a person and a citizen may be restricted by federal law only to the extent necessary to protect the foundations of the constitutional order, morality, health, rights and legitimate interests of other people, to ensure the defense of the country and the security of the state", Part 3 of Article 55.

Thus, based on the fact that this position is relevant to all human rights, it applies, in particular, to the right of privacy.

In order the restriction of privacy considered to be legitimate, it is necessary to comply with the following conditions: the rights and freedoms of a person and a citizen can be restricted only by federal law; restrictions of privacy can be established "only for the purpose of protecting the foundations of the constitutional system, morality, health, rights and legitimate interests of other people, ensuring the defense of the country and the security of the state»; the privacy right may be restricted only to the extent that is necessary for the above-mentioned purposes; " restrictions of the constitutional rights must be necessary and proportionate to the constitutionally recognized purposes of such restrictions; in cases where constitutional norms can allow the legislator to establish restrictions for the rights enshrined in them, he cannot carry out such a regulation that would infringe on the very essence of a right and would lead to the loss of its real content.

Making a conclusion about the permissibility of restricting a particular right, in accordance with the constitutionally approved goals, the state should ensure a balance of constitutionally protected values and interests, should not use excessive, but only necessary and strictly conditioned by these goals measures; public interests listed in part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation - they can justify legal restrictions of rights and freedoms only if such restrictions meet the requirements of justice, are adequate, proportionate, proportionate and necessary for the protection of constitutionally significant values, including the rights and legiti-

mate interests of other people, do not have retroactive effect and do not affect the very essence of constitutional law, that is, do not limit the limits and application of the main content of the relevant constitutional norms; in order to exclude the possibility of disproportionate restrictions of human and civil rights and freedoms in a particular law enforcement situation, the norm must be formally defined, precise, clean and clear, not allowing an extensive interpretation of the established restrictions and, consequently, their arbitrary application.

REFERENCES

1. The Universal Declaration of Human Rights of 10 December 1948// Rossiyskaya gazeta. - 1995. - 5th April.
2. The Report of the observance of human rights in the Russian Federation in 2000. -<http://yyyyyv.mhg.ai/publications/3675889> (accessed on the 8th of August, 2013).
3. The European Convention of the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of the 4th of November, 1950 // the Bulletin of International Treaties. - 2001. - № 3.
4. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by national vote on December 12th, 1993 // Rossiyskaya gazeta. - 1993. - December 25th.
5. Mayorov A. V., Poperina E. N. Formation and development of the right to inviolability of private life // Legal science and law enforcement practice. - 2012. - № 3 (21). - Pp. 34-38.
6. Human rights and National Security: A Strategic Correlation, U.S. Foreign Policy and Human Rights, Harvard Human Journal, vol. 17, 2004, p.249-280.
7. National security and fundamental rights : The redundancy or illegality of Judicial Deference, UCL Human Rights review, University College London (2009), pp. 70-99.

P. Topolski

M.A., PhD Student

Doctoral School of Social Sciences, University of Białystok, Poland

M. Winckiewicz

M.A., PhD Student

Doctoral School of Social Sciences, University of Białystok, Poland

W. Solkiewicz

M.A., PhD Student

Doctoral School of Social Sciences, University of Białystok, Poland

SELECTED ELECTRONIC PLATFORMS AND TOOLS AFFECTING THE TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION AND LOCAL GOVERNMENT WITH SOCIETY IN POLAND

1. Introduction

Nowadays we can talk about moving life to the Internet. This was also greatly influenced by the SARS-CoV-2 pandemic. During the pandemic period, people's awareness of the possibility to handle administrative matters online increased. As indicated by the Central Statistical Office, already in 2019, about 40.4% of people aged between 16 and 74 used e-government [1]. In 2020, this number increased to 41.9% of people aged 16 to 74 [2].

In this further part of this article, electronic platforms and tools that, not only during the pandemic, affect the transformation of the relationship of public administration and local government with the public will be discussed, viz: ePUAP, trusted profile, CEIDG, or KRS.

2. ePUAP

It seems that one of the most important platforms facilitating citizens' access to the administration is the electronic platform of public administration services (ePUAP). According to art. 3 item 13 of the Act of 17 February 2005 on Informatization of the Activities of Entities Performing Public Tasks, the electronic platform of public administration services is an ICT system, in which public institutions make services available through a single access point on the Internet. The functioning of ePUAP is ensured by the minister competent for informatization, who is also the administrator of the ePUAP users' data (art. 19a par. 1 and 2 of the Act of 17 February 2005 on Informatization of the Activities of Entities Performing Public Tasks) [3]. As indicated in the literature, the creation of ePUAP was primarily aimed at providing more people with access to public services, reducing the costs of administration services due to the possibility of providing some services through an electronic platform and introducing a uniform catalog of public services to facilitate their use [4].

Through ePUAP, without the necessity to go to the office, it is possible, among others: to report damage or loss of an ID card, to apply for an ID card, a copy of a civil status certificate or a certificate of the right to vote in the place of residence on the election day. Moreover, ePUAP allows you to send a general letter to a public entity, submit an application for registration of business activity or access to public information. It is also possible to even handle a number of family-related issues, including the Large Family Card, *becikowe*, parental benefit [5].

3. Profil zaufany

Currently, it is becoming increasingly popular for Polish citizens to set up a trusted profile. At this point, it should be mentioned that in 2020, the year in which the pandemic started in Poland, as many as 3,352,227 Poles have set up a trusted profile. This constitutes 42% of the existing, active trusted profiles [6].

According to Article 3.14 of the Act of 17 February 2005 on Informatization of the Activities of Entities Performing Public Tasks, a trusted profile is a means of electronic identification

containing a set of data identifying and describing a natural person who has full or limited legal capacity, which has been issued in a manner referred to in the relevant provisions of the Act [3].

Pursuant to Art. 20ad of the Act of February 17, 2005 on Informatization of the Activities of Entities Performing Public Tasks, the trusted profile shall contain data identifying a natural person, including first name(s), surname, date of birth, PESEL number. The trusted profile may also contain other data, in particular the identifier and data used in authentication and authorization processes performed using the trusted profile [3].

It should be emphasized that data in an electronic form, which are furnished with a trusted signature, are equivalent in terms of legal consequences to a document furnished with a handwritten signature, unless separate provisions provide otherwise. Moreover, the validity and effectiveness of a trusted signature cannot be denied merely on the grounds that it exists in electronic form (art. 20 ae, sec. 2 and 3 of the Act of 17 February 2005 on Informatization of the Activities of Entities Performing Public Tasks) [3].

It is worth mentioning that detailed regulations concerning the trusted profile have been included in the Regulation of the Minister of Digitalisation of 29 June 2020 on the trusted profile and trusted signature, which was issued based on Article 20d of the Act of 17 February 2005 on the computerization of the activities of entities performing public tasks [7].

4. CEIDG

Since 1 July 2011 Polish entrepreneurs have been using the services of CEIDG - Central Register and Information on Business Activity. The main purpose of creating the online register was to make it easier for entrepreneurs to set up their own business. Its introduction in 2008 by the amendment of the Law of 2 July 2004 on freedom of economic activity [8] abolished the need to register a company in the municipal office competent for the place of residence of the owner. The central register, operating online, allows the application to be filed without leaving home. What is more, entrepreneurs with already established business, who want to introduce changes, suspend, resume or liquidate the company, may also use this facility. In this way taxpayers are provided with faster and simpler methods of contacting the office. Currently, CEIDG is regulated by the Act of 6 March 2018 on the Central Register and Information on Economic Activity and the Entrepreneur Information Point [9].

CEIDG is a tele-informatic system run by the minister competent for economy containing a register of entrepreneurs who are natural persons (sole proprietorship). Partners in a civil partnership, who are natural persons conducting business, are also subject to registration. In accordance with the wording of art. 2 sec. 2 of the act currently regulating it, its tasks include keeping records of entrepreneurs who are natural persons; providing access to information on entrepreneurs and other entities to the extent specified in the act; providing access to data made available free of charge by the Central Information Office of the National Court Register; providing access to information on an established proxy or attorney-in-fact, including the scope of the power of attorney granted or the type and manner of exercising a proxy.

5. KRS

Since 1 July 2011 Polish entrepreneurs have been using the services of CEIDG - Central Register and Information on Business Activity. The main purpose of creating the online register was to make it easier for entrepreneurs to set up their own business. Its introduction in 2008 by the amendment of the Law of 2 July 2004 on freedom of economic activity [8] abolished the need to register a company in the municipal office competent for the place of residence of the owner. The central register, operating online, allows the application to be filed without leaving home. What is more, entrepreneurs with already established business, who want to introduce changes, suspend, resume or liquidate the company, may also use this facility. In this way tax-

payers are provided with faster and simpler methods of contacting the office. Currently, CEIDG is regulated by the Act of 6 March 2018 on the Central Register and Information on Economic Activity and the Entrepreneur Information Point [9].

CEIDG is a tele-informatic system run by the minister competent for economy containing a register of entrepreneurs who are natural persons (sole proprietorship). Partners in a civil partnership, who are natural persons conducting business, are also subject to registration. In accordance with the wording of art. 2 sec. 2 of the act currently regulating it, its tasks include keeping records of entrepreneurs who are natural persons; providing access to information on entrepreneurs and other entities to the extent specified in the act; providing access to data made available free of charge by the Central Information Office of the National Court Register; providing access to information on an established proxy or attorney-in-fact, including the scope of the power of attorney granted or the type and manner of exercising a proxy.

6. Conclusion

Of course, these are not all the systems that make it possible to perform many official actions faster and easier or streamline the operation of public services and administration bodies. Among them, one should pay attention to the Central Register of Vehicles and Drivers (CEPiK), which, having the registration number, VIN number and date of first registration of a given vehicle, enables quick access to information concerning cars, such as: changes of owners, history of technical inspections or information on insurance policies. In the case of authorized entities, such as the police, entering the driver's data will show them such data as, for example: the driver's license stopped and its possible return, the loss of the license (lost, stolen) and its finding, or even the number of penalty points. The described systems turn out to be most useful especially in times of ubiquitous SARS-CoV-2 pandemic. Undoubtedly, the prognosis for the future activity, not only of the administration, indicates its increasing computerization. Thus, the institutions in question will only grow.

REFERENCES

1. <https://www.prawo.pl/samorzad/e-administracja-publiczna-wg-gus-coraz-wiecej-osob-korzysta,491944.html>.
2. <https://samorząd.pap.pl/kategoria/aktualnosci/gus-coraz-wiecej-osob-korzysta-z-e-administracji>.
3. Ustawa z dnia 17 lutego 2005 r. o informatyzacji działalności podmiotów realizujących zadania publiczne (t.j. Dz.U. z 2021 r. poz. 670).
4. Sytek, Rozwój elektronicznej administracji ze szczególnym uwzględnieniem ePUAP i profili zaufanych - wybrane zagadnienia, ST 2016/6/71-78, e-Lex.
5. <https://www.gov.pl/web/cyfryzacja/serwis-euap>.
6. <https://www.gov.pl/web/cyfryzacja/cyfryzacja-podczas-pandemii>.
7. Rozporządzenie ministra cyfryzacji z dnia 29 czerwca 2020 r. w sprawie profilu zaufanego i podpisu zaufanego (Dz.U. z 2020 r. poz. 1194).
8. Ustawa z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie działalności gospodarczej (t.j. Dz. U. z 2017 r. poz. 2168 z późn. zm.).
9. Ustawa z dnia 6 marca 2018 r. o Centralnej Ewidencji i Informacji o Działalności Gospodarczej i Punkcie Informacji dla Przedsiębiorcy (t.j. Dz. U. z 2020 r. poz. 2296).
10. Ustawa z dnia 20 sierpnia 1997 r. o Krajowym Rejestrze Sądowym (t.j. Dz. U. z 2021 r. poz. 112).
11. M. Dębska [w:] Ustawa o Krajowym Rejestrze Sądowym. Komentarz, Warszawa 2013, art. 1.
12. Michnik [w:] Krajowy Rejestr Sądowy. Komentarz, Warszawa 2013, art. 1.

Т. К. Демидова

кандидат политических наук,
доцент кафедры «Международное право и международные отношения»
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

Д. А. Заманова

студент, 2 курс, магистратура, Институт права
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа
zamanchik1997@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В данной статье была произведена попытка рассмотреть информационное обеспечение правового регулирования государственного управления в сфере земельных отношений, раскрыли понятие и состав информационного обеспечения, раскрыты информационные источники в сфере земельных отношений, охарактеризованы справочно-правовые системы и распространенные программные обеспечения (ПО).

Ключевые слова: земельные отношения, информационное обеспечение, государственное управление, информационные технологии.

INFORMATION SUPPORT FOR LEGAL REGULATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF LAND RELATIONS

In this article, an attempt was made to consider the information support of the legal regulation of public administration in the field of land relations, the concept and composition of information support were revealed, information sources in the field of land relations were disclosed, reference legal systems and common software (software) were characterized.

Keywords: land relations, information support, public administration, information technologies.

The land as an object of public relations combines the essential qualities of a natural resource and the space necessary for human life. These qualities, taken together, are at the heart of the ever-evolving human interaction about land use. The general social significance of land, its role in the economy as a resource and the basis of production, its political significance as the territory of the state are the combined cause of the efforts of state authorities to organize and regulate land relations. Currently, in all states, a specific mechanism of "influence" and "land" is being formed, corresponding to the political, economic, and socio-cultural structure. In the Russian Federation, this mechanism is based on the normative legal acts of land legislation, the system of functions of state authorities focused on land management, and the system of authorized state authorities and local self-government bodies corresponding to these functions [6].

Land management is directly related to the process of effective use, since land is the national wealth of a country. This issue is relevant because every year the land degrades, soil fertility decreases, negative processes develop, the area of arable land decreases, pollution in the environment develops, that is, in other words, the resources of nature are depleted.

In order to effectively manage land resources and make appropriate decisions in the field of land relations regulation, management bodies and subjects of land relations must have reliable and truthful information about the state of the land fund. This information will help to predict further development and make decisions that will ensure rational, and most importantly, effective use of land resources.

Information in the field of land resource management is, of course, a collection of data that is created and stored in specialized information systems designed to solve problems in the field of land management of a particular subject of the Russian Federation.

The information support includes:

1. Normative and reference data that form the basis of the information system.
2. Information that reflects information coming from outside the system that requires a response from the system or affects the decision-making algorithm.
3. Accumulated accounting and archival data that are necessary for the planning and development of the system [5].

To begin with, we note that the laws are subject to official publication. This is stated in article 15 of the Constitution of the Russian Federation, which emphasizes that unpublished laws cannot be applied. That is, you will not be able to place the law on any random site. The official publication has certain sources. These sources are specified in Federal Law No. 5-FZ of 14.06.1994 and in Presidential Decree No. 763 of 23.05.1996. There are only 4 such sources:

1. Assembly of the Legislation of the Russian Federation. It publishes laws, and acts of the President of the Russian Federation, and acts of the Government of the Russian Federation, and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as other documents.

2. Parliamentary Newspaper. That is, it is the publication of the legislative body – the Federal Assembly of the Russian Federation. Here the laws are published-the Federal Code Law, the Federal Law, as well as other acts of the Federal Assembly.

3. Rossiyskaya gazeta. This is a publication of the Government of the Russian Federation. It is the official publisher of laws, other acts of the Parliament, acts of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, acts of the Central Election Commission of the Russian Federation and other significant documents.

4. Official Internet portal of legal information – www.pravo.gov.ru. This resource is only electronic. It publishes laws, other acts of parliament, acts of the President of the Russian Federation and acts of the Government of the Russian Federation, international treaties, as well as other significant documents [3].

Thus, these sites, publications, and newspapers publish regulatory and legal act in the field of land and property relations.

Next, we note the reference legal systems, such as "Consultant-Plus" and "Garantor". That is, the purpose of these legal systems is to provide professional legal assistance through modern information technologies.

Learn more about the "Garant" system. It is a reference system that allows you to search and work with documents. The system includes regulatory and legal act, comments and explanations, judicial and arbitration practice, and explanatory dictionaries.

If you talk about the reference and legal system "Consultant Plus". This system includes various types of legal information. That is, starting from the regulatory and legal act, materials of judicial practice, comments, draft laws, financial consultations, schemes for reflecting transactions in accounting to reporting forms and highly specialized documents, the documents are contained in this system "Consultant Plus".

Rosreestr uses the software Federal State Information System for Maintaining the Unified State Register of Real Estate. This program has a huge advantage because it is a combination of two programs of the Unified State Register of Rights and automated information system state real estate cadaster.

To date, there are a huge number of programs on computers for performing their tasks to cadastral engineers. However, it should be noted that many programs are limited in their functionality. But you can still identify some common software:

1. Technocad-express. This program was developed in order to prepare the layout of the land plot on the cadastral plan, is used for the preparation of boundary and technical plans, as well as for the preparation of other documents that are necessary for the implementation of cadastral accounting. Documents are prepared on paper and in printed form, with the possibility of sending them to the Federal Register, which is a great advantage of this program. There are several software modules. For example, there is a module Technocad-express-Professional, Technocad-express-Registration of rights, and so on.

2. Next, consider the "ARGO" software. This program has a lot of advantages. It is used for drawing up land survey and technical plans, schemes of land plots, inspection reports, and so on. This software also provides for working with technical plans, with projects for defining boundaries. The advantage is that the program works with geodetic data and exports / imports data from AutoCAD and MapInfo.

3. Next, it is worth noting the program "ProGeo". The program also prepares boundary maps, technical plans, a declaration on the volume, survey reports, and various plans for the borders of the ZU. In addition, ProGeo is a Russian development [4].

Despite the extensive list of software, there is a need for improvement. Since the full implementation of geoinformation technologies requires high costs for the purchase of technical means, the availability of professionals to use these technologies, this is a deterrent to the informatization of land management bodies. In this connection, Resolution No. 903 of October 10, 2013 On the Federal target program "Development of the unified State system of registration of rights and cadastral registration of real estate (2014-2020)" was adopted. This program is just aimed at solving the above tasks.

Thus, information technologies in the field of land relations are slowly but surely developing in the right direction. In the future, it is planned to widely use various software not only in large administrative centers, but also in remote locations. Also in the future, it is planned to overcome financial difficulties in the field of providing geoinformation technologies to land management bodies. Since it is quite problematic for small localities to acquire and operate such technologies, due to the incommensurability of the cost of cadastral and land management works and the amount of land tax, which is differentiated depending on the belonging of the land to the category of land.

REFERENCES

1. On the procedure for the publication and entry into force of Federal Constitutional Laws, Federal Laws, Acts of the Chambers of the Federal Assembly: Feder. Law [adopted by the State Duma on 14.06.1994].
2. Resolution: On the Federal target Program " Development of the Unified State System of registration of rights and cadastral registration of real estate (2014-2020: Resolution of the Government of the Russian Federation). Of the Russian Federation No. 903 dated 10.10.2013.
3. Decree: On the Procedure for the Publication and Entry into Force of Acts of the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation and Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies: decree of the President of the Russian Federation of 23.05.1996 No. 763.
4. Electronic resource of remote access: Programs for cadastral engineers. URL: <https://www.zwsoft.ru/stati/programmy-dlya-kadastrovyh-inzhenerov>.
5. Electronic resource of remote access: The composition of the information support. URL: <https://center-yf.ru/data/stat/Sostav-informacionnogo-obespecheniya.php>.
6. Electronic resource of remote access: The main element of the territorial organization of land use. URL: <https://infopedia.su/5x8ba7.html>.

О. С. Ахаева

студент Института права

Башкирский государственный университет, г. Уфа

А. Л. Сергеев

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Института права

Башкирский государственный университет, г. Уфа

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время в сфере государственного и муниципального управления заметна активизация политики его реформирования и повышения эффективности на основе масштабного применения цифровых технологий (цифровой трансформации).

Одним из фундаментальных моментов сущности цифровой трансформации государственного и муниципального управления и происходящих тенденций, связанных с их развитием, является рассмотрение этого процесса как этапа развития информатизации. Это важно с точки зрения коэволюции развития научно-технического прогресса и развития социума, а также определения траектории реализации стратегии развития информационного общества в России в части реформирования государственного и муниципального управления.

В приказе Минкомсвязи России от 1 августа 2018 г. № 428 [1] дается более развернутое определение понятия «цифровая трансформация». В этом определении обнаруживаются более содержательные признаки рассматриваемого понятия: под цифровой трансформацией допустимо понимать крупные изменения в деятельности субъектов, основанные на широкомасштабном применении цифровых технологий и связанные с заменой аналоговых (традиционных) технических систем цифровыми.

Нетрудно заметить, что в данном определении отсутствует цель цифровой трансформации, но акцент делается на изменении формы деятельности (с традиционной на цифровую) субъектов вне зависимости от цели и сферы цифровой трансформации, то есть предполагается строго технологичное его значение.

Представляется, что цифровая трансформация представляет собой технологический инструмент перехода всех сфер государственного и муниципального управления на модель использования самых современных (прорывных) информационных технологий в цифровой форме, то есть с использованием автоматизированных информационных систем. Учитывая это обстоятельство, можно сделать вывод о том, что модель цифровой трансформации и модель электронного правительства представляют собой модели одного типа, только в разной лингвистической интерпретации, а их наименование используется в достаточно допустимой степени условности. В определениях этих двух понятий содержится сходство по одному существенному признаку (изменение платформы деятельности субъекта), только в определении электронного правительства (как деятельности органов государственной и муниципальной власти) приводится новый вид платформы - информационные технологии, а в цифровой трансформации (как процесс или деятельность) - цифровая платформа.

Цифровая форма информации определяется как сведения, обработанные и предназначенные для использования в условиях применения ЭВМ или числовых программных устройств (ЧИПов). Поэтому цифровая трансформация представляет собой очередной этап эволюции применения новейших средств информатизации, только цели такой

деятельности определены как макросоциальные и гуманитарные сверхзадачи информационного общества. Они определены в Стратегии информационного общества в РФ на 2017-2030 гг. [2], обозначившей основные направления реализации российской политики в сфере применения ИКТ в целях информатизации общества и создания цифровой экономики в стране. Новизна обозначенного периода информатизации проявляется в социальном и технологическом смыслах, которые кардинально меняют форму и содержание государственного управления.

Несмотря на активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов государственного и муниципального управления, ряд исследований свидетельствует о недостаточности ресурсов, в том числе человеческих. Как справедливо отмечает М.В. Иванова, успех России в цифровых реформах не привел к заметному повышению качества государственного и муниципального управления [3, с. 250].

Поэтому, как считает К.А. Караковский, «развитие кадрового потенциала, в том числе создание методологии формирования цифровой грамотности государственных гражданских и муниципальных служащих, является важным аспектом перехода к цифровой экономике» [4, с. 58]. По мнению А.В. Островского, «у государства и муниципалитетов существует объективная необходимость в прогнозировании и фиксации появления новых компетенций, а также в модификации существующих» [5, с.240].

Распоряжением Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1189-р утверждена Концепция создания и функционирования национальной системы управления данными [6]. В целях совершенствования процесса государственного и муниципального управления создается национальная система управления данными, которая позволит эффективно создавать и использовать государственные данные, повысит их доступность, обеспечит их полноту, актуальность, безопасность.

В этих условиях цифровая грамотность государственных и муниципальных служащих позволит эффективно осуществлять управленческие процессы, трансформировать традиционные бюрократические организации в более гибкие адаптивные структуры. Однако, как считает Н.С. Карапетян, «при внедрении цифровых технологий возникает необходимость пересмотра квалификационных требований к претендентам на замещение должностей государственной и муниципальной службы» [7, с. 998].

На информатизацию госсектора оказывают влияние процессы развития цифровых платформ для межведомственных взаимодействий, обмена данными с бизнесом и гражданами по целевой модели цифровой трансформации, которая предполагает предоставление государственной и муниципальной услуги проактивно.

В Российской Федерации в нормативных документах используется категория «профессиональная компетенция», однако для непосредственного формирования перечня компетенций отдельных категорий служащих требуется методологическая основа и значительная аналитическая работа. Внедрение цифровых инструментов в государственном и муниципальном управлении обуславливает необходимость трансформации профессиональных компетенций и квалификационных требований для замещения должностей государственной и муниципальной службы.

Виртуальная коммуникативная площадка в системе государственного и муниципального управления включает официальные веб-сайты органов власти, интернет-порталы, блоги руководителей, аккаунты в социальных сетях и мессенджеры.

Таким образом, у государственных и муниципальных служащих появляется дополнительный функционал, связанный с:

- разработкой стратегии присутствия органа власти и руководителя в социальных сетях или на сайте;

- созданием контента, коммуникацией с пользователями и подписчиками;
- разработкой графического оформления интернет-ресурсов и аналитикой данных (сбор и анализ статистики).

Кроме того, в системе государственного и муниципального управления используются информационно-коммуникационные технологии, направленные на предоставление государственных и муниципальных услуг для граждан в электронной форме. Центральным сервисом, обеспечивающим перевод услуг в электронную форму, стал Единый портал государственных и муниципальных услуг, а также региональные порталы, действующие во всех регионах страны.

Таким образом, цифровая трансформация государственного и муниципального управления в нашей стране имеет свою специфику в неразрывной связи с условиями демократических преобразований и общим развитием цифрового общества. Процесс цифровой трансформации государства и местного самоуправления в России находится на этапе своего становления. Развитие национального законодательства в условиях цифровой трансформации отстает от темпов технического прогресса. Искусственный интеллект, различные элементы которого планомерно разрабатывают и внедряют транснациональные корпорации, призван содействовать достижению целей устойчивого развития, а реагирование государственного аппарата на становление трансграничной и саморазвивающейся кибернетической среды предопределяется заинтересованностью социальных институтов в организации международного диалога в масштабах глобального медиапространства.

В целях обеспечения технологического прорыва цифровая трансформация государственного и муниципального управления в России должна предусматривать:

- во-первых, развитие взаимодействия между правительством, бизнесом и научно-образовательным сообществом для формирования масштабируемой, умной и безопасной инфраструктуры, способной в упреждающем порядке обеспечивать стремительное развитие цифровой экономики, в том числе в удаленных и сельских районах;
- во-вторых, повышение цифровой грамотности государственных и муниципальных служащих, населения за счет поступательного обучения и воспитания граждан, начиная с дошкольного учреждения и заканчивая высшим образованием; совместной деятельности предприятий и вузов в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР); повышения квалификации управленческих кадров и работников сферы информационных технологий; популяризации цифровых услуг среди сельского населения;
- в-третьих, культурную трансформацию, предполагающую переход к открытому взаимодействию между группами, позволяющему обеспечить обмен знаниями, активное решение проблем, принятие риска и способность превратить неудачи в возможности.

Таким образом, основной тенденцией развития государственных и муниципальных органов в эпоху цифровой трансформации является переход от Электронного правительства к Цифровому правительству. Ориентированное на гражданина правительство означает, что органы государственного и муниципального управления должны реагировать на потребности граждан и обеспечивать доступность информации для выполнения ключевых задач. Для этого необходимо придерживаться высокого стандарта оперативного предоставления данных, информативного контента, простых транзакций и беспрепятственного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 "Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"// СПС КонсультантПлюс, 2021.
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы"// СПС КонсультантПлюс, 2021.
3. Иванова М.В. Системы оценки цифровой трансформации государственного управления: сравнительный анализ российской и зарубежной практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 246-270.
4. Караковский К.А., Обухова Л.А. Управление профессиональным развитием государственных гражданских служащих в цифровой экономике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 56-60.
5. Островский А.В., Кудина М.В. Новая парадигма образования в эпоху цифровой трансформации государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 78. С. 229-244.
6. Распоряжение Правительства РФ от 03.06.2019 № 1189-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий ("дорожную карту") по созданию национальной системы управления данными на 2019 - 2021 годы» (ред. от 21.08.2020) // СПС КонсультантПлюс, 2021.
7. Карапетян Н.С., Каунов Е.Н. Трансформация компетенций государственных служащих в условиях развития цифровых технологий // Креативная экономика. 2020. № 6. С. 993-1010.

Е. В. Зыкина

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и теории права

М. В. Ахтырская

студент
Псковский государственный университет

ОХРАНА ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В научной статье рассмотрено влияние информационных технологий на правовое положение граждан. Рассмотрены особенности информационно-коммуникационных форм обеспечения доступа к информации. В связи с этим становится актуальным наиболее точный и глубокий анализ положения, которое занимает наша страна в мировом информационном пространстве, международной политике и международном законодательстве об интернете. Угроз со стороны Всемирной паутины множество, так как с развитием интернет-технологий параллельно развиваются и различного рода интернет угрозы.

Глобальная сеть Интернет – главной ресурс опасностей информационной защищенности, который нацелен на ликвидирование трёх ключевых информационных данных: ее единства, конфиденциальности, а также доступности. Все без исключения атаки киберпреступников ориентированы в несоблюдение одного из этих качеств, либо все одновременно. По этой причине главная цель информативной защищенности – охрана сведений. Большое количество граждан относят сферу информативной защищенности только лишь с информативными технологиями либо со сетью интернет. Однако это не так. Угрозам подвергается не только информация, хранящаяся в сети или на электронных носителях, но и любые ее виды.

Развитие ИТ в мире и их проникновение в различные отрасли и сферы деятельности человека предполагает также и параллельное развитие систем обеспечения информационной безопасности. Это неудивительно – ведь чем больше технологий появляется, тем стремительнее развитие угроз и уязвимостей информационной безопасности. За последние несколько лет этот прогресс стал намного заметней и интенсивней.

Главное желание киберпреступника – извлечь выгоду от реализации угроз, а чем большие возможности предоставляют современные технологии, тем больше вероятно сти у киберпреступников осуществить свои намерения.

Интенсивность борьбы с интернет-угрозами в России. С процессом развития всемирной сети буквально каждый пользователь ежедневно пользуется интернет-возможностями. Известно, что масштабная сеть, в большинстве своём, является неиссякаемым источником информации и возможностью для виртуального общения. Однако далеко не многим известно, какие потери и ущерб может быть нанесен персональному компьютеру пользователя. Безопасность в интернете требует принятия необходимых мер, обеспечивающих защиту от компьютерных вирусов различной сложности, а также от взлома ПК злоумышленниками с целью овладения частной или корпоративной информацией. Безопасность в сети интернет является злободневной проблемой, которую целиком разрешить почти невозможно, так как вредоносные программы и сайты совершенствуются [1, 59–61].

В России система защиты граждан от интернет-контента требует усовершенствования. В связи с этим актуальным является принятие следующих общественно-полити-

ческих мер: создание безопасного интернет-пространства; просветительская деятельность и реклама, направленная на повышение уровня осознания проблемы агрессивного контента в зоне Рунета в органах государственной власти, интернет-сообществе, гражданском обществе; образовательная деятельность, направленная на повышение культуры пользования Интернетом.

Также обширно обсуждается вопрос прав гражданина в Интернете, а именно рассматривается право на доступ к Интернету с разных точек зрения, например в возможности права на видеоинформацию и связь, обеспеченных конституцией в государствах или закрепленного в специальном судопроизводстве.

Дополнительные возможности, которые предоставляет использование электронных ресурсов, ставят под угрозу безопасность и конфиденциальность сведений о пользователях огромного интернет-пространства. Должны быть корреспондирующие обязанности лиц, ведущих процесс по разработке защитных мер, направленных на защиту рассматриваемых прав, реализация которых возможна посредством использования информационных технологий [1].

Проблемы в сфере информационной безопасности в России являются только частью общемировых задач и проблем. Общее количество угроз в мире показывает, что Россия находится на втором месте по количеству кибер-атак. В современных геополитических условиях угрозы в «мире технологий» все более актуальна, и в связи с этим целесообразным является введение набора знаний и навыков в области информационной безопасности граждан [2, с. 243–248].

Последние достижения в области информационных и коммуникационных технологий позволили впустить Интернет во все сферы общественной жизни и даже в органы государственной власти. Однако правовая природа Интернета вообще не закреплена на законодательном уровне. До сих пор нормативное регулирование отношений между пользователями Интернета не носит правового характера. Несмотря на множество регламентов и технических стандартов к Интернету применимы нормы, которые относятся к традиционным, корпоративным или даже этическим, но и данные правовые отношения подвергаются нерегулируемому воздействию с другой стороны интернет-пространства. Воздействие заключается в том, что в информационном обществе значительная часть общественных функций переходит в сеть в «Даркнет», в виртуальную сферу, что позволяет говорить о совершенно новых вопросах защиты и реализации прав человека. В российском законодательстве данная категория прав введена федеральным законом от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ с 1 октября 2019 г. Под цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Даркнет (или теневой интернет), – это закрытая группа веб-сайтов, которая доступна лишь через специальные браузеры. Они используются для сохранения анонимности и приватности действий, совершаемых в интернете, – в большинстве своём незаконных. В Даркнете всё конфиденциально – создатели сайтов анонимно создают их, пользователи имеют возможность анонимного посещения таких сайтов. Всё потому, что предмет обсуждения и сделок на теневых сайтах – это запрещённые законами многих стран товары, услуги и контент [4].

Многие аналитики считают, что доля Даркнета от основного Интернета составляет около 1%.

Несмотря на это, преступность в Даркнете как негативное социальное явление, обретает все большие масштабы по мере проникновения интернет-технологий в повседневную жизнедеятельность граждан РФ.

Очевидно, что тяготение к криминальной модели применения Даркнета заложено в анонимности сети, что привлекает различного рода злоумышленников, избегающих идентификации и привлечения к юридической ответственности.

Однако и государственные защитные меры требуют совершенствования, о чем говорят участвовавшие взломы правительственных серверов в разных странах мира и «теневой интернет». Возьмем приговор Ленинского суда г. Чебоксары, когда в июле 2017 г. россиянин получил 4 года условного срока за покупку на одном из сайтов Даркнета наркотических средств.

Пакет с психотропным веществом в виде заказного письма был отправлен продавцом из Германии, но на таможне во Внуково был вскрыт и запротоколирован. В Чебоксары посылка отправилась с сопровождением сотрудниками МВД. Поскольку письмо шло из Германии в Россию, в качестве противоправного действия в приговоре фигурирует контрабанда наркотиков.

Проблема осложняется тем, что преступники чаще всего не попадают под юрисдикцию государства, подвергнувшись кибернападению. Преступники являются либо иностранцами, либо лицами без гражданства – «гражданами мира», которые способствуют развитию. Все это вынуждает искать общемировой консенсус в борьбе с угрозами и создавать общую систему информационной безопасности. Ведутся предварительные переговоры о возможности не только признавать кибератаки преступлениями, но и приравнивать их к вооруженным нападениям, когда целью являются государственные институты.

Но Правительство России принимает меры по искоренению кибер-преступников, в частности участников теневого Интернета. 12 февраля 2019 года, депутаты Госдумы в первом чтении приняли законопроект по обеспечению устойчивой работы российского сегмента интернета (Рунета) в случае кибератак и других агрессивных действий из-за рубежа. Авторами инициативы выступили глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Андрей Клишас из «Единой России», его первый заместитель и однопартиец Людмила Бокова, а также депутат от ЛДПР Андрей Луговой. Законопроект об устойчивом интернете предполагает создание национальной системы получения данных о доменных именах и сетевых адресах. Данный документ закрепляет правила маршрута трафика, задача которого — свести к минимуму передачу за рубеж данных, которыми обмениваются российские пользователи. Кроме того, провайдеры должны установить технические средства, благодаря которым будет определяться источник передаваемого трафика. Законопроект поставил задачу непрерывного подключения к Сети россиян, как отмечал Андрей Клишас. Однако больше всего депутатов беспокоит принятая в сентябре прошлого года Стратегия национальной кибербезопасности. Она подразумевает введение санкций на информационные активы для усмирения страны-агрессора.

Законопроект позволит сформировать условия для устойчивой работы российского сегмента интернета. Ожидается, что контролем новой системы займется Роскомнадзор. Законопроект обяжет интернет-провайдеров установить в своих сетях технические средства противодействия угрозам. В спокойное время работа сети будет осуществляться в стандартном режиме, и пользователи даже не заметят изменений. Однако ведомство будет управлять Рунетом в случае возникновения опасности, а также будет блокировать запрещенные в России сайты [2].

Дополнительным аргументом, который подтверждает важность создания международной нормативно-правовой базы по борьбе с кибер-угрозами, служит риск ущерба

репутации государства. Информационная безопасность и защита репутации государства должны стать одним из инструментов в геополитическом противоборстве. Все это укрепляет идею сосредоточить усилия мирового сообщества на выстраивании системы превентивных мер, одной из которых может стать криминализация преступлений в сфере информационной безопасности на максимально высоком уровне.

Применительно к качеству государственного или корпоративного управления уровень информационной безопасности определяется способностью государства или компании: обеспечить функционирование информационных ресурсов и потоков, достаточное для нормальной жизнедеятельности и развития; защитить в полном объеме коммерческую или государственную тайну от незаконных посягательств; противостоять техническим и психологическим угрозам, оградить систему и пользователей от негативного воздействия с использованием информационных технологий [2];

поддерживать эффективность работы, возможность «саморазвития» и адекватные реакции системы на возрастающие вызовы; использовать такие методы и средства защиты информационного суверенитета государства или корпоративных ценностей, которые не посягали бы на целостность прав и свобод других государств и граждан.

Защита прав человека в условиях информационной среды. С процессом формирования современных технологий и использованием информационного пространства для осуществления противоборства стран в новой форме изменяется сама цель этого рода конфронтации. Осуществляется отход от идеи физического уничтожения врага к управлению его сознанием, изменению его ценностных ориентаций и внутренних мотивов, психологическому влиянию на его поведение, что показывает явное неисполнение права на свободу мнений и убеждений, а также их свободного выражения. Одним из нормативных документов, закрепляющих данные права и свободы, является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Так, ст. 19 устанавливает право каждого человека на свободу убеждений и свободу их выражения. Кроме того, такая статья также закрепляет свободу на определение, получение и распространение информации и идей любыми средствами и вне зависимости от государственных границ [5, с. 35–38].

Для киберпреступников, работающих в глобальном масштабе, не имеется границ между странами. Как отметил Г. Греф, «Киберпреступность имеет, к сожалению, мировые корни. Как правило, нас атакуют не из Российской Федерации. Проблеме информационной (компьютерной) безопасности в государствах должно уделяться особое внимание. Стоит отметить, что государства принимают меры к объединению усилий в сфере борьбы с киберпреступниками. Так, в 2009 г. в Эстонии открылся Центр коллективной кибербезопасности под руководством НАТО. 25 января 2018 г. начал работу Глобальный центр по вопросам кибербезопасности под эгидой Всемирного экономического форума в Давосе, где Сбербанк стал одним из соучредителей. Как уточнил заместитель председателя правления «Сбербанка» С. Кузнецов, «Центр возьмет на себя роль уникальной платформы по взаимодействию государственного и частного секторов, развитие которой будет происходить по трем ключевым направлениям. Эти направления — установление взаимовыгодного сотрудничества между государственными и частными компаниями, развитие которых необходимы условия для предприятия неизменного обмена информацией и формирование надежного исследовательского центра, осуществляющего независимую оценку и анализ текущей обстановка в области безопасности в интернете на мировой арене».

Вывод. Таким образом, полагаю, что с целью противодействия преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий в нашем

государстве необходимо регулярно увеличивать безопасность информационных систем, развивать сегодняшние информационные технологии, совершенствовать законодательство в сфере информационных преступлений, развивать конкурентоспособные средства информатизации, расширять международное партнёрство Российской Федерации в сфере безопасного использования информационных ресурсов.

Эффективная координация поступков в некоторых субъектах мира позволит сформировать единое информационное пространство в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базовая информация о информационной безопасности [Электронный ресурс] // Интернет-портал – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/73899/3/978-5-7996-2677-8_2019.pdf (Дата обращения: 13.04.2021). С. 59–61.
2. Федерального закона от 1 мая 2019 г. N 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“.
3. Бородкина Татьяна Николаевна Павлюк Альберт Валентинович Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия // Киберпреступления: понятие, содержание и меры противодействия. - М.: Российская газета, 2017. С.2-3.
4. Иванов М.Г. О роли уголовного наказания в предупреждении служебно-экономической преступности и коррупции в современной России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 243–248.
5. Райтман М.А. Искусство легального, анонимного и безопасного доступа к ресурсам Интернета. Екатеринбург, 2017. С. 35-38.

М. И. Боголюбов

магистрант

Полоцкий государственный университет

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ И ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПФР В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В рамках мировой информатизации нельзя недооценивать роль образования обучающихся на различных образовательных ступенях. Применение в обучении современных информационных технологий не является новизной, однако существует ряд объективных особенностей, особенно если реализуется инклюзивное образование. С целью включения в образовательный процесс детей-инвалидов и детей с особенностями ПФР актуализируется проблема создания и внедрения такой методической системы обучения, которая являлась бы не только технологичной по своей природе, но была бы личностно ориентированной.

Современный период развития общества характеризуется сильным влиянием на него компьютерных технологий, которые уже проникли во все сферы человеческой деятельности, обеспечивают распространение информационных потоков в обществе, образуя глобальное информационное пространство. Неотъемлемой и важной частью этих процессов является компьютеризация образования. В настоящее время происходит становление новой системы образования, ориентированного на вхождение в мировое информационно-образовательное пространство.

В наше время сложно найти людей, которые бы не пользовались смартфонами или планшетами. Это связано с тем, что технологии стали более дешевыми и соответственно доступными. На рынке начало появляться множество ПО, особенно мобильного, которое делает повседневную жизнь человека легче. Это так же коснулось и образования. Программное обеспечение и аппаратные средства играют важную роль в образовании и революционизируют обучение. Книги стали цифровыми, а учебники не являются исключением, потому что технология повышает уровень преподавания и обучения.

Республика Беларусь добилась хороших результатов в организации работы с детьми с особенностями ПФР, в том числе инвалидами. Обеспечивается возможность получения образования всеми детьми, независимо от характера и степени выраженности имеющихся нарушений, от момента выявления нарушения до получения профессионального образования и трудоустройства. Охват специальным образованием и коррекционно-педагогической помощью в 2019 году составил 99,9 % [1].

Создана система учреждений дошкольного, общего среднего и специального образования, обеспечивающая не только получение образования, но и социально-педагогическую поддержку, социальную реабилитацию, оказание психологической и коррекционно-педагогической помощи, персональное сопровождение в образовательном процессе.

Особое внимание уделяется информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Они являются особой ценностью, например, в развитии языкового опыта лиц с потерей слуха. ИКТ могут быть востребованным визуальным средством с изображениями, знаками или текстами на экране, позволяющими обучающимся приобретать общие познания, и использовать их, независимо от произносимого слова.

Обучающиеся, которые имеют потерю слуха, часто нуждаются в расширении использования информационного языка для того, чтобы описывать, сравнивать и противопоставлять объекты: все навыки, которые лежат в основе эффективной обработки электронной информации.

Существуют различные типы информационно-коммуникационных технологий, которые могут принести значительные положительные эффекты тем, у кого есть потеря слуха. Современные гаджеты и устройства мультимедиа могут обеспечить учащимся доступ к информации и визуальным составляющим формам, что было не реально ранее. Возможность создавать мультимедийные презентации вместо речевого выступления на занятиях и на конференциях.

ИКТ могут быть активным визуальным средством с изображениями, знаками или текстами на экране, позволяющими обучаемым показывать, как свои общие знания, так и использование языка не зависимо от произносимого слова. Изобразительные аспекты информации могут принимать широкий спектр форм от простых линейных диаграмм до насыщенных конструкторских чертежей и электронных схем. Они различаются по конфигурации, назначению и, соответственно, средства доступа к ним различны.

Те же условия, которые влияют на доступ к тексту, также применимы к графическим визуальным представлениям и ясно, что некоторые люди лучше умеют обрабатывать и понимать их, чем другие. Однако усилия, направленные на устранение этой проблемы, окупаются, и ряд программ «чтения с экрана» коммерчески возможен, что дает реальный доступ к этим интерфейсам.

Некоторые люди не могут общаться с помощью речи. Это может быть из-за неспособности физически генерировать звуки речи, или это может быть связано с каким-то дефицитом обработки языка. Широкий спектр альтернативных и усиливающих коммуникационных устройств существуют в настоящее время и постоянно совершенствуются. Профессиональное Windows-приложение для преобразования речи в текст, которые поддерживают голосовой набор в любом текстовом браузере, имеют большую коллекцию тематических словарей и не требуют подключения к интернету для распознавания речи. Расширенные версии «Voco.Professional» и «Voco.Enterprise» могут работать с готовыми аудиофайлами [2, С. 19].

Уникальное приложение, которое способно не только распознавать аудиофайлы, но и воспроизводить живую речь, наговариваемую на камеру. За счет специального видео расширения «RealSpeaker» считывает движение губ, тем самым улучшая процесс распознавания речи до 20-30 % по сравнению с другими подобными алгоритмами.

«Яндекс» выпустил приложение для смартфона, которое может служить карманным переводчиком для глухих и слабослышащих в режиме онлайн, – программа превращает звучащую речь в текст и может облегчить диалог между обычными людьми и теми, кто страдает нарушениями слуха. Это переносной переводчик, помощник для лиц с особыми потребностями. Программа анализирует звуковую обстановку и выводит фразы, которые говорит собеседник, на экран.

Мобильное приложение «Сурдофон» позволяет распознать речь собеседника и перевести ее на русский жестовый язык. Со своей стороны, глухой собеседник набирает текст, который озвучивается компьютерным синтезатором речи [2, С. 20].

ИКТ могут быть использованы в рамках дистанционного обучения. Это важно, когда специализированные преподаватели находятся на расстоянии, и должны быть распределены между географически удаленными студентами. Связь может осуществляться в различных режимах (видео-конференция, видео-трансляция, телеконференция и т.д.) и требует различные скорости информационного потока. Лица с ограниченными возможностями, как правило, имеют особые потребности с точки зрения их образования. Некоторые из этих потребностей могут быть удовлетворены с помощью информационных и коммуникационных технологий. По мере того как технологии становятся более развитыми и более доступными существует значительная возможность улучшить качество жизни этой уязвимой группы.

В век информационных технологий при реализации инклюзивных подходов в образовании онлайн-обучение позволяет решить одну из основных проблем, препятствующих социализации детей – это совместное обучение. Обучение через Интернет прекрасно подходит для тех, кто в силу определенных причин не может посещать очную форму обучения, а именно обучается на дому или находится временно на лечении. Обучение в режиме «онлайн» позволяет создать чувство реального присутствия в составе класса на уроке, организовать совместную работу с учащимися класса.

Если рассматривать возможности реализации инклюзивных подходов в образовании, а именно: социальная интеграция учащихся с особыми образовательными потребностями; вариативные формы получения образования (доступность образования), то «онлайн-обучение» в наибольшей степени их реализует.

На сегодняшний день самым доступным способом организации обучения в режиме реального времени в Республике Беларусь является проведение занятий с совместным участием учащегося, находящимся на отдалении, является использование скайп-соединения. Такие уроки вполне себя оправдывают при наличии качественного интернет-соединения. Включение учащегося с особенностями психофизического развития в общий учебный процесс может происходить на любом этапе урока: проверка домашнего задания, этап целеполагания, отработка новых знаний на практике, проверка самостоятельной работы, рефлексия и др. Успех данной работы будет зависеть от заинтересованности педагога и самого учащегося, его активности.

Разнообразить формы работы в онлайн-режиме сегодня позволяет большое разнообразие социальных сетей, например В-контакте, а также большое разнообразие мобильных приложений, которые позволяют в полной мере наладить взаимодействие в процессе урока не только в форме «учитель-ученик», но и «ученик-ученик», «ученик-учитель-ученик», т.е. полностью выстроить все возможные взаимосвязи полноценного совместного урока.

В рамках реализации Проекта Внешнего содействия Европейского союза «Новополоцк – от инклюзивной школы к инклюзивному городу» в течение 2017-2019 гг. в школе проводились онлайн-уроки с учащимися, получающими образование на дому. Данная форма нашла отклик, как со стороны учащихся, так и со стороны родителей, т.к. такая форма дает возможность организовать социальное и коммуникативное взаимодействие всех участников образовательного процесса. Возможность участия в дискуссиях, обсуждениях формирует у учащегося с особыми образовательными потребностями чувство уверенности, умение доказывать, аргументировать свою точку зрения.

Таким образом, современные ИКТ являются для людей с инвалидностью своеобразным «окном в мир», позволяют в значительной степени решать проблемы обучения и трудовой деятельности, облегчая им доступ к информации, увеличивая тем самым уровень их самостоятельности. Для инвалидов с ограниченной пространственной мобильностью, прежде всего – инвалидов-колясочников ИКТ являются одним из наиболее возможных полей приложения их труда. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что ИКТ для инвалида, не компенсируя ограничений его жизнедеятельности, выполняют вспомогательные функции, помогая ему в процессе жизнедеятельности. Следовательно, без соответствующей подготовки, а главное – без психологической установки инвалида на достижение высокого уровня своей социальной реабилитации, любые самые высокотехнологичные ИКТ дают практически нулевой эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социальная сфера Республики Беларусь в цифрах [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by/upload/add/centers_supporting/brochure.pdf. – Дата доступа: 10.04.2021.
2. Бакунова, О. М., Образцова, О. Н., Бакунов, А. М., Калитеня И. Л. Непрерывное образование глухих и слабослышащих в области ИКТ как фактор их успешной социализации / О.М. Бакунова, О.Н. Образцова, И.Л. Калитеня // Непрерывное профессиональное образование лиц с ограниченными возможностями : сб.ст. междунар. науч.-практ. конф. (Минск, Республика Беларусь, 17-18 декабря 2015 года). – Минск : БГУИР, 2015 – С. 19-20.

К. В. Девятковская

ассистент кафедры уголовного права и криминалистики,
магистр юридических наук

Полоцкий государственный университет

Г. А. Василевич

доктор юридических наук, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Технологическое развитие в 21 веке определяет структуру общественных и экономических отношений, трансформируя при этом аспекты человеческой жизнедеятельности на различных уровнях. Развитие передовых и современных технологий касается наиболее важных сфер общества: медицина, государственное управление, кадровая политика, образование, экономика, сфера банковских услуг, бизнес и туризм. В современном мире невозможно представить отрасль, которую бы не пронизывали ИТ-технологии, в которой нет места научно-техническому прогрессу, повседневная жизнь не обходится без Интернета, «умного дома», робототехники, смартфона.

Нормативное регулирование вопросов цифровой трансформации сводится к следующим основным документам: Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы», Указ Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г. № 31 «О государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2018 г. № 774 «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2018–2020 годы», Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 6 марта 2018 г. № 16 «Об утверждении Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (токены)» и внесении дополнений и изменений в некоторые постановления Министерства финансов Республики Беларусь», Указ Президента Республики Беларусь от 30.09.2010 № 515 (ред. от 18.09.2019) «О некоторых мерах по развитию сети передачи данных в Республике Беларусь», Указ Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 № 60 (ред. от 18.09.2019) «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2015 г. № 478 «О развитии цифровых банковских технологий», Указ Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 № 148 «О цифровых банковских технологиях», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 г. № 66 «Об утверждении Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы», закон «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28 декабря 2009 г. с изменениями и дополнениями, Постановление Совета Министров от 30.12.2019 г. № 940 «О функционировании механизма электронных накладных» и ряд других.

Вопросы цифровой трансформации, реализуемые в рамках административного процесса можно представить по ряду направлений, таких как электронное дело об административном правонарушении, и соответственно создание единой автоматизированной базы данных (содержащую характеристики лица, протоколы опросов и иных

процессуальных документов, а также возможность их дистанционного заполнения, дачи показаний удаленно), доступ граждан путем идентификации ко всем процессуальным документам, составленным по делу об административном правонарушении в отношении него. Отдельное место занимают вопросы административной ответственности за нарушение ПДД беспилотными транспортными средствами, а также фиксация факта совершения административного правонарушения беспилотными летательными аппаратами (правонарушения против порядка таможенного регулирования, нарушение правил рыболовного хозяйства и рыболовства).

Остановимся более детально на вопросе реализации возможности внедрения IT-технологий в производство по делу об административном правонарушении. Система электронного документооборота (далее СЭД) представляет собой автоматизированную систему, которая позволяет создавать, изменять, хранить документы в электронном формате. Подобная система направлена на повышение эффективности документооборота, сокращение временных ресурсов для передачи информации, внесении в нее сведений, а также упрощает процесс хранения документов, поскольку вместо места на полке документ может занимать несколько мегабайт оперативной памяти. Однако вопрос насколько наша система законодательства реально готова использовать подобные новшества при производстве дела об административном правонарушении, а также вопрос должного законодательного закрепления является весьма актуальным.

Вопросу электронного документооборота, использованию электронной подписи в науке уделяется особое внимание. Еще в 2019 году законодателем был принят ряд документов, регулирующих вопросы порядка работы с электронными документами. Основные новшества были направлены на расширение сфер применения электронного документа в деятельность организаций, поскольку вопросы электронных документов находят свое отражение в системе белорусского права достаточно давно, но сфера их распространения и частота их применения не в достаточной мере развиты.

Возможность введения электронного дела широко обсуждается в рамках уголовного судопроизводства, еще в 2019 году Следственный комитет Республики Беларусь посветил не одно мероприятие и круглый стол обсуждению вопросов электронного производства. Положительным представляется опыт Республики Казахстан, которая еще с 2017 года реализовала концепцию цифровизации уголовно-процессуальной деятельности и начала поэтапный переход к электронному производству на досудебной и судебной стадиях уголовного процесса.

В Бельгии еще в 2005 году был создан проект электронного правосудия «Phenix», в рамках которого помимо системы электронного документооборота «электронный файл» мог пополняться полицией, адвокатом, сторонами и судом. Вопрос аутентификации решался использованием электронного паспорта.

В Саудовской Аравии производство по многим делам заканчивается в течение двух дней. В этой стране перешли на электронные уголовные дела несколько лет назад, сократив сроки расследования на 80 %. Положительный опыт правоохранительной реформы можно наблюдать также Грузии, где в 2011 году был осуществлен переход на электронный формат уголовного дела. Заметно продвинулись в этом вопросе Южная Корея, Сингапур, Эстония [1, с.11].

В 2011—2012 годах по линии Комитета государственных доходов в Астане и Карагандинской области Республики Казахстан запущен пилотный проект «Е-уголовное дело». В Азербайджанской Республике с 2016 года для расследования налоговых преступлений применяется программа «Электронное уголовное дело». В Российской Федерации предпринимаются попытки создания Электронного уголовного дела [1, с. 11].

Относительно производства по делу об административном правонарушении в электронном формате на законодательном уровне ничего не сказано. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее - ПИКоАП) в п. 4 ч.1. ст. 1.4. ПИКоАП говорит о том, что дело об административном правонарушении это обособленное производство, которое включает в себя заявление, сообщение об административном правонарушении, протокол об административном правонарушении, постановление по делу об административном правонарушении и иные материалы, относящиеся к административному правонарушению [2]. Таким образом законодатель в определении ничего не упоминает о том, каким образом может вестись дело об административном правонарушении. Статья 6.10 ПИКоАП определяет прокол процессуального действия как документ, составленный должностным лицом органа, ведущего административный процесс, в порядке, определенном настоящим Кодексом, удостоверяющий обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, личном обыске задержанного, административном задержании физического лица, изъятии вещей и документов, а также составленные в соответствии с настоящим Кодексом протокол опроса, краткий протокол, протокол судебного заседания или протокол заседания коллегиального органа [2].

Аналогичный подход усматривается и в отношении протоколов опроса, осмотра, освидетельствования, задержания, описи, наложения ареста на имущество, протокола об административном правонарушении, постановления о наложении административного взыскания. Все документы, относящиеся к делу об административном правонарушении составляются в бумажном варианте, допускается лишь использование бланков процессуальных документов, которые заполняются от руки, или же составление процессуального документа путем набора текста на компьютере, однако как следствие его преобразование в бумажный вариант с последующим его подписанием и приобщением к материалам дела. Создание единой информационной автоматизированной системы опроса лица, в ходе которого лицо может давать показания дистанционно, с последующим заверением достоверности и правдивости показаний электронной подписью пока представляется сумрачным будущим. Материалы дела, которые будут содержаться не на нескольких десятках страниц, а будут храниться на облачных хранилищах также в ближайшем времени маловероятны. Особая роль в развитии современных технологий при решении вопроса о привлечении лица к административной ответственности, или тем более решении вопроса о назначении наказания лицу в виде лишения свободы в рамках уголовной ответственности, отводится вопросу обеспечения безопасности подобного производства от несанкционированного доступа и использования информации о протоколах, данных о лицах, участвующих в деле.

Еще одним немаловажным отрицательным моментом ученые считают возможность фальсификации материалов дела, поскольку это будет сделать значительно проще. Так, Пастухов П.С. отмечает, что при переходе на электронное производство по уголовному делу в России приведет к необходимости дополнительных проверок данных на предмет их достоверности, а также к разработке по обеспечению безопасности государственной, коммерческой, служебной и иной тайны [3, с. 235].

Однако велика роль и положительных моментов, таких как упрощение производства, экономия времени на составление процессуальных документов, а также значительное сокращение затрат на канцелярские товары, однако последний пункт является спорным, поскольку все же затраты на достойное программное обеспечение, а также оперативные системы, способные хранить большой объем цифровой информации, своевременное обновление системы безопасности являются существенными.

Таким образом, на современном этапе развития электронного государства, внедрения процессов цифровизации в экономику, медицину, образование, сферу услуг, систему кадровой политики, государственного управления, а также в систему административного и уголовного производств, требует от законодателя своевременной регламентации подобных норм и правил на законодательном уровне. Использование современных технологий в административном процессе Республики Беларусь имеет место уже сегодня, при производстве процессуальных действия, фото-видео-фиксация порядка и хода процессуального действия, иногда видео-фиксация при производстве по делу об административном правонарушении, удостоверяя тем самым его законность, при сборе и фиксации доказательств, однако возможность полного перехода на электронное дело об административном правонарушении пока представляется долгосрочной перспективой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Янушко, А. В. Защищенный аппаратно-программный комплекс центра хранения электронных копий материалов уголовного дела / А. В. Янушко, А. В. Бабанин, О. А. Кузнецова [и др.] // Безопасность информационных технологий. — 2011 г. — № 1. — С. 21—29.
2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 06.01. 2021 г. № 92-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01. 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
3. Пастухов, П. С. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства / П. С. Пастухов, М. Лосавио // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — № 36. — С. 231—236.

Е. В. Зыкина

кандидат юридических наук, доцент

Д. А. Холтобина

М. В. Васильева

Институт права, экономики и управления, направление «Юриспруденция»

Псковский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИТ-СФЕРЕ

В современном мире Интернет имеет очень важное значение. Нельзя недооценивать его роль, так как на сегодняшний день этой глобальной сетью пользуются миллиарды жителей нашей планеты, а именно, согласно данным статистики, больше половины всего населения Земли.

На данный момент, в сети Интернет хранятся огромные базы данных и информация обо всём на свете, практически все организации и разного рода бизнес хранит и отправляет свои документы при помощи Интернета. Также благодаря сети Интернет обеспечивается максимально быстрое общение с разными странами, можно передать нужный документ куда угодно за пару секунд.

Такая глобализация в ИТ сфере имеет не только положительные, но и крайне отрицательные последствия, так как постоянно развивающиеся информационные технологии предоставляют необъятные возможности для различного рода махинаций и преступлений. Ведь сейчас Интернет стал для нас настоящей заменой привычной жизнедеятельности, он включил в себя всю социально-экономическую составляющую жизни человека и стал площадкой для развития электронного бизнеса, совершения различного рода сделок на международных рынках. Соответственно в Интернете теперь вращаются огромные суммы денег, и это привлекает мошенников. И они уже другого уровня: образованные, отлично освоившие современные технологии, и очень хитрые и из-за этого, как правило, неуловимые для правоохранительных органов.

Таким образом, современная киберпреступность является закономерным следствием происходящих расширений технологических и информационных процессов. С каждым днём она только всё больше развивается и усложняется. [1]

Преступления, которые совершаются в ИТ сфере, растут также быстро, как и количество пользователей в Интернете. Очередной скачок таких преступлений в России произошёл в 2020 году. Их количество выросло на 83,9% в первом квартале 2020 года, а удельный вес достиг почти 20% от общего числа всех преступлений.

Но такая динамика развития данных преступлений прослеживается не только в России. Киберпреступности подверглись даже африканские страны, такие как Нигерия и Того. А первое место среди всех стран по числу зафиксированных экономических преступлений в ИТ сфере занимают Соединенные Штаты Америки.

То есть, киберпреступность на данный момент является всемирной и общечеловеческой проблемой. Её массовое распространение ставит под угрозу миллионы пользователей сети Интернет. Именно поэтому мы решили рассмотреть данную тему.

Количество экономических афер в ИТ сфере достигло колоссальных размеров. Большинство крупных финансовых махинаций осуществляется преступными группировками и целыми транснациональными сообществами. Например, весной 2018 года путешественники со всего мира пострадали от масштабной атаки одной хакерской группировки. Взломав американский сайт бронирования авиабилетов и систему бро-

нирования британской авиакомпании, мошенники получили доступ к данным примерно 244 тысяч кредитных карт пассажиров, включая номера и трёхзначные коды. Хотя вывести деньги злоумышленникам и не удалось, репутация авиакомпании пострадала. Так как это, безусловно, вызывает сомнение относительно плюсов и достоинств «виртуальной» коммерции. Ведь о каком удобстве и эффективности таких операций может идти речь, если вся их безопасность находится под угрозой.

На сегодняшний день, ущерб, наносимый экономическими преступлениями в сети Интернет, достигает огромных размеров. В эту проблему оказались вовлечены совершенно разные организации и структуры. [2, С. 43]

Первая международная конвенция по борьбе с преступлениями в IT сфере была подписана 23 ноября 2001 года, её участники, осознавая необходимость принятия мер с преступностью в сфере компьютерной информации, обязались принять законы, способствующие борьбе с данными преступлениями.

Преступления в сети Интернет интенсивно изучаются различными учёными из зарубежных стран. Так, в Соединённых Штатах Америки был запущен Независимый центр исследования интернет-мошенничества.

У нас же на данный момент эта деятельность только зарождается, хотя этому следует уделять гораздо больше внимания, так как по опубликованным данным МВД о состоянии преступности за 2020 год, статистика зарегистрированных в стране преступлений увеличилась именно за счёт киберпреступности. Число таких преступлений выросло почти на девяносто пять процентов. При этом платёжные карты использовались в мошеннических целях в 6 раз чаще, чем в прошлом году, а средства мобильной связи в 2 раза чаще. А раскрываемость таких преступлений маленькая – не более двадцать трех процентов. То есть, очевидно, что сегодня у наших правоохранительных органов нет чёткой методики расследования IT преступлений, и им не хватает квалифицированных сотрудников, которые были бы подготовлены в этой сфере.

В современном мире есть много способов совершения мошенничества в Интернете. Во-первых, это мошенничества, совершенные на интернет-аукционах. Во-вторых, это мошенничества, связанные с электронной торговлей. И в-третьих, это так называемые «письма счастья», получившие наибольшее развитие с появлением массовых рассылок по электронной почте. [3, С. 8]

Еще один популярный вид интернет-мошенничества «кардинг». Это такой вид мошенничества, который связан с пластиковыми карточками. Совершая подобные преступления, мошенники обычно перехватывают данные, а затем проверяют наличие на счету необходимой суммы денег. Мошенники имеют возможность присоединиться к соответствующему проводу и узнать необходимые данные для совершения преступления.

Совершая подобные преступления, аферисты всеми доступными способами стараются заполучить данные кредитных карт с целью дальнейших покупок в интернете. Такая система позволяет тратить деньги с чужого счета, при наличии определенных реквизитов. Именно поэтому данное преступление распространено.

В России наиболее часто используют реквизиты банковских карт для совершения покупок через Интернет. Таким образом, лицо начинает совершать покупки через интернет, оплачивать различные услуги, используя необходимые данные банковской карты. Данный способ слишком привлекателен для мошенников. [4, С. 31]

Еще один распространенный способ мошенничества в интернете - попытка посторонних лиц завладеть информацией о пользователе в целях финансовой выгоды. Данный вид преступления именуется как «фишинг» (финансовое мошенничество).

Финансовое мошенничество – серьезная угроза для организаций, предоставляющих свои услуги в Интернете. Для достижения корыстных целей злоумышленники используют разнообразные приемы, например, вирусы, обман, запугивание и так далее.

Рассматривая статистику подобных преступлений за 2020 год, можно увидеть, что именно жертвой такого преступления стала организация Estee Lauder. Была обнаружена утечка данных организации в феврале 2020 года. У Транснациональной косметической компании было уведено 440 миллионов записей. Из 440 целевых файлов неопределенное количество имели адреса электронной почты клиентов хранящегося виде простого текста. Все похищенные данные были выгружены преступниками на открытых Интернет-ресурсах. В конце января исследователь безопасности Джереми Фаулер обнаружил не защищенную паролем базу данных. Неясно, каким методом мошенники заполучили информацию. Обнаруженная база данных содержала: 440 336 852 записей, «Пользовательские» электронные письма в виде обычного текста, ссылки на отчеты и другие внутренние документы, также мошенники получили IP-адреса, порты, пути и информация о хранилище, которые можно использовать для более глубокого доступа в сеть.

На сегодняшний день такой вид мошенничества наиболее опасен. С каждым годом он получает все большее распространение среди преступников. [5, С.8].

Борьба с подобными преступлениями ведется не только правоохранительными органами, но и крупными организациями. Во многих странах уголовная ответственность за такие преступления уже предусмотрена. К ним относятся ФРГ, США, Эстония и Беларусь. В России компьютерное мошенничество квалифицируется статьями 159 УК РФ, 160 УК РФ, 165 УК РФ, 187 УК РФ.

Компьютерные мошенничества – это преступления против собственности. Непосредственным объектом в таких составах выступают отношения, охраняющие право собственности, дополнительным объектом – общественные отношения в сфере компьютерной информации. Предметом компьютерного мошенничества является чужое имущество. Объективная сторона компьютерного мошенничества выражается в завладении чужим имуществом и правом на него.

Злоупотребляя доверием, преступник выстраивает доверительные отношения с целью причинить вред имущественным правам и законным интересам собственника. В результате лицо завладевает чужим имуществом, то есть злоупотребляет доверием. [6, С. 40]

Важно, что компьютер хранит именно информация, а не сами денежные средства. Если преступник тайно проникает в компьютерную систему с целью похитить денежные средства, то он проникает в систему путем манипуляций с программами. Эти действия считаются обманом.

Подводя итог всему вышесказанному стоит отметить, что преступления против собственности с использованием интернета имеют ряд особенностей, они являются глобальными. С каждым годом компьютерная техника стремительно развивается и появляется все больше возможностей и соблазна для компьютерного мошенничества. Так как данная проблема охватывает не только Россию, но также и другие страны, стоит активнее внедрять изменения в законодательства и применять иные меры по борьбе с данным видом преступности. Многие страны уже начали активную борьбу, но это лишь малое количество. Если упустить развитие данного преступления, то каждое из государств даст возможность миллиону мошенников обманывать людей через интернет, лишая их имущества и денежных средств. Компьютерное мошенничество является транснациональным преступлением. Именно поэтому очень важна не только работа каждого государства отдельно, а именно сплоченность всех государств при решении данной проблемы. Только совместными усилиями можно прекратить развитие IT-преступлений в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция по киберпреступности: одобрена Европейским советом 19.09.1999.
2. Ковалев Н., Куликов А. XXI век против глобализации преступности // Московские новости. – 2000. – № 43. – С. 43.
3. В. Крылов «Информационные преступления – новый криминалистический объект» // Российская юстиция №4 1997 г.
4. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 1997. – С.31.
5. Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: народный опыт: монография. – М., 2004. – С. 8.
6. Уголовное право. Особенная часть”: Учебник под ред. профессора А. И. Рарога, М., 1996.

И. Л. Вершок

кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Белорусский государственный университет

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

В современных исследованиях, посвященных изучению причин неэффективности правового регулирования и воздействия, часто предлагаются различные инструменты повышения уровня правового сознания [1, с. 776-781] и преодоления так называемого правового нигилизма. Не вдаваясь в настоящей работе в подробности критического подхода к попыткам повышения уровня правового сознания, которое, как и любой сознательный процесс, объективно не может подлежать уровневой оценке, обратим внимание на сами инструменты, широко используемые для трансформации правового сознания. Обычно к ним относят правовое воспитание и правовое образование, пробелы в интерпретации целей и форм осуществления которых обычно несколько нивелируется рядом доктринальных разработок, а также созданием правовых норм, легально закрепляющих процедуру воспитания и образования.

В значительно большей степени возникают сложности, связанные с пониманием особенностей правового просвещения, достаточно долго неоправданно ассоциировавшегося с пропагандой. В качестве распространенных целей правового просвещения обычно называют правовую грамотность или компетентность населения [2, с. 136-142; 3, с. 127-133]. В некоторых работах правовое просвещение неоправданно ассоциируется с социализацией [4, с. 61-68]. Ряд аспектов, связанных с реальными целями и особенностями правового просвещения, рассмотрим в данной работе. Полагаем, что осуществляемая по функциональным критериям дифференциация правового просвещения от образования и воспитания может способствовать повышению качества работы по трансформации правового сознания субъектов. Поднятая проблема приобретает особенно высокую актуальность в современных условиях тотальной цифровизации общества и расширению источников распространения социально-правовой информации.

Недостатки сведений о сущностных свойствах правового просвещения попытаемся частично восполнить из сведений физики, описывающей протекание процессов материального мира, связанных с воздействием обладающего энергией света на предмет. При этом, с значительной долей вероятности предположим сходство социального и естественнонаучного факта, существующих объективно и подлежащих наблюдению [5, с. 260]. В таком случае терминологию, построенную в виде формально непротиворечивых систем, можно свести к физикалистским определениям. Сделаем попытку феномен правового просвещения объяснить как физический факт, т.е. как количественную характеристику некоторой пространственно-временной области, ибо «помимо физикалистского языка...неизвестно никакого интерсубъективного языка» [6, с. 208-209] и на физикалистском языке можно выразить процессы, способные быть «отчасти психическими, отчасти физическими» [6, с. 194]. В результате то, что является объяснением известного предложения, процесса, будет *предсказанием* неизвестного (предложения или процесса), а именно, выводом с помощью закона [6, с. 211], формируемым с определенной долей вероятности.

Этимология русского слова «просвещение» вытекает из значения слова «просвет». Характерно, что схожее словообразование имеет место в украинском языке для термина «просвіта» и в белорусском языке – «асвета». Из этого уже в определенной степени презюмируется суть просветительской деятельности как освещения, формирования просвета, способствующего снятию темноты и неопределенности при принятии решения. Связанные со светом явления обнаруживают себя и в физическом мире. В целях проследить некоторые схожие черты социальных и физических процессов, связанных со светом, попытаемся найти ответ на вопрос, насколько обоснованно используется ассоциация правового просвещения с пропагандой, сводящейся к простому распространению информации идеологического содержания, и в чем заключается функциональная особенность правового просвещения. Передача информации между системами отождествляется с переносом энергии и энтропии, причем информация может существовать в системах с несколькими возможными состояниями и количество передаваемой информации связано с уменьшением неопределенности состояния системы [7, с. 4]. На основании этого, установим определенные специфические параметры передачи информации, относящейся к сфере правового просвещения, а также особенности отношений между просветителем и просвещаемым.

Во-первых, физическое воздействие света предполагает наличие источника, излучающего свет, и предмета материального мира, на который направлено преломляющее или отражающее воздействие световых волн, обладающих энергией. Соответственно, правовое просвещение можно схематично представить в качестве одностороннего субъект-объектного взаимодействия по передаче энергии (информации). При этом субъект должен обладать достаточной информацией и находиться в равновесном состоянии, а объект – поглощать информацию, подвергаясь определенным трансформациям.

В соответствии с физическим принципом Гюйгенса каждая точка, до которой доходит волна, служит центром вторичных волн. Соответственно, объект правового просвещения в процессе просветительской деятельности изменяется сам, а в дальнейшем становится его агентом. При этом следует учитывать, что транслируемая агентом информация, как и энергия, будет иметь иные количественно-качественные параметры. Чем более недостаточен или избыточен первоначальный объем и ниже достоверность первично транслируемой информации, тем в менее качественном состоянии она окажется ретранслированной. Правовое просвещение сводится к общественным отношениям, которые в свою очередь, могут выступать в форме непосредственного (политический обозреватель, экономист, юрист ведут стримы для своих подписчиков, которые интерактивно реагируют на процесс: ставят лайки, пишут комментарии) или опосредованного (трансляция информации через билборды, ток-шоу и иные передачи, транслируемые через телевизионные каналы с неопределенной аудиторией) взаимодействия.

Во-вторых, в различных средах свет распространяется с различными скоростями. При наличии развитых каналов коммуникации правовое просвещение обладает большей скоростью и мобильностью, потоки информации не сдерживаются при переходе из одной среды коммуникации в другую. В частности, в лекции, транслируемой онлайн энергия от субъекта правового просвещения передается в гораздо меньшем количестве, чем выступление субъекта просвещения офлайн. Официальный источник информации, охватывающий максимальное количество непосредственной аудитории, сможет более качественно осуществлять просвещение, по сравнению с тем, что небольшая аудитория официального издания начнет интерпретировать информацию при помощи социальных сетей, телеграм каналов, обладающих более многочисленной и мобильной аудиторией.

В-третьих, необходимым условием интерференции света (сложения нескольких волн для усиления их воздействия) является их когерентность, то есть согласованность во времени и пространстве. Соответственно, чтобы обеспечить высокую интенсивность правового просвещения, необходимо не просто трансляция информации, а ее согласованность во времени и пространстве, точечные мероприятия по передаче правовой информации, не адаптированные к особенностям восприятия определенной аудитории, ее образовательному уровню, эмоциональной готовности представляют собой просто правовую пропаганду. В связи с этим несколько неоправданным представляется утверждение о целях правового просвещения в виде простого охвата аудитории. При простом максимально полном охвате не вся аудитория правовой информатизации сможет и должна будет стать объектом правового просвещения. Необходимо отслеживать и содержательную последовательность процесса правового просвещения, начиная с базового уровня и заканчивая специальными знаниями, осуществлять верификацию наличия субъект-объектной связи между просветителем и просвещаемым.

В-четвертых, в соответствии с законом отражения и законом преломления отраженный (преломленный) луч лежит в одной плоскости с падающим лучом. Соответственно, транслируемая и полученная (отраженная или преломленная) информация требует сопоставления по проблеме принадлежности к одной и той же теме, плоскости. Оценка качества правового просвещения путем социологических опросов дает лишь частичную и не всегда объективную информацию, ведь даже сама актуализация определенной проблемы в сознании объекта, приводящая его в одно и то же проблемное поле с субъектом просвещения, является показателем эффективности правового просвещения.

При всех вышеперечисленных особенностях правового просвещения, выявленных посредством методологических принципов классической науки, остается еще один вопрос: каковы границы термина «правовое просвещение»? Применим в его решении неклассический подход, основанный на признании человекомерности [5, с. 274] и процессуальности права [5, с. 271] и связанных с ним феноменов. Признание процессуальности, предполагающее существование правовой реальности через интерпретационные практики субъектов [5, с. 273], дает возможность изучать просвещение как непрерывный процесс трансляции и интерпретации правовой информации. В данном процессе охватывается вся предметная сфера деятельности субъекта и активная роль отводится только ему (тематическое поле журнала, цели деятельности общественного объединения, специализация лектора). В ином случае просвещение подразумевает те проблемы, которые «здесь-и-сейчас» обладают характеристикой правовой неопределенности и поэтому включены в содержание просветительской деятельности, подразумевая активное поведение не только субъекта, но и объекта по ее снятию. Актуальность второго направления в настоящее время обусловлена кризисом вертикального доверия людей к официальным СМИ и ростом горизонтального доверия к социальным сетям [8, с. 18].

В первом случае основной целью правового просвещения будет решение локальных вопросов в юридической области, например, защита нарушенных прав потребителя. Во втором случае цель заключается в решении глобальных проблем трансформации правового сознания, способного к неколлизионному, неконфликтному сосуществованию в правовой системе. Например, попытки преодолеть так называемый правовой нигилизм путем легитимации проектируемых правовых норм при помощи публичного обсуждения проекта нормативного правового акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красножон, О. В., Нижник, Н. С. О правовом просвещении как факторе формирования правового сознания / О. В. Красножон, Н. С. Нижник // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. – Новороссийск: ООО «Издательский дом-Юг». – 2015. – С. 776–781.
2. Половникова, А. В. Правовая грамотность и правовое просвещение в условиях современного общества / А. В. Половникова // Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы теории и практики: сб. научных статей, посвященный 10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института. – Москва: Права человека, 2016. – С. 136–142.
3. Снегирёва, М. В. Правовая компетентность как критерий и результат использования педагогической технологии правового просвещения / М. В. Снегирева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – № 2. – С. 127–133.
4. Атагимова, Э. И. Роль правового просвещения в развитии правового государства / Э. И. Атагимова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института – 2016. – № 4. – С. 61–68.
5. Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления / Е. В. Тимошина // Постклассическая онтология права: монография ; под ред. И. Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 218–295.
6. Карнап, Р. Физикалистский язык как универсальный язык науки / Р. Карнап // Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»), 1931. Том II. Избранное ; пер. А. Никифорова. – Москва: КАНОН+, 2010. – С. 170–212.
7. Позднеев, С. А. Понятие информации и ее роль в физических и биологических системах / С.А. Позднеев // Краткие сообщения по физике Физического института имени П.Н. Лебедева Российской академии наук. – 2002. – № 1. – С. 3–8.
8. Земскова, Е. С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике / Е. С. Земскова // Экономика и экологический менеджмент. – 2019. – №3. – С. 17–27.

С. Г. Давыдова

кандидат географических наук, доцент
ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ НА ПРИМЕРЕ МФЦ

Первый опыт создания «одного окна» в России был проведён в Чудовском районе Новгородской области. В 1998 году, путём заключения соглашений между комитетом по управлению муниципальным имуществом, бюро технической инвентаризации, земельным комитетом и комитетом архитектуры, был создан департамент имущественных отношений, который осуществлял регистрацию сделок с имуществом и работал по принципу «одного окна». Так как в то время не существовало оценщиков, организация создавала хост группы, которые производили замеры и съемки имущества за отдельную плату, которая распределялась между участниками соглашения. Также хост группы проводили оценку движимого имущества, в основном автомобилей при оформлении договоров купли-продажи.

Необходимо отметить, что данная практика в ряде аспектов противоречила существующему законодательству и была впоследствии упразднена. Вместе с тем, сам подход и накопленный опыт организации оказания услуг с сфере имущественных отношений сыграл позитивную роль и стал прообразом существующей в настоящее время системы МФЦ. Опыт Чудовского района, Великого Новгорода, органов государственной власти и местного самоуправления в других регионах страны подготовил формирование новой системы работы в целом в стране.

Полномасштабная работа по созданию сети многофункциональных центров стартовала в 2012 году с изданием Указа Президента РФ от 07.05.2012 № 601 "Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления"[1, с.22]. В нем был зафиксирован показатель – не менее 90% россиян должны были получить доступ к таким центрам к концу 2015 года.

Многофункциональные центры постепенно создавались в каждом муниципальном районе Новгородской области в шаговой доступности, а к 2016 году была завершена масштабная работа, касающаяся создания территориально обособленные подразделения (далее в тексте ТОСП) МФЦ в населенных пунктах численностью более тысячи человек, что позволило существенно увеличить охват населения области возможностью получения услуг по принципу «одного окна» и достичь планового показателя, установленного Указом Президента РФ №601[2].

Сеть МФЦ в Новгородской области сегодня представлена 23 центрами со 143 «окнами» приема-выдачи документов, и 63 ТОСП с 81 «окном» приема-выдачи документов. Территориальное размещение МФЦ и ТОСП утверждено соответствующей схемой.

К настоящему времени сформирована полноценная нормативная база, обеспечивающая организацию работы по предоставлению государственных и муниципальных услуг на современной основе.

В результате обобщения опыта работы нескольких муниципальных центров в Новгородской области в 2012 году путем объединения нескольких муниципальных автономных и муниципальных бюджетных учреждений было образовано государственное областной автономное учреждение «Многофункциональный центр оказания государственных и муниципальных услуг». Это позволило создать единую централизованную систему управления в данной области.

От имени Новгородской области права собственника имущества ГОАУ «МФЦ» осуществляет министерство инвестиционной политики Новгородской области, учредитель. От имени Новгородской области права собственника имущества ГОАУ «МФЦ» в части несения субсидиарной ответственности осуществляет учредитель.

За период существования учреждения перечень структурных подразделений и штат сотрудников расширялся и изменялся в целях оптимизации и рационального распределения функций.

На сегодняшний день структура ГОАУ «МФЦ» выглядит следующим образом:

1. Аппарат учреждения;
2. Управление мониторинга и повышения качества государственных и муниципальных услуг:
 - Отдел поддержки малого и среднего предпринимательства;
 - Центр телефонного обслуживания;
3. Отдел по работе с мигрантами;
4. Управление комплексных услуг;
5. Управления и отделы МФЦ, расположенные на территории областного центра и муниципальных районов:
 - 4 управления МФЦ;
 - 18 отделов МФЦ.

Автоматизация приема-выдачи документов по государственным и муниципальным услугам во всех структурных подразделениях ГОАУ «МФЦ» реализована посредством Автоматизированной информационной системы многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (АИС МФЦ), за исключением государственных услуг Росреестра.

Переход на АИС МФЦ был обусловлен необходимостью автоматизации процессов при предоставлении государственных и муниципальных услуг, в том числе, более широким спектром возможностей. Главные преимущества АИС МФЦ – электронное взаимодействие с органами власти по обмену информацией, отправка межведомственных запросов и возможность получать на них ответы. АИС МФЦ интегрирована с государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП), реализована возможность печати документов, связанных с оплатой государственных и муниципальных услуг и получения информации о фактах оплаты.

Прием и выдача документов по государственным услугам Росреестра, в соответствии с соглашением о взаимодействии, во всех офисах МФЦ на территории области осуществляется посредством программного комплекса ПК ПВД.

В будущем ожидается, что регистрация обращений по государственным услугам Росреестра будет осуществляться в АИС МФЦ после перехода на каналы связи СМЭВ 3.0. Помимо основных программных комплексов, специалистами, осуществляющими прием и выдачу документов, используется и дополнительное программное обеспечение:

Spu_orb – программа подготовки документов персонифицированного учета (по первичной выдаче, обмену и выдаче дубликатов СНИЛС);

Pens-Invest - программа для приема заявлений застрахованных лиц о формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений;

SMART-ROUTE - система межведомственного взаимодействия;

В учреждении предпринимаются активные меры по популяризации электронных услуг. Ежегодно утверждается соответствующий План мероприятий, которым предусмотрено регулярное опубликование материалов в СМИ, информирование заявителей,

обращающихся в МФЦ о возможности и преимуществах получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также проведение публичных мероприятий с участием представителей органов власти. С 2015 года МФЦ выполняют роль центров обслуживания по регистрации, подтверждению и восстановлению учетных записей в единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА). В офисах заявителям предоставляются точки доступа к Единому portalу государственных услуг и Региональному portalу электронных услуг Новгородской области.

Разработана и успешно внедрена комплексная услуга по сопровождению и консультированию гражданина при непосредственной подаче заявления в электронном виде с разъяснением дальнейших действий по получению информации о стадии его рассмотрения. Этот период можно считать первым этапом проекта по созданию «Цифрового МФЦ», решение о внедрении которого было принято в целях формирования сервисного подхода к популяризации электронных услуг на базе офисов МФЦ.

Вторым этапом внедрения проекта «Цифровой МФЦ» в учреждении можно считать создание «пилотной» территории электронных услуг на базе одного из офисов Управления МФЦ по Великому Новгороду (по адресу ул. Большая Московская, д.24), представляющей собой специально выделенные рабочие места с соответствующей навигацией, позволяющие гражданину при комплексном сопровождении специалиста МФЦ подать заявление на получение государственной или муниципальной услуги в электронном виде через Портал госуслуг.

В целях создания систематического информационного сопровождения деятельности в учреждении ежегодно разрабатывается план информационного освещения деятельности, в рамках которого регулярно публикуются материалы в социальных сетях и на официальном сайте. Данная новостная стратегия также направляется в структурные подразделения для примера по ведению информационной политики на местном уровне. У ГОАУ «МФЦ» создан официальный сайт mfc53.novreg.ru.

О повышении уровня востребованности МФЦ среди населения Новгородской области свидетельствует положительная динамика количества обращений,

В период с 1 по 26 апреля 2021 года в МФЦ проведено консультаций – 1637, количество документов принятых – 5283; количество документов к выдаче – 2612. А за период до 26 апреля 2021 года принято документов 37816, а выдано 29101 документов [3].

Тремя наиболее востребованными услугами являются:

- Государственная услуга по кадастровому учету недвижимого имущества и (или) государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним - 9346;
- Консультация оказания услуги в электронной форме – 2096;
- Восстановление доступа к учётной записи в ЕСИА – 1582.

Для оценки эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг используется система на базе Многофункциональных центров, которая включает следующие пункты: анкетирование населения (см. Приложение 1), выполнение контрольной закупки, популярность МФЦ, мнение граждан об эффективности деятельности МФЦ, выездные проверки Уполномоченным МФЦ по вопросам эффективности работы центров.

Одним из наиболее результативных механизмов эффективной работы МФЦ является балльнорейтинговая оценка, которая включает качественные и количественные показатели. Они охватывают все преобладающие аспекты деятельности МФЦ и группируются по четырем основным признакам:

- инфраструктура МФЦ;

- качество организации предоставления государственных и муниципальных услуг и удобство работы МФЦ;
- инновационность подходов в организации работы МФЦ;
- информационное освещение деятельности МФЦ.

В настоящее время население РФ имеет возможность свободно по 5-балльной шкале оценить качество предоставленных услуг МФЦ по следующим критериям:

- время предоставления услуг,
- срок ожидания в очереди при получении услуг,
- корректность и информированность работника МФЦ,
- благоустроенность условий в помещении МФЦ,
- открытость информации о порядке предоставления услуг.

Доступ к системе обеспечивается по трем основным сегментам информационного согласования, доступного приобретателям государственных и муниципальных услуг в МФЦ:

- система установлена на каждом из информационных киосков, эксплуатационных в Многофункциональных центрах;
- создано приложение для мобильных устройств под управлением операционной системы iOS и Android;
- доступ к системе предоставлен на информационно-аналитическом портале областной сети МФЦ.

Отзывы граждан об особенностях оказания государственных услуг обобщаются и анализируются при помощи интегрированной информационной системы единой сети МФЦ. По итогам результатов, полученных в ходе мониторинга, выявляются проблемные точки, разрабатывается комплекс мер, направленных на их устранение, на достижение и поддержание на необходимом уровне ключевых показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мошкин С.В., Васильев А.М. Участие органов местного самоуправления в создании многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг / С.В. Мошкин // Государственная власть и местное самоуправление. -2013. -N 5. -С. 22.
2. О некоторых мерах по повышению качества предоставления государственных (муниципальных) услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг: [постановление Правительства Рос. Федерации от 3 октября 2009 г. № 796] // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа к источнику: <http://www.consultant.ru>, свободный (дата обращения 19.05.2018).
3. Портал ГОАУ МФЦ Новгородской области // [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://mfc53.novreg.ru> (дата обращения 26.04.2021 год).

В. В. Дорина

аспирант

Белорусский государственный университет

Л. В. Павлова

кандидат юридических наук, доцент

Белорусский государственный университет

ПРАВО РЕБЕНКА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

На сегодняшний день информационные технологии занимают большую часть нашей жизни. Изначально запланированные для взрослых пользователей, цифровые технологии играют немаловажную роль в жизни детей. Практически каждый школьник в Республике Беларусь имеет личный смартфон со свободным выходом в Интернет, где он может найти любую, интересующую его информацию. Однако использование детьми цифровых технологий зачастую несет некоторую опасность (усиление неравенства, кибербуллинг, материалы насильственного и сексуального характера, азартные игры, поощрения самоубийств и т.д.). Тем не менее, при правильном подходе, развитие информационно-коммуникативных технологий несомненно оказывает большое влияние на все стороны жизни детей, создает новые возможности для реализации ими своих прав.

Наиболее значимым международным актом, закрепляющим права ребенка является Конвенция Организации объединенных наций о правах ребенка 1989 г. (далее – Конвенция). Наиболее близкими и взаимосвязанными с развитием цифровой среды представляются право на доступ к информации (закреплено в ст.17 Конвенции) и право ребенка на свободу выражения своего мнения (ст.13 Конвенции). Именно в Интернете не составляет труда получить разного рода информацию и выразить свое мнение по любому вопросу, в том числе установить обратную связь с государством, что немаловажно при социализации ребенка и формировании его общественной и гражданской позиции.

Помимо перечисленных прав, значительное влияние цифровая среда оказывает на реализацию ребенком права на образование, закрепленного в ст.28 Конвенции.

Рассматривать реализацию данного права мы будем с позиций обеспечения наилучшего интереса ребенка, как основополагающего принципа Конвенции. В соответствии с данным принципом образование должно отвечать определенным критериям. Согласно Замечанию общего порядка №14 о праве ребенка на уделение первоочередного внимания обеспечению наилучших интересов ребенка [1, п. 79], такими критериями является наличие доступа к качественному бесплатному образованию, неформальное образование, квалифицированные преподаватели и специалисты, благоприятная среда для учета интересов ребенка, разработка надлежащих методик преподавания и обучения.

Решающее значение для реализации права на образование в наилучших интересах детей приобретает наличие определенных элементов для оценки проблем и приоритетов и обеспечения того, чтобы наиболее уязвимые слои населения не остались в стороне. Так называемые рамки 4 «А» («Availability», «Accessibility», «Acceptability», «Adaptability») [2, п. 14]. В соответствии с этими рамками, образование должно учитывать определенные взаимосвязанные и существенные особенности, которые продемонстрировали свою особую актуальность во время кризиса, связанного с распространением COVID-19.

Это *наличие* (функционирующие учебные заведения, включая санитарно-гигиенические условия для мужчин и женщин и безопасную питьевую воду, а также квалифицированные преподаватели, учебные материалы, компьютерные и информационные технологии);

доступность (учебные заведения и программы должны быть физически и экономически доступными для всех без какой-либо дискриминации);

приемлемость (форма и содержание образования, включая учебные программы и методы обучения, должны быть приемлемыми для студентов и родителей);

адаптивность (образование должно быть гибким и адаптироваться к потребностям меняющегося общества и реагировать на потребности учащихся в их различных социальных и культурных условиях).

С помощью цифровых технологий обеспечение всех четырех пунктов становится более реальным. При отсутствии учебного заведения в определенной местности, а также физической невозможности посещать школу – он-лайн обучение обеспечивает равенство доступа к образованию. В Замечании общего порядка №25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой [3, п. 102] государствам рекомендовано «обеспечить наличие надлежащей инфраструктуры, позволяющей всем детям иметь доступ к основным услугам, необходимым для дистанционного обучения, включая доступ к устройствам, электричеству, Интернету, учебным материалам и профессиональной поддержке».

Стоит отметить, что цифровые технологии помогли минимизировать негативные последствия для учебного процесса, вызванные пандемией в 2021 году, когда при невозможности посещать учебные заведения, дети смогли продолжить обучение, не выходя из дома, тем самым позволив адаптировать образование под сложившуюся ситуацию. Хотя это больше касается системы высшего образования, так как школам перейти на дистанционное обучение оказалось сложнее в силу недостаточности ресурсов и подготовки специалистов, тем не менее положительное влияние цифровых технологий очевидно.

Однако следует соблюдать баланс дистанционного и очного обучения, так как помимо знаний школа дает психологическую и социальную поддержку, а некоторые группы детей имеют возможность получать питание только в школе. Необходимо также обратить внимание на риски, связанные с переходом на онлайн-образование детей, которым грозит цифровая изоляция или с особыми образовательными потребностями.

Зависимость от онлайн-инструментов дистанционного обучения для обеспечения непрерывности образования может усугубить неравенство. По данным ЮНЕСКО половина от общего числа учащихся (около 826 миллионов учащихся), которые не посещали школы в результате пандемии COVID-19, не имеют доступа к домашнему компьютеру, а 43 % (706 миллионов) не имеют дома выхода в интернет.

Следует разумно чередовать использование цифровых технологий в образовании и личного общения с педагогами и сверстниками, разрабатывать рекомендации для дистанционного обучения на дому, чтобы информационные продукты не усиливали неравенство в доступе к классическому, очному обучению.

С помощью информационных технологий адаптироваться к условиям быстроменяющихся общественных отношений становится легче, дети хотят - и должны - быть частью цифрового мира, не только как пользователи цифровых продуктов, услуг и платформ, но и как создатели, лица, принимающие решения. Ярким примером учета мнения ребенка является выход в 2021 году Замечания общего порядка к Конвенции о правах ребенка №25: о правах детей в связи с цифровой средой, который был создан

при участии более 700 детей из 28 стран мира, опираясь на их мнение, учитывая их интересы и желания. Как нельзя лучше обеспечивает наилучший интерес ребенка принятие решений, которые касаются детей, основываясь на учете их мнения.

Таким образом, необходимо отметить положительные изменения при реализации детьми права на образование в условиях цифрового общества. Кажется целесообразным при внесении изменений в учебные программы, введении новых форм обучения с использованием информационно-коммуникативных технологий руководствоваться не только компетентным мнением педагогов, но и проводить он-лайн опросы детей, как непосредственных потребителей конечного продукта. Применять дистанционные формы обучения наравне с очным обучением, искать баланс и не заменять одно другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замечание общего порядка №14: о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3 Конвенции о правах ребенка), 29 мая 2013 г. [Электронный ресурс] : Комитет по правам ребенка. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html>. – Дата доступа: 04.09.2020.
2. Right to education: impact of the COVID-19 crisis on the right to education; concerns, challenges and opportunities, 15 June 2020 [Electronic resource] : Human Rights Council. – Mode of access: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Education/A_HRC_44_39_AdvanceUneditedVersion.docx. – Date of access: 15.09.2020.
3. Замечание общего порядка №25: о правах детей в связи с цифровой средой, 2 марта 2021 г. [Электронный ресурс] : Комитет по правам ребенка. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC/C/GC/25&Lang=en. – Дата доступа: 04.05.2021.

Е. В. Зыкина

кандидат юридических наук, доцент
Псковский государственный университет
chernocliv60@mail.ru

К. А. Строганова

студент
Псковский государственный университет
stroganova_2001@list.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена проблемам правового режима свободного использования интеллектуальной собственности в цифровой среде. Целями данного исследования выступают выделение вопросов развития института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации и предложение направлений их решения. Вместе с этим внедрение технологического прогресса требует устранения правовых пробелов и препятствий, которые связаны в том числе и с пробелами и противоречиями в действующем законодательстве. Безусловно, в статье отмечается важность и необходимость совершенствования законодательства, которое определяет правовой статус сети Интернет, а также ответственность за правонарушения, которые совершаются в сети Интернет.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, сеть Интернет, цифровая экономика, правовое регулирование, защита интеллектуальной собственности, цифровая инфраструктура, результаты интеллектуальной собственности.

В условиях цифровой среды особо актуальным институтом становится право интеллектуальной собственности. Именно вопросы интеллектуальной собственности определяют ныне вектор развития общества. Следовательно, интеллектуальная собственность в нынешних условиях становится одним из главных источников информационного развития, ферментом экономического роста в целом. Например, процесс автоматизации коснулся и юридического рынка: вследствие бурного технического подъема юридические услуги также переходят в онлайн, взаимодействие с доверителями повышается, что также требует правовой защиты. Действительно, в настоящее время вышеупомянутый институт является основой современной мировой экономики. Как правило, появление новых результатов интеллектуальной деятельности на различных площадках, в том числе в глобальной сети Интернет, так называемой «Всемирной паутиной», которая, в свою очередь, сегодня является основным источником информации в мире, требует правовую защиту. И скорей всего для простого человека посмотреть фильм, послушать музыку, скинуть курс другу – это «естественное право», однако в правовом отношении это все выглядит намного иначе. Почему? На сегодняшний день складываются своего рода «потребительские» отношения в общественной среде относительно интеллектуальной собственности. Однако важно уточнить, что информация может являться объектом гражданских правоотношений, а за каждым произведением, фильмом, музыкой стоит автор. Проблема защиты результатов интеллектуальной деятельности в глобальной сети Интернет существует, однако решение этой проблемы на сегодняшний день, к сожалению, не найдено. Каким образом «пиратство» будет наказано и кто понесет ответственность? Следовательно, можно сказать, что правовое сознание граждан в данной сфере на данном этапе еще не сформировано.

Помимо этого, необходимо сказать, что интеллектуальная собственность становится еще одним из главных инструментов развития цифровых технологий защиты интеллектуальных прав, образует цифровой рынок. Внедрение современных технологий обязывает устранения определенных правовых препятствий, которые непосредственно связаны с нынешними пробелами и противоречиями в действующем законодательстве. Конечно, нельзя не отметить, что переход к цифровой экономике, в настоящее время, перед юристами ставит много вопросов и задач, связанные с регулированием данной сферы. Безусловно, речь идет об объектах интеллектуальной собственности, регулируемой Гражданским кодексом, а также необходимо устранить пробелы, которые связаны с распоряжением интеллектуальными правами в цифровой среде. Сегодняшнее законодательство, к сожалению, отстает в уровне развития общественных отношений в области интеллектуальной собственности. Следовательно, все вышеизложенное вызывает острую необходимость исследования такого института, как право интеллектуальной собственности, в условиях цифровизации всех сфер общества. На сегодняшний день стоит отметить, что в цифровую эпоху на современном рынке результаты интеллектуальной собственности человека, которые объединяются общим понятием «интеллектуальная собственность», приобретают все большее значение.

Далее важно сказать, что с появлением новых общественных отношений, которые тесно переплетаются с такой глобальной сетью, как Интернет, особую роль и значимость приобретает правовое воздействие в данной сфере, которое даст возможность обеспечить стабильное и результативное развитие законодательства в сфере отношений в глобальной сети Интернет. На самом деле это очень важно, потому что в настоящее время развитие российского законодательства в данной области находится только на начальном уровне, что затрудняет эффективно пользоваться нормативно-правовой базой в этой сфере. Так, согласно Internet Words Stats, которая занимается сбором и анализом информации, составляя статистику, связанную с сетью «Интернет», по состоянию на тридцать первое декабря две тысячи двадцатого года, общее количество пользователей Интернета по всему миру составило 4 536 248 808 человека, в том числе 58,8 процентов от всего населения планеты. Российское государство, в свою очередь, показывает такую статистику в середине 2021 года: интернет-пользователей составило 116 353 942 человека, в том числе 80,9 процента от всего населения Российской Федерации. [6] Особую роль с приходом так называемой «цифровой эры», появлением глобальной сети Интернет, выполняют технологии интеллектуальной собственности. Стоит отметить, что даже на уровне Совета Европы признается, что информационные и коммуникационные технологии, считаются рычагом создания информационного общества. В настоящее время Российское государство находится в процессе формирования рынка интеллектуальной собственности, вследствие чего, законодательство необходимо приспособить к вызовам «цифровой эры».

Анализируя всемирную статистику в области интеллектуальной собственности, Всемирная организация интеллектуальной собственности на своём сайте опубликовала инфографики за две тысячи девятнадцатый год в соответствии с количеством заявок на права интеллектуальной собственности. Например, если брать Российскую Федерацию, то за две тысячи восемнадцатый год количество, например, патентных заявок, было 30 696, а в две тысячи девятнадцатом году – 29 711. Однако, в это же время, резкой скачок мы можем увидеть в области товарных знаков: в две тысячи восемнадцатом году количество заявок на товарные знаки составило 299 496, а в две тысячи девятнадцатом году – 331 921 [5]. Следовательно, можем отметить, что патентная активность смещается в электронные технологии.

Информационные отношения регулируются нынешним законодательством, однако чувствуется острая необходимость обсуждать ее достаточность и современность. В связи с чем, должное внимание надо отдать одному из важных документов для цифровой области – «Антипиратский закон». Так называемая «антипиратская машина» произвела новый порядок пресечения нарушений интеллектуальных прав в цифровой среде, а именно: стали производить блокировку сайтов-нарушителей через Единый реестр нарушителей авторских и смежных прав в интернете [4, ст. 110 – 116]. Особое внимание заслуживает статистика международной компании Group – IB, которая сообщает, что за последние пять лет, к сожалению, пиратский рынок в Российской Федерации рос катастрофическими быстрыми темпами. Однако в 2019 году был нанесен, действительно, огромный удар по «теневому рынку», что впоследствии привело к резкому сокращению объемов пиратства. В конечном итоге за последние пять лет рынок интернет-пиратства продемонстрировал противоположную динамику. Эксперты международной компании Group-IB также сообщают, что в 2020 году объем интернет-пиратства сократился на 7 процентов по сравнению с 2019 годом. Однако несмотря на такое снижение теневого рынка, интерес к пиратскому контенту не снижается. Например, в апреле 2020 года, Group-IB отмечает, что в период коронавирусной инфекции, введения режима самоизоляции, был поставлен абсолютный исторический рекорд по числу намерений бесплатно посмотреть различные фильмы – 1, 4 миллиард [7]. Следовательно, сформировавшиеся обстоятельства в настоящее время предопределились в большей степени в проблемах защиты авторского права. Наиболее ярким примером в подтверждении данного тезиса будет считаться судебный прецедент, который произошел в 2009 году между двумя ведущими компаниями: Общество с ограниченной ответственностью «В контакте» и «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» (ВГТРК). Последняя подала иск в Арбитражный суд об обязании ООО «В контакте» прекратить размещать фильм «Охота на пираний». По итогам судебного заседания, суд не удовлетворил иск ВГТРК. В связи с чем возникает вопрос: как же регулируется тогда ответственность интернет-посредников? Следовательно, этот судебный процесс выявил множество проблем действующего законодательства [3, ст. 4-16]. Одной из самых очевидных стало отсутствие определенного правового регулирования в области авторского права, инструментов, вследствие чего происходят судебные ошибки, нарушаются права и интересы правообладателей. Этот процесс вызвал массовый резонанс в обществе, а также выявил острую необходимость разработать нормативно-правовой акт, который будет регулировать эти правоотношения.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что право интеллектуальной собственности в настоящее время быстрыми темпами развивается и требует защиту на правовом уровне. Однако, к сожалению, законодательство Российской Федерации несовершенно в области интеллектуальной собственности, здесь имеется ряд несовершенств, которые, в свою очередь, требуют немедленного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека: [принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.] // Рос. газета. - 1998. - 10 декабря (№ 245). – С. 3.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013). // «Российская газета», №289, 22.12.2006. - С. 1226.

3. Агамагомедова С.А., Надькина Н.А. Развитие института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики // Экономические науки. Инновации в экономике. – 2019. – №1 (9). – С. 4 – 16.
4. Свиридова Е.А., Навроцкая А.С. Антипиратский закон в России: проблемы правоприменения // Образование и право. – 2014. – №5 (57). – С. 110 – 116.
5. Всемирная организация интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/portal/ru> (дата обращения: 14.04.2021).
6. Статистика использования сети «Интернет». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com/> (дата обращения: 14.04.2021).
7. Международная компания по предотвращению и расследованию преступлений и мошенничеств с использованием высоких технологий. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gro-up-ib.ru/about.html> (дата обращения: 14.04.2021).

Е. Ф. Ивашкевич

кандидат педагогических наук, доцент
заведующий кафедрой истории и теории права
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Информационные правоотношения в сравнении с другими отраслями права имеют определенные отличия. Очертим наиболее значимые в этой связи позиции. Так, субъектами информационных правоотношений являются государства, физические и юридические лица, общественные и международные организации. Как правило, волеизъявление участников информационных правоотношений или реализация ими национальных и международных правовых норм положено в основу данных правоотношений. Правовой режим информационного объекта определяет юридическую модель открытости и гласности. Правовед Д.В. Грибанов, относя к объектам информационного правоотношения персональные данные, письмо, базу данных и иные информационные ресурсы, а также информационные услуги по поиску, подбору и предоставлению информации одним лицом другому, считает, что в ряде случаев достаточно тяжело разграничить информационные и иные правоотношения, и в правоотношении одновременно объектами могут выступать и материальные ценности, и ресурсы, и услуги [1, с. 56].

Объектом правоотношений в сфере СМИ могут выступать также материальные и нематериальные блага. Говоря о первом, в качестве объектов правоотношений может быть процесс сбора, подготовки, хранения и распространения информации (приобретаемая редакцией техника). В качестве второго выступает результат первого (частная жизнь, честь и достоинство и др.). Специфика правоотношений может задействовать одновременно несколько объектов. Как пример, критический материал в СМИ, касающийся определенного лица, может образовать правоотношения между журналистом и читателем. В случае несоответствия действительности сведений, которые легли в основу публикации, порочат честь и достоинство, контент затрагивает интересы читателя.

В экспертной среде существует ряд мнений по однозначному вхождению журналиста в субъектный состав правоотношений. Так, исследователь в области информационного права Е.П. Прохоров причисляет журналиста исключительно к разряду субъектов деятельности СМИ, очерчивая его профессиональный инструментарий [2, с. 26]. Подход Е.Л. Вартановой базируется на производственном содержании, где журналист не полностью причастен к созданию конечного информационного продукта [3, с. 9]. В данном случае имеется в виду процесс создания, обработки, распространения и хранения информации, в котором также задействованы и другие физические и юридические лица. Например, при производстве рекламы – маркетологи, при дизайнерской обработке полосы печатного издания – операторы электронного набора и верстки и т.д.

Автор Т.В. Науменко высказывает позицию, что «субъектами журналистики являются социальные группы, реализующие свои потребности, связанные с обеспечением условий собственного существования, связанных с необходимостью внесения в массовое сознание (то есть в систему сознания, функционирующего непосредственно в практике) социальных установок на основе собственных мировоззренческих парадигм, выраженных в форме их групповых идеологий. Исходя из этих потребностей, социальные группы заинтересованы производить массовую информацию как способ существова-

ния собственных мировоззренческих парадигм» [цит. по: 4, с. 28]. Он подчёркивает, что специалисты в области журналистики склоняются к игнорированию употребления такого понятия, как «субъект журналистики», и выдвигают первый план учредителей. Поскольку деятельность СМИ регулируется правом, постулат теоретиков о том, что журналисты не относятся к субъектам журналистики, является весьма противоречивым. С целью определения пределов возможного и должного поведения субъектов права, необходимо выявить весь круг данных субъектов. Вовлечение в деятельность позволяет при определенных обстоятельствах вступать в правоотношения друг с другом, а, следовательно, в ряде случаев субъекты имеют корреспондирующие права и обязанности. Нарушение этого правила может негативно сказаться на эффективности механизма правового регулирования данной сферы.

«Ядром» правоотношений являются субъективные права и юридические обязанности, которые сопряжены с правовым статусом. Рассматривая данное понятие в широком смысле, важно отметить, что это место субъекта в обществе и в правовой системе в целом, которое имеет юридическую фиксацию. Такая правовая конструкция состоит из таких компонентов, как права и обязанности, правосубъектность, правовые принципы, юридическая ответственность и др. Узконаправленную семантическую нагрузку данное понятие несет, когда оно рассматривается как комплекс правовых элементов, состоящих из прав, свобод и обязанностей, которые устанавливают правовое положение субъекта. Правоведы подчеркивают тезис о тесном взаимодействии между объективным и субъективным правом, в связи с чем выделяют две стороны права: объективную и субъективную [5, с. 87].

Рассмотрим модель правового статуса субъектов правоотношений и реализацию субъективных прав и обязанностей некоторых субъектов права СМИ. Право получать информацию по любым вопросам общественной жизни зафиксировано в конституционной ст. 33, где «каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение» [6]. Данная формулировка менялась несколько раз. Понятие «свобода слова» сегодня употребляется в научной литературе как синоним понятия «право на информацию», а также право производить и распространять информацию любыми законными способами.

Такая правовая категория как «свобода слова» конституционно закреплена в большинстве стран (США, Швеции, России, Чехии, Словении, Албании, Индии, Таиланде и мн. др.), термин «свобода выражения мнения, убеждений, взглядов» употребляется в конституционных нормах Литвы, Эстонии, ФРГ, Австрии, Франции, Испании, Португалии, Болгарии, Румынии, Венгрии. Однако, наиболее полно данная позиция отражена в конституционной ст. 16 Северной Македонии, в соответствии с которой гарантируется «свобода ... мнения и публичного высказывания своих убеждений; ... слова, публичного выступления, информирования общественности и свободного учреждения СМИ; свободный доступ к информации, свобода получения и распространения информации; право ответственности СМИ; право СМИ на исправление ошибок, на защиту источника информации» [7].

Возвращаясь к белорусскому законодательству, отметим, что ст. 33 детализируется в ст. 34, в соответствии с которой гражданам гарантируется «право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны

предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы...» Сравнивая данные положения Основного закона, очевидно, что дихотомически признак «права – обязанности» до конца не выдержан. Так, в ст. 34 зафиксированы обязанности государственных органов предоставлять информацию в случаях, когда затрагиваются права и законные интересы гражданина. Обязанность предоставлять информацию соотносится с субъективным правом вышеуказанных субъектов. Конституционные нормы, которые затрагивают права граждан, являются нормами прямого действия [6].

Субъективные права или юридические обязанности, изложенные в одной статье, порождают факт включения элементов правового регулирования с отсылкой на другие источники права. Так, ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации) устанавливает:

- государственные органы, физические и юридические лица вправе осуществлять поиск, получение, передачу, сбор, обработку, накопление, хранение, распространение и (или) предоставление информации, пользование информацией в соответствии с Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь;

- государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставлять гражданам Республики Беларусь возможность ознакомления с информацией, затрагивающей их права и законные интересы, в порядке, установленном Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь;

- гражданам ... гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности госорганов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды в порядке, установленном Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь [8].

К числу иных актов законодательства примыкает Закон о СМИ. Ключевая функция СМИ заключается в информировании, неукоснительная реализация которой возможна при соблюдении права на получение информации. Данный механизм находит отражение в нормах объективного права – правовой статус субъектов правоотношений в сфере массовой информации (ст. 27, 29, 30, 30¹ 31, 32, 33, 34) [9]. В ст. 36 Закона о СМИ указано: физическим лицам гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, политических партий, иных общественных объединений, иных юридических лиц, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Государственные органы, политические партии, другие общественные объединения, иные юридические лица, а также их должностные лица могут представлять сведения о своей деятельности средствами массовой информации путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и иными способами [74].

Анализируя данную норму, можно сделать вывод, что право на получение информации гарантировано только физическим лицам. Обязанность юридических лиц и их должностных лиц прямо не отражена в статье о праве на получение информации, вместо нее заложен механизм о возможности представления сведений о своей деятельности. Это дает основания полагать об использовании законодателем неудачной правовой трактовки. В ст. 34 зафиксировано: в связи с осуществлением профессиональных обязанностей журналист СМИ имеет право собирать, запрашивать и получать информацию из государственных органов, от политических партий, других общественных

объединений, иных юридических лиц, а также хранить и распространять информацию, необходимую для осуществления его профессиональной деятельности [9]. В этой связи нам видится необходимым акцентировать внимание на том, что юридическое лицо, которое обладает статусом СМИ и является редакцией, также полноправный субъект правоотношений в медийной сфере. Считаем важным реконструировать данную норму за счет ликвидации термина «журналист», за счет которого сужен субъектный состав.

Законодательство четко определяет поведенческие нормы журналиста по отношению к конкретным действиям, связанным с запросом информации, и в то же время устанавливает поведенческие нормы для стороны, к которой обращаются за разрешением данного запроса. В этом случае использование законодателем конструкции «может предоставлять информацию» рассматривается прежде всего с точки зрения не обязанности, а права субъектов предоставлять или не предоставлять информацию. Данный факт не гармонизирует правовой природе правоотношений в области информационного права, где набор прав и обязанностей должен обладать корреляционной величиной. Нарушение прав журналиста на получение информации порождает нарушение прав тех, кому она предназначена. Данная аксиома преступает права граждан на получение информации, что конституционно гарантировано.

Важной фигурой в информационном поле является учредитель СМИ, правовой статус которого закреплен в ст. 29 Закона о СМИ [9]. Права и обязанности учредителя сопряжены с функционированием учрежденного им СМИ. Эксперты в сфере информационного права выделяют четыре основные группы прав. Первая – связана с правами, которые возникают автономно по отношению к виду лица, учредившего СМИ (физическое либо юридическое лицо). К этой группе можно отнести права по их передаче, как и обязанностей, третьему лицу на основании договора в соответствии с законодательством; права прекратить выпуск СМИ в случаях, предусмотренных в решении о редакции либо в договоре о редакции (ч. 1 ст. 29). Вторая группа концентрирует права, которые зависят от учредившего СМИ вида лица. Так, юридическое лицо, которое выступает в роли учредителя, может выполнять функцию редакции, в отличие от физического лица. В то же время законодательством предусмотрено положение, которое относится исключительно при учреждении СМИ физическим лицом: права и обязанности учредителя могут переходить по наследству (ч. 4 ст. 29). Данная группа прав соотносится с третьей, которая содержит прямо предусмотренные законом права. Права, которые прямо в законе не указаны, но возникают на основании решения или договора о редакции СМИ – входят в четвертую группу. В таких решениях либо договорах могут быть предусмотрены любые права, реализация которых будет способствовать выполнению функций, возложенных на СМИ. В этом случае в конкретных правоотношениях субъективным правам учредителя корреспондируют обязанности других лиц.

В Законе о СМИ определены обязанности учредителя: сообщать достоверные сведения при регистрации СМИ; пройти перерегистрацию, если произошли реорганизация (ликвидация) юрлица, являющегося одним из учредителей СМИ, либо смена состава учредителей, либо необходимо изменить название, вид или сведения о юрлице, на которое возложены функции редакции; письменно уведомить Министерство информации Республики Беларусь об изменении иных сведений, подлежащих включению в Государственный реестр СМИ с приложением документов, подтверждающих соответствующие изменения; сообщить в Мининформ о своем решении прекратить выпуск СМИ; отреагировать на письменное предупреждение, полученное в случае нарушения требований, предусмотренных ст. 29 Закона (учредитель (учредители) несет от-

ветственность за выполнение требований, заявленных им при учреждении и госрегистрации СМИ, ... за содержание информации, распространяемой учрежденным им СМИ): письменно сообщить в Мининформ об устранении нарушений, послуживших основанием для вынесения письменного предупреждения, и представить подтверждающие документы не позднее, чем в трёхдневный срок по истечении срока устранения нарушений, установленного в предупреждении [9].

Проведем ретроспективный анализ для выявления границ прав, обязанностей и ответственности. Ранее в законодательстве статус учредителя СМИ определял право утверждать устав редакции, помещать сообщение и материал от своего имени, передавать права и обязанности 3-ему лицу с согласия редакции, выносить соответствующее письменное предупреждение редакции, приостановить или прекратить деятельность СМИ. Учредитель был лишен права вмешиваться в деятельность СМИ, что было изложено по-особому: за исключением случаев, предусмотренных законом, уставом редакции, договором между учредителем и редакцией (главным редактором). Договорные отношения удерживали в себе их субъективные права и юридические обязанности, поэтому регулировали момент возникновения ответственности за распространение не соответствующей требованиям законодательства информации. Такой правовой индикатор стал применяться в юридической практике.

Закон о СМИ не утратил норму о том, что учредитель не имеет права вмешиваться в деятельность СМИ, за исключением случаев, предусмотренных данным НПА, решением о редакции либо договором о редакции СМИ. Законодатель возложил на него ответственность за содержание информации, распространяемой учрежденным им СМИ во всех случаях, даже если не достигнуты договоренности о праве учредителя следить за контентом. Обстоятельства, исключаящие ответственность ряда субъектов информационных отношений, в том числе и учредителя, за контент, если учрежденное им СМИ распространило сведения, не соответствующие действительности, зафиксированы в ст. 52 [9], а именно: если сведения получены от госорганов, государственных организаций, их должностных лиц, а также содержатся в официальных информационных сообщениях и/или материалах; от информационных агентств при условии наличия ссылок на них; политических партий и иных общественных объединений, иных юридических лиц, а также содержатся в официальных информационных сообщениях и (или) материалах пресслужб политических партий, других общественных объединений и иных юридических лиц; являются дословным воспроизведением официальных выступлений должностных лиц госорганов; содержатся в информационных сообщениях и (или) материалах телевизионных и радиовещательных СМИ, выходящих в эфир без предварительной записи. Если эти сведения могут дискредитировать Республику Беларусь, порочить честь, достоинство, деловую репутацию физических либо юридических лиц, лица, распространяющие информацию, в том числе и учредитель, обязаны позаботиться о проверке достоверности указанных сведений.

В данном случае в фокус внимания попадает факт, что учредитель несет ответственность за содержание распространяемой учрежденным им СМИ информации, при этом не имея права вмешиваться в деятельность СМИ. Данная концепция дает основания полагать о разрушении связи между правами и обязанностями. На наш взгляд, данная норма должна быть скорректирована, поскольку с юридической ответственностью не соотносятся обязанности без прав. Этот вопрос может быть решен одним из предлагаемых нами путей. Первый – учредитель может быть наделен правом вме-

шиваться в деятельность СМИ и нести ответственность наряду с другими субъектами правоотношений. Второй – учредитель несет ответственность, если соответствующие права и обязанности указаны в решении либо договоре о редакции СМИ.

Свое отношение по включению в НПА только юридическую обязанность или только субъективное право очерчивает Е.З. Бекбаев: «Статья закона не всегда охватывает все элементы правовой нормы, которая, если кого-то обязывает, должна кого-то управомочивать, могут быть «односторонние» статьи закона, но никак не должны быть «односторонние» нормы права, «односторонние» правоотношения или «односторонние» юридические обязанности и субъективные права» [цит. по: 10, с. 112]. Мы поддерживаем данную позицию с учетом необходимости совершенствования правового регулирования отношений в сфере деятельности СМИ в условиях социальных трансформаций и современных реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибанов, Д.В. К вопросу о правовой теории кибернетического пространства / Д.В.Грибанов // Государство и право. – 2010. – № 4. – С. 57-62.
2. Прохоров, Е.П. Исследуя журналистику / Е.П. Прохоров. – Москва: РИП–Холдинг, 2008. – 202 с.
3. Вартанова, Е.Л. К вопросу о концепции социальной ответственности СМИ в контексте информационной безопасности / Е.Л. Вартанова, Н.В. Ткачева // Вестник Московского университета. – 2008. – № 5. – С. 7-17.
4. Науменко, Т.В. Массовая коммуникация как социальный процесс: филос.-методол. анализ проблемы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Т.В. Науменко. – Москва, 2004. – 55 с.
5. Алексеев, С.С. Теория государства и права / С.С. Алексеев. – Москва: Норма, 2005. – 458 с.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.
7. Конституция Республики Македония от 17 ноября 1991 года [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=113>. – Дата доступа: 12.03.2021.
8. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З: в редакции от 11 мая 2016 г. № 362-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.
9. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З: в редакции от 17 июля 2018 г. № 128-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2021.
10. Бекбаев, Е.З. Проблема начала в теоретическом познании правовой системы (попытка обоснования) / Е.З. Бекбаев. – Астана: Издательство «Астана», 2008. – 296 с.

Б. С. Исмаилов

научный соискатель Ташкентского государственного юридического университета
кафедры "Теории государства и права"

Ф. А. Мухитдинова

доктор юридических наук, профессор кафедры "Теории государства и права"
Ташкентский государственный юридический университет
feruza.mukhitdinova@gmail.com

РОЛЬ ЭЛЕКТРОННОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ОЦЕНКЕ ПОТРЕБНОСТИ ИНВАЛИДОВ В СОЦИАЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

*Государство строит свою деятельность на принципах социальной справедливости
и законности в интересах благосостояния человека и общества.*

Конституция Республики Узбекистан, статья 14.

*В статье рассмотрены проблемы формирования инвалид защитной концепции
и определения инвалидности в международном праве. Проанализированы роль элек-
тронной системы при оценке потребности инвалидов в социальной и профессио-
нальной реабилитации: состояние и проблемы: общая характеристика с позиций
системного подхода. Автором уделены внимание на социальную защиту прав инва-
лидов в Узбекистане.*

Ключевые слова: инвалидность, электронная, система, медицина, закон.

B. Ismailov

Candidate of Law, Associate Professor of the Department "Theory of State and Law"
of the Tashkent State Law University

THE ROLE OF THE ELECTRONIC SYSTEM IN ASSESSING THE NEEDS OF PERSONS WITH DISABILITIES IN SOCIAL AND VOCATIONAL REHABILITATION: STATE AND PROBLEMS

*The article deals with the formation of the concept of disability protection and the problem
of disability identification in international law. The role of the electronic system in assessing
the needs of disabled people in social and vocational rehabilitation is analyzed: state and
problems: general characteristics from the point of view of a systematic approach. The au-
thor pays attention to the social protection of the rights of disabled people in Uzbekistan.*

Keywords: disability, electronic, system, Medicine, Law.

Высокая доля инвалидов в мире, сформировавшаяся тенденция утяжеления со-
циальных последствий инвалидности вызывают снижение трудовой активности самих
инвалидов, безработицу и бедность этой категории граждан. Поэтому приоритетными
задачами в области здравоохранения и социальной защиты населения на современ-
ном этапе Узбекистана являются укрепление здоровья, профилактика заболеваемости
и инвалидности, развитие реабилитации и совершенствование законодательство. Ре-
шение проблем инвалидности и инвалидов является одним из приоритетных направ-
лений социальной политики Республики Узбекистан на современном этапе и в значи-
тельной мере определяет уровень социального благополучия, как всего населения Уз-

бекистана, так и его социально-уязвимых слоев. Инвалидность - определяют шесть основных факторов; заболеваемость населения, демографические процессы, экономический и социальный статус населения, характер труда на производстве, состояние служб врачебно-трудовой экспертизы (ВТЭ) и материально-бытовые условия жизни населения.

Это требует принятия государственных мер по повышению уровня их социальной защищенности посредством проведения эффективных мер реабилитации социальной и профессиональной направленности, обеспечивая тем самым более высокий уровень материальной и социальной независимости. Проблема оказания помощи лицам с ограниченными трудовыми возможностями становится наиболее важной и актуальной, так как рост численности инвалидов в структуре населения представляет собой устойчивую тенденцию и может оказывать негативное влияние на социально-экономическое развитие страны. Несмотря на то, что инвалиды нуждаются в особой социальной поддержке, при условии профессиональной реабилитации они становятся значительным резервом рабочей силы. В связи с этим возникает необходимость максимальной реализации трудовых возможностей инвалидов, создания условий для их интеграции в экономику страны.

В Республике Узбекистан уделяется большое внимание со стороны государства и правительства Республики вопросам социальной защиты инвалидов. Подтверждением этого является принятый первые дни независимости как в ноябре 1991 года принят был Закон Республики Узбекистан «О социальной защищенности инвалидов в Республике Узбекистан», послуживший основой для проведения реформ в области социальной защиты инвалидов и определен реабилитации как основного направления социальной политики в отношении инвалидов, что до сегодняшнего дня продолжают приоритетные направления по совершенствованию системы реабилитации инвалидов на региональном уровне. [2, ст. 3]

В своём Выступлении Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев 1 декабря, в преддверии Международного дня инвалидов (3 декабря), подписал указ «О мерах по кардинальному совершенствованию системы государственной поддержки лиц с инвалидностью». Документ был разработан по итогам изучения, проведенного комиссией по подготовке предложений по кардинальному совершенствованию системы государственной поддержки инвалидов.

В Узбекистане проживают более 600 тысяч инвалидов. Большинство из них сталкивается с различными трудностями в повседневной жизни, что затрудняет их активное участие в политической, социальной, экономической и культурной жизни, говорится в официальном комментарии к указу.

Документом одобрены предложения о **разработке проекта закона «О правах лиц с инвалидностью» и подготовке к ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов**. Как и предлагалось в опубликованном ранее проекте указа, понятие «инвалид» исключено из оборота и заменено на термин **«лицо с инвалидностью»**. Как поясняется в комментарии, такое решение принято с целью «изменения сознания людей в отношении инвалидов, доведение до окружающих понимания о полном и равноправном участии их в обществе».

Комиссией по подготовке предложений, направленных на кардинальное совершенствование системы государственной поддержки лиц с инвалидностью, образованной распоряжением Президента Республики Узбекистан от 1 августа 2017 года № Р-5006, проведено комплексное и глубокое изучение состояния дел в сфере раннего выявления и предупреждения инвалидности, медико-социальной помощи лицам с инвалидностью, их профессионального обучения и трудоустройства. [3]

В ходе данной работы высокую активность и чувство сопричастности проявили широкие слои населения, негосударственные некоммерческие организации и другие институты гражданского общества, а также представительства международных и зарубежных организаций.

Проведенное комплексное изучение, итоги открытого и прямого диалога с населением позволили выявить ряд системных недостатков и проблем, требующих скорейшего принятия действенных мер по их устранению.

Совместными усилиями выработаны конкретные предложения по дальнейшему улучшению качества и уровня жизни лиц с инвалидностью, оказанию им медико-социальной помощи, содействия в реализации прав, свобод и законных интересов, формировании активной позиции в обществе.

В целях эффективной реализации данных предложений, а также в соответствии с задачами, определенными Стратегией действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 — 2021 годах принят Закона Республики Узбекистан «О правах лиц с инвалидностью», осуществлении практических мер по подготовке к ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов. [4,]

Основными направлениями дальнейшего совершенствования системы государственной поддержки Узбекистана лиц с инвалидностью недопускается дискриминации по признаку инвалидности, обеспечение равных условий для реализации прав, свобод и законных интересов лиц с инвалидностью и неотвратимости ответственности за их нарушение а также созданы эффективные механизмы своевременного учета лиц с инвалидностью, внедрение единой комплексной системы их сопровождения и поддержки с момента проявления признаков инвалидности, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих осуществлять действенный мониторинг социального положения лиц с инвалидностью, всестороннюю оценку их жизненных условий, разработку и реализацию индивидуальных программ развития, а также своевременно оказывать необходимую медико-социальную помощь для чего актуальна электронная медицина.

Цифровизация также актуальна при внедрение прозрачных, современных методов и критериев врачебно-трудовой экспертизы и установления инвалидности, повышение уровня и качества медико-социальной помощи лицам с инвалидностью, в том числе путем расширения доступа к высокотехнологичной специализированной медицинской и социальной помощи с применением современных методов диагностики, лечения и реабилитации.

Электронная медицина и электронная система важна в усиление адресной социальной защиты лиц с инвалидностью, расширение оказываемых им медико-социальных услуг и материальной помощи, направленных на улучшение жилищно-бытовых и других условий проживания, повышение эффективности мер по их медико-социальной реабилитации, в том числе обеспечению качественными вспомогательными и техническими средствами реабилитации. Ведь всем известно, что интеграция инвалидов в общество неразрывно связана с их реабилитацией и последующим трудоустройством.

Поэтому мы уделяли и проанализировали нормативно-правовые акты Республики Узбекистан, конвенции и рекомендации Организации Объединенных Наций (ООН), Международной Организации Труда (МОТ), регламентирующие действия государств в отношении реабилитации и занятости инвалидов, а также выступлении **Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева в работе 46-й сессии Совета ООН по правам человека стало историческим, знаковым событием.** [5]

Впервые на глобальной правозащитной площадке Узбекистан был представлен на самом высоком политическом уровне - в лице Президента нашей страны. С момента создания СПЧ ООН в 2006 году главы лишь 20 государств напрямую обращались к делегатам ежегодных сессий главного правозащитного органа мира, при этом Узбекистан первым среди стран постсоветского пространства воспользовался такой привилегией.

Стержнем же речи Президента стал важный посыл: достоинство человека неприкосновенно, уважать и защищать его – приоритет поддержки обеспечению **прав лиц с особыми потребностями** государственной политики Узбекистана. **Особое внимание уделено новому** Закону страны о правах лиц с инвалидностью, и в ближайшее время Парламент Узбекистана ратифицирует Конвенцию ООН о правах инвалидов.

Предлагается создать Региональный совет по вопросам самореализации людей с ограниченными возможностями.

Республика Узбекистан уделяется большое внимание со стороны государства и правительства Республики вопросам социальной защиты инвалидов даже при обучении. Создаются в областных, районных центрах специальных курсов по обучению языку жестов и азбуки Брайля на базе общеобразовательных школ с привлечением специалистов в этой сфере в целях повышения грамотности лиц с инвалидностью, в том числе взрослых, а также, расширения возможностей применения языка жестов и азбуки Брайля, в том числе предусматривающего стимулирование публикаций соответствующих материалов, создание аудиокниг и внедрение их в значимых сферах.

Подтверждением этого является дистанционное обучение, электронное образование. Принятый совершенствование системы инклюзивного образования и трудоустройства лиц с инвалидностью, обеспечивающей их вовлечение и активное участие в социально-экономической жизни общества.

Через электронное обращение граждан в органах по обеспечению открытости и прозрачности деятельности уполномоченных государственных органов, упрощение прохождения процедур в сфере установления инвалидности и оказания медико-социальной помощи, развитие государственно-частного и социального партнерства в сфере оказания медико-социальных услуг и социальной реабилитации лиц с инвалидностью, внедрения на официальных веб-сайтах государственных органов и организаций дополнительных возможностей для лиц с инвалидностью, связанных с доступным ознакомлением размещенной на них информацией и использованием услуг.

Подтверждением этого является образование специализированного органа при Министерстве здравоохранения, ответственного за социальную защиту престарелых, лиц с инвалидностью и других социально уязвимых категорий населения, в том числе координацию оказываемых им услуг с их полноценным и комплексным сопровождением, создание на базе специализированного органа единой всеохватывающей системы определения инвалидности.

В заключении хотел бы сказать я сам инвалид 2-группы, работаю над исследовательской работой по защите прав инвалидов в Узбекистане и доволен тем что уже внедрен в практику использование с 1 июня 2018 года единого электронного реестра лиц с инвалидностью, включающего комплексную информацию о данных лицах, назначенных размерах и видах денежных выплат, выданных технических средствах реабилитации, протезно-ортопедических изделиях и лекарственных средствах, оказанных социальных услугах и предоставленных льготах, а также позволяющего оперативно получать информацию о состоянии дел в этой сфере, осуществлять обмен данными между государственными органами, предупреждать нецелевое расходование бюджетных средств и факты злоупотреблений.

Действительно, в течение последних пяти лет в Узбекистане наблюдаются положительные тенденции в отношении показателей мер по дальнейшему совершенствованию системы поддержки лиц с инвалидностью. Определены эффективность проводимых реформ в рамках индивидуальных программ реабилитации и поддержки инвалидов для разработки мер по повышению ее результативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Узбекистана. Т. Узбекистан. 2019.
2. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 46-й сессии Совета по правам человека Организации Объединенных Наций. <https://yuz.uz/ru/news/prezident>.
3. Указ Президента Республики Узбекистан «О комплексных мер по дальнейшему совершенствованию системы поддержки лиц с инвалидностью и усилению гарантий защиты их нрав и свобод» от 13 декабря 2019 года № УП-5894 — Национальная база данных законодательства, 14.12.2019 г., № 06/19/5894/4161.
4. Указ Президента Республики Узбекистан от 10 декабря 2019 года № УП-5892 — Национальная база данных законодательства, 11.12.2019 г., № 06/19/5892/4134).
5. Указ Президента Республики Узбекистан от 20 марта 2020 года № УП-5971 — Национальная база данных законодательства, 20.03.2020 г., № 06/20/5971/0348).
6. Абдуллаев И. К. Трудоустройство больных и инвалидов с деформирующим артрозом коленного сустава. Сборник тезисов научно-практической конференции, Ташкент, 2000. - С. 40-42.

С. Р. Ишмухаметов

магистрант кафедры государственного права Института права
Башкирский государственный университет

А. Л. Сергеев

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Института права
Башкирский государственный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ «ЭЛЕКТРОННОГО МУНИЦИПАЛИТЕТА» В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время общество сталкивается с процессом цифровизации всех сфер жизнедеятельности, что позволяет совершенствовать работу, как отдельных предприятий, так и органов власти в целом. Это неизбежный процесс, направленный на улучшение качества жизни населения и применение информационных технологий даже на местном уровне, в отдаленных районах нашей страны. Для обеспечения эффективного взаимодействия органов местного самоуправления с гражданами необходимо формировать устойчивую площадку обратной связи, демонстрирующую открытость деятельности органов власти в условиях цифровизации общества. Данная статья посвящена разбору ключевых вопросов развития электронного муниципалитета в Российской Федерации, анализируется практика использования информационных технологий в местном самоуправлении.

Ключевые слова: *местное самоуправление, муниципальные услуги, цифровизация, электронный муниципалитет, информационное общество.*

В современном демократическом государстве местное самоуправление играет немаловажную роль. Оно способствует привлечению общественности к участию в решении проблем местного масштаба, в ходе которого его представители имеют возможность ориентироваться как на государственные, так и на личные интересы и потребности. Местное самоуправление, в зависимости от страны, будет осуществляться в различных формах и системах, при этом неизменным свойством местного самоуправления вне зависимости от того, где оно осуществляется, на сегодняшний день является более широкое использование IT-технологий.

Так, если рассматривать отечественный опыт, можно отметить, что по состоянию на начало прошлого года более 4/5 граждан РФ активно пользуются сетью Интернет [1]. И если ранее предоставление доступа к Интернету каждому без исключения гражданину нашей страны казалось практически невозможным, то в настоящее время жители даже маленьких населенных пунктов могут рассчитывать на то, что проблема с отсутствием доступа к Интернету будет успешно решена. В соответствии с Посланием Президента РФ Федеральному Собранию к 2024 году в РФ планируется предоставить повсеместный скоростной доступ к Интернету, вне зависимости от местоположения [2].

По мнению ряда специалистов, в области права, в современных условиях развития общества отношения между людьми не могут развиваться полноценно без цифровизации, которая считается неотъемлемой частью последних. Так председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин подчеркивает, что «сегодня зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта» [3].

На муниципальном уровне цифровизация необходима для того, чтобы повысить качество жизни граждан, являясь своеобразным механизмом установления связи между общественностью и местными властями. В долгосрочной перспективе это будет способствовать тому, что органы местного самоуправления (ОМС) начнут интерактивно взаимодействовать с представителями общественности.

Благодаря активному использованию цифровых технологий в рамках решения проблем на местном уровне коммуникационный и информационный обмен между властями и общественностью уже вышел на принципиально новый уровень. Кроме того, на сегодняшний день возможным представляется осуществление общественного и муниципального контроля в электронном формате, с использованием IT-инструментов. В ряде муниципалитетов нашей страны уже сформировались технологические платформы и необходимые электронные ресурсы, при помощи которых имеется возможность осуществлять демократию удаленно.

На данный момент цифровизация уже является неотъемлемой частью жизнедеятельности практически всей страны. Так, во многих сферах деятельности функционирует электронный документооборот, множество услуг (в том числе государственных) предоставляются удаленно (в электронном формате), что стало возможным благодаря успешному внедрению соответствующих электронных инструментов. Это, в свою очередь, способствовало существенному повышению степени открытости и прозрачности функционирования ОМС.

Также за последнее время существенно возросло количество желающих на получение государственных и муниципальных услуг в электронном формате: в сравнении с 2015 годом, в 2018 году данный показатель увеличился почти в 3 раза [4]. А за период с 2008 по 2018 год стремительное развитие системы «Электронного Правительства» способствовало восхождению России с 60-го места на 32-ое [5].

В свете таких событий подверглись изменениям и каналы обратной связи. Так, сегодня большинство граждан стараются обращаться за получением государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в том числе посредством виртуальных приемов. Кроме того, сегодня практически каждый муниципальный чиновник имеет аккаунт в той или иной социальной сети, что открывает новые возможности взаимодействия чиновников с гражданами. Еще одно изменение заключается в формировании виртуальных групп в соцсетях с целью обсуждения существующих проблем местного значения. Соцсети, в свою очередь, также используются в целях автоматизации реагирования на обращения граждан, для чего разрабатывается специальное автоматизированное ПО.

В качестве примера такой автоматизированной системы рассмотрим систему «Инцидент менеджмент». Данная система позволяет автоматизировано управлять негативными мнениями реальных граждан, а также отслеживать, как отреагировали представители власти на то или иное мнение. В рамках функционирования «Инцидент менеджмента» мониторингу подвергаются наиболее популярные в России соцсети – Инстаграм, Фейсбук, ВК, Одноклассники и Твиттер [6, с. 53]. Впервые проект ввели в эксплуатацию в 2018 году, и на сегодняшний день он работает в пилотном режиме в отдельных регионах нашей страны. Годом позднее количество обрабатываемых системой сигналов возросло более чем в 2 раза – с 65 до 160 тысяч, а среднее время ответа на каждый из таких сигналов сократилось на 6 часов. Отметим, что в регионах, где система функционирует в пилотном режиме, время ответа в 4 раза меньше, чем среднее время ответа в остальных регионах [7].

Цифровизация деятельности муниципальных органов обрела принципиальное значение в условиях пандемии коронавируса, когда все государственные учреждения были переведены в дистанционный режим работы на неопределенный срок. В результате этого население было вынуждено массово овладевать «цифровыми навыками», использовать информационные технологии в повседневной жизни для решения множества вопросов как местного, так и государственного значения. Таким образом, пандемия стала отправной точкой возникшего в каждом муниципалитете «цифрового скачка».

В местном самоуправлении нередко можно встретить понятие «электронный муниципалитет», которое используется для определения практики применения IT-технологий. Электронный муниципалитет, по сути, является составляющим элементом электронного государства, который выполняет свои функции на муниципальном уровне.

Многие авторы трактуют данное понятие по-своему. Так, по мнению И.Р. Аминовой и К.С. Дроновой, под электронным муниципалитетом следует понимать новую форму организации работы муниципальных органов, в рамках которой активно используются IT-технологии в целях повышения оперативности и качества предоставляемых гражданам государственных услуг [8, с. 62].

О.Н. Ванеев рассматривает электронный муниципалитет с позиции информационного взаимодействия между ОМС и общественностью, в рамках которого используются информационные технологии, что, в свою очередь, должно соответствовать определенным демократическим принципам правового государства [9, с. 62].

По нашему мнению, под электронным муниципалитетом необходимо понимать совокупность отношений между органами муниципальной власти и обществом, в рамках которых используются информационные инструменты, способствующие более эффективному и оперативному совместному решению различного рода проблем на местном уровне.

Выделим ключевые направления анализа практики и перспектив использования IT-технологий в рассматриваемой сфере:

- 1) деятельность самих ОМС; информационные технологии в деятельности органов местного самоуправления;
- 2) деятельность общественности, состоящая в принятии непосредственного участия в решении проблем муниципального значения (проведение собраний, референдумов и др.).

Процессы, связанные с решением муниципальных вопросов, должны регламентироваться соответствующими правовыми документами. Одним из таких документов является утвержденная Правительством 31 марта 2020 года редакция госпрограммы РФ под названием «Информационное общество».

Основная цель четвертой подпрограммы «Информационное государство» - обеспечить выполнение всех обязанностей и полномочий, возлагаемых на ОМС, которые также включают в себя предоставление электронных услуг, представляющих особую социальную значимость, населению. Кроме того, в соответствии с данной подпрограммой, особое внимание должно уделяться работе над практическим применением IT-технологий в целях повышения эффективности взаимодействия государства и общественности.

Факторов, которые оказывают прямое влияние на развитие электронного муниципалитета, существует множество. Главным из них при этом остается эффективность внедрения и использования IT-технологий, от которого зависит, насколько эффективной и прозрачной будет деятельность ОМС на территории того или иного муниципаль-

ного образования. IT-технологии способствуют налаживанию связей государственных и муниципальных органов власти с общественностью, что выражается в открытии перед ними новых возможностей узнавать о наиболее актуальных проблемах, которые беспокоят граждан, и оперативно решать их. Помимо этого, IT-технологии способны побудить граждан принимать непосредственное участие в решении таких проблем путем проведения соответствующих общественных мероприятий.

Отечественный опыт решения вопросов, связанных с формированием и развитием электронного муниципалитета свидетельствует о довольно высоком уровне развития IT-технологий в нашей стране, что особенно отчетливо прослеживается при обеспечении взаимодействия государства и общества на территории конкретного муниципального образования.

В первую очередь необходимо отметить, что большая часть органов местного самоуправления имеют самостоятельное представительство в сети Интернет, т.е. собственные официальные сайты, которые содержат не только общую информацию о деятельности органа и принимаемые им решения, но и элементы «электронной демократии». Так, например, на официальном сайте Московской городской думы (<https://duma.mos.ru/ru/>) функционируют рубрики «Интернет-приемная», позволяющая направлять электронные обращения, и «Трансляция заседаний».

На официальном сайте мэра Москвы (mos.ru) граждане имеют доступ к ряду электронных услуг. Среди перечня услуг можно отметить запись к врачу, запись ребенка в детский сад или школу, электронный дневник школьника, оплата штрафов, подача заявления на регистрацию брака и многие другие [10, с. 97].

Несмотря на трансграничность, опосредованную цифровизацией, при помощи новых IT-форм и способов, возможно решать вопросы местного значения с реальным учетом исторических и местных традиций, особенностей и потребностей каждого муниципального образования, и не допускать стирающего самобытность универсального подхода к осуществлению местного самоуправления в Российской Федерации. Для эффективности цифровизации и сохранения самостоятельности местного самоуправления, определенной основой конституционного строя, принципиальное значение приобретает разработка единой концепции и системное правовое регулирование формирования инновационных ресурсов муниципальных образований различного вида.

Таким образом, информационные технологии постепенно становятся частью местного самоуправления в Российской Федерации. Стоит признать, что цифровизация органов МСУ в целом и развитие электронного муниципалитета в частности в России находятся на довольно высоком уровне. В связи с этим полагаем важным обеспечить дальнейшее системное регулирование вопросов использования информационных технологий в местном самоуправлении, внедрять новые формы взаимодействия с населением с использованием сети Интернет, расширять перечень электронных услуг, получаемых жителями соответствующей территории. Также считаем важным необходимость продолжать внедрять информационные технологии в процессы непосредственного участия населения в местном самоуправлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический обзор № 4161 от 04 февраля 2020 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10149>. – Дата доступа: 08.04.2021.

2. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1182611/>. – Дата доступа: 08.04.2021.
3. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. № 7578. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. – Дата доступа: 08.04.2021.
4. Краткий статистический сборник: Цифровая экономика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/323871553>. – Дата доступа: 08.04.2021.
5. Статистический сборник: Индикаторы цифровой экономики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2019/06/25/1490054019/ice2019.pdf>. – Дата доступа: 08.04.2021.
6. Тажитдинов И.А., Атаева А.Г., Шатунова А.И. Транспарентность органов местного самоуправления в условиях цифровой экономики // Муниципалитет: экономика и управление. – 2020. – № 3 (32). – С. 48-58.
7. «Инцидент-менеджмент» помогает власти лучше реагировать на запросы населения // Федерал Пресс. 2020. Январь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/s/fedpress.ru/expert-opinion/2402678>. – Дата доступа: 08.04.2021.
8. Дронова К.С., Аминов И.Р. Электронный муниципалитет / К.С. Дронова, И.Р. Аминов // Теория и практика современной юридической науки : сб. науч. тр. по итогам межд. межвузовской науч.-практ. конф., 7 апреля 2016 г. / Самарский государственный университет ; редкол.: А.Н. Быкова (гл. ред.) [и др.]. – Самара, 2014. – С. 61–64.
9. Ванеев О.Н. Электронный муниципалитет: пути электронного взаимодействия органов местного самоуправления с населением // «Современное право». – 2010. – № 4. – С. 59-62.
10. Киселева Т.М. Местное самоуправление в условиях развития информационного общества: опыт Республики Беларусь и Российской Федерации / Т.М. Киселева // Система конституционного права современной России: ценности, принципы, институты и нормы : материалы XI международного конституционного форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, 10-12 декабря 2019 г. / Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского ; редкол.: Г.Н. Комкова, С.А. Куликова (гл. ред.) [и др.]. – Саратов, 2020. – С. 94-98.

С. А. Шестовская

соискатель кафедры экологического и аграрного права
Белорусский государственный университет

Н. А. Карпович

доктор юридических наук, профессор

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В основу комплексной цифровой трансформации процессов государственного управления, регионального и отраслевого развития заложено достижение Целей устойчивого развития, включая обеспечение экологической устойчивости населенных пунктов страны. Как известно, отходы атомной энергетики обладают ионизирующим излучением, способным наносить вред человеку и окружающей среде. В этой связи видится актуальным исследование вопросов, связанных с принятием решений по освобождению от регулирующего контроля отходов атомной энергетики, в контексте реализации Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси на 2021 – 2025 годы», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 (далее – Государственная программа).

Под отходами атомной энергетики мы понимаем радиоактивные отходы, образовавшиеся в результате деятельности по использованию атомной энергии. Санитарными нормами и правилами «Требования к обеспечению радиационной безопасности персонала и населения при обращении с радиоактивными отходами», утвержденными постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 31.12.2015 № 142 (далее – СанПиН № 142) установлены критерии, согласно которым пользователь источников ионизирующего излучения должен принять решение об отнесении отходов, загрязненных радионуклидами, к радиоактивным отходам. При содержании радионуклидов в отходах ниже значений, установленных в гигиеническом нормативе «Критерии оценки радиационного воздействия», утвержденном постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28.12.2012 № 213 (далее – гигиенический норматив), радиоактивные отходы могут освобождаться от регулирующего контроля.

Санитарные нормы и правила «Требования к радиационной безопасности», утвержденные постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28.12.2012 № 213, содержат норму, в соответствии с которой перечень и порядок освобождения источников ионизирующего излучения от регулирующего контроля устанавливаются в технических нормативных правовых актах, однако, данная норма не реализована.

Для подготовки предложений по установлению перечня и порядка освобождения отходов атомной энергетики от регулирующего контроля в условиях цифровизации рассмотрим международный опыт правового регулирования.

Экспертами Международного агентства по атомной энергии подготовлен стандарт безопасности для защиты людей и окружающей среды от радиационных рисков [1], содержащий подробные руководства исследуемой нами области. В частности, при установлении правового регулирования для освобождения от контроля радиоактивных материалов или объектов предлагается устанавливать критерии, учитывая все этапы процесса освобождения от регулирующего контроля: отбор проб, определение радионуклида и методов измерения активности и т.д., а также физико-химические свойства

радиоактивного материала, предусматривать ответственность пользователя источников ионизирующего излучения и регулирующего органа, установление специфических требований. К примеру, если регулирующий орган разрешает применение собственных производных уровней освобождения радиоактивного материала от контроля, необходимо подтвердить обеспечение должного уровня защиты. По нашему мнению, данное положение может быть реализовано через процедуру согласования регулирующим органом методик, расчетов, измерений и лабораторных исследований.

В Российской Федерации вопросы освобождения от контроля регулируются санитарными правилами и нормативами СП 2.6.1.2612-10 «Основными санитарными правилами обеспечения радиационной безопасности» (ОСПОРБ-99/2010), утвержденными постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 26.04.2010 № 40. Указанными санитарными правилами и нормативами установлены критерии освобождения (пункт 1.7.1), а также закреплено, что материалы, изделия, электрофизические устройства, генерирующие ионизирующее излучение, освобождаются от контроля после оформления санитарно-эпидемиологического заключения (пункт 1.7.2) [2].

Законом Украины от 08.02.1995 № № 39/95-ВР «Об использовании ядерной энергии и радиационной безопасности» закреплена компетенция органа государственного управления ядерной и радиационной безопасности устанавливать порядок освобождения от регулирующего контроля в отношении деятельности с радиоактивными материалами, а также деятельности, осуществляемой на площадках ядерных установок и объектов, предназначенных для обращения с радиоактивными отходами (за исключением пунктов захоронения радиоактивных отходов), после завершения работ по снятию их с эксплуатации (статья 24) [3]. В соответствии с предоставленными полномочиями приказом Государственного комитета ядерного регулирования Украины от 01.07.2010 № 84 утвержден Порядок освобождения радиоактивных материалов от регулирующего контроля в рамках практической деятельности [4]. Указанный Порядок закрепляет перечень объектов, подлежащих освобождению от регулирующего контроля, устанавливает общие положения и особенности освобождения от регулирующего контроля и определяет процедуру, в соответствии с которой заявитель-пользователь источников ионизирующего излучения обращается в регулирующий орган за соответствующим решением.

В Литве регулирование по исследуемому вопросу установлено следующим образом. Законом Литовской Республики «Об обращении с радиоактивными отходами» [5] закреплена компетенция Государственной инспекции по ядерной безопасности (VATESI) по согласованию с Министерством здравоохранения устанавливать уровни освобождения радиоактивных материалов и отходов, образующихся при деятельности с источниками ионизирующего излучения в области ядерной энергетики (статья 7). В соответствии с данной нормой утверждены требования по ядерной безопасности № BSR-1.9.2-2018 [6], содержащие перечень радиоактивных материалов и отходов, подлежащих освобождению от контроля, установлены правовые дефиниции, вводятся уровни и условия освобождения от регулирующего контроля радиоактивных материалов и отходов, подробно описываются процедурные вопросы, устанавливается требование об отчетности и предусматривается ответственность за невыполнение установленных требований.

С учетом действующего законодательства в Республике Беларусь и проведенного анализа международного регулирования вопросов освобождения отходов атомной

энергетики от регулирующего контроля, представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в исследуемой области.

В качестве общей терминологии целесообразно использовать в законодательстве Республики Беларусь правовое понятие «освобождение *радиоактивных веществ* от регулирующего контроля». Данное предложение основано на определении «*радиоактивное вещество*», закрепленное Законом Республики Беларусь от 18.06.2019 № 198-З «О радиационной безопасности» и представляет собой вещество в любом агрегатном состоянии, содержащее радионуклиды с активностью сверх уровней, установленных гигиеническими нормативами.

Регулирующие требования по освобождению радиоактивных веществ от регулирующего контроля, предлагается закрепить в Положении, которое будет содержать необходимую терминологию, предмет правового регулирования, перечень объектов, подлежащих освобождению, процедуру освобождения радиоактивных веществ от регулирующего контроля, включая вопросы ответственности пользователя источников ионизирующего излучения и регулирующего органа.

Положение как вид правового акта мы определяем на основании статьи 21 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах», которая устанавливает, что положение – это нормативный правовой акт, определяющий порядок осуществления деятельности в определенной сфере общественных отношений.

По своей сущности, документы Министерства здравоохранения Республики Беларусь, указанные выше, и Положение об освобождении радиоактивных веществ от регулирующего контроля будут представлять собой полноценную систему правовых актов, устанавливающих правовое регулирование по исследуемому вопросу.

Для реализации установленных нормативных предписаний в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения по освобождению (изъятию) от регулирующего контроля радиоактивных веществ (СанПиН № 142, гигиенический норматив и иные) видится целесообразным установить в рамках административной процедуры перечень документов, представляемых в орган государственного управления для рассмотрения и принятия соответствующего решения, а также утвердить порядок их рассмотрения. Поскольку уровни изъятия и освобождения радиоактивных материалов от контроля установлены Министерством здравоохранения Республики Беларусь, представляется, что решение об освобождении от регулирующего контроля радиоактивных веществ должно приниматься данным государственным органом.

Опираясь на международный опыт правового регулирования, видится целесообразным в рамках административной процедуры наряду с заявлением направить документы, обосновывающие соответствие радиоактивных веществ уровням изъятия и освобождения от контроля, установленным в гигиеническом нормативе, содержащие информацию:

- о происхождении радиоактивных веществ, их форму, основные физические, химические и радиационные характеристики;
- критериях, уровнях, по которым планируется освобождение от регулирующего контроля;
- количество радиоактивных веществ (суммарная радиоактивность, вес и объем);
- результаты измерений с указанием методики отбора проб, сведений об их утверждении, а также расчетов, на которых основано обращение заявителя об освобождении от регулирующего контроля;

– способы дальнейшего обращения с радиоактивными веществ, освобожденными от регулирующего контроля (если предполагается дальнейшее использование таких веществ).

Решение об освобождении радиоактивных веществ от регулирующего контроля должно приниматься на основании положительных заключений о возможности освобождения радиоактивных веществ от регулирующего контроля, а также результатов контрольно-надзорных мероприятий (в случае необходимости).

С учетом достигнутого уровня «цифровой зрелости» Республики Беларусь выскажем предложение о возможности введения административной процедуры по освобождению радиоактивных веществ от регулирующего контроля с предоставлением соответствующих документов через электронную платформу. Для реализации данного предложения требуется оптимизация Закона Республики Беларусь от 28.10.2008 № 433-З «Об основах административных процедур» и иных законодательных актов в части использования удаленных методов идентификации участников административной процедуры, а также возможности проведения аутентификации заявителей техническими способами, однозначно идентифицирующих заявителя и позволяющих достоверно провести анализ направляемой им документации (информации) и выдать соответствующее решение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Application of the Concept of Clearance / IAEA 1. Draft Safety Guide № GSG-3, International Atomic Energy Agency, Vienna, 2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.iaea.org/sites/default/files/21/03/ds500_nv_ru.pdf. Дата доступа: 08.04.2021.
2. Санитарными правилами и нормативами СП 2.6.1.2612-10 «Основными санитарными правилами обеспечения радиационной безопасности» (ОСПОРБ-99/2010) : постановление Главн. гос. сан. врача Российской Федерации от 26 апр. 2010 г. № 40 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2021.
3. Про використання ядерної енергії та радіаційну безпеку / Закон України Державного комітету ядерного регулювання України 08.02.1995 № 39/95-ВР [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/39/95-вр#Text>. Дата доступа: 08.04.2021.
4. Про затвердження Порядку звільнення радіоактивних матеріалів від регулюючого контролю у рамках практичної діяльності / наказ Державного комітету ядерного регулювання України 01.07.2010 № 84 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0718-10#Text>. Дата доступа: 08.04.2021.
5. Law on the Management of Radioactive Waste [Электронный ресурс] // State Nuclear Power Safety Inspectorate (VATESI). – Режим доступа: http://www.vatesi.it/fileadmin/documents/Teisine_informacija/Teises_aktai_anglu_kalba/Acts_of_the_Parliaments/Law_on_Radioactive_Waste_Management.pdf. – Дата доступа: 12.01.2021.
6. Establishment and Application of Clearance Levels of Radionuclides for the Materials and Waste Generated During the Activities in the Area of Nuclear Energy / Order by Head of State Nuclear Power Safety Inspectorate № 22.3-90 of 27.09.2011 [Электронный ресурс] // State Nuclear Power Safety Inspectorate (VATESI). – Режим доступа: http://www.vatesi.it/fileadmin/document s/Teisine_informacija/Teises_aktai_anglu_kalba/Orders_of_VATESI/BSR-1.9.2-2018_Establishment_and_Application_of_Clearance_Levels_of_Radionuclides_for_the_Materials_and_Waste.pdf. – Дата доступа: 08.04.2021.

М. С. Кисель

юрисконсульт РУП «Минскэнерго»,
магистрант УО «Полоцкий государственный университет»,
бакалавр юридических наук

И. В. Шахновская

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного права
и государственного управления юридического факультета
Полоцкий государственный университет

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В Республике Беларусь процесс формирования электронного правосудия начался значительно позже, чем за рубежом. Отставание Республики Беларусь от современных тенденций развития судебной системы в сторону электронного правосудия, конечно, не позволило встать в авангарде с лидерами по реализации концепции электронного правосудия, но позволило Республике Беларусь учесть мировой опыт в поступательном построении электронного правосудия в рамках национальной правовой системы.

Построение любой новой системы строится на отдельных этапах. Шаг за шагом судебная система вместе с субъектами, которые обращаются в суд, создают судебную практику на основе которой можно отследить те или иные тенденции по использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в рамках судебного разбирательства, а также предлагают инновации по улучшению процессуальных институтов и являются инициаторами в создании сервисов по предоставлению судебных услуг.

Для отображения динамики развития электронного правосудия в Республике Беларусь следует системно описать все этапы в построении электронного правосудия в Республике Беларусь.

1. Декларативный этап, который заключается в закреплении на законодательном уровне стремления к реализации концепции электронного правосудия.

Впервые стремление в построении электронного правосудия было задекларировано в Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 216 (далее – Программа деятельности правительства) [1]. В сфере развития ИКТ правительство ставило перед собой цель в виде формирования в республике информационного общества на основе внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий ИКТ. Одной из задач при достижении поставленной правительством цели являлось содействие формированию «электронного правосудия» [1].

После принятия Программы деятельности правительства следовало указать ориентиры судебной системе для построения электронного правосудия. На необходимость развития отдельных элементов электронного правосудия обращается внимание в Послании о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь» (далее – Послание) [2].

В вышеуказанном Послании указывалось, что для обеспечения повышения качества, оперативности и доступности правосудия следует обеспечить разработку специального банка данных судебных решений, интегрированного в информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН», для судов, органов прокуратуры, адвокатуры, других организаций и граждан [2]. Также в целях оптимизации судебной нагрузки и совершенствования процедуры судопроизводства было предложено обеспечить материально-техническую

базу и нормативное регулирование фиксации и хранения информации о ходе судебного процесса на электронных носителях, поэтапное внедрение средств аудио-, видеозаписи в деятельность судов по осуществлению правосудия; внедрить видеоконференцсвязь (ВКС) между судами общей юрисдикции всех уровней; расширить формы и методы извещения участников процесса о времени и месте рассмотрения дела [2].

2. Этап имплементация элементов электронного правосудия в процессуальное законодательство, по мнению автора, является самым важным, поскольку законодатель вместе с судебной системой должен создать правовую почву для полноценного построения электронного правосудия и создания сервисов, оказывающих судебные услуги.

Начиная с 2011 года в процессуальное законодательство активно начиналось внедрение элементов электронного правосудия. Первым и самым важным элементом электронного правосудия является подача заявлений в суд в электронном виде. До 2011 года в Республике Беларусь подача заявлений в суды была четко ограничена лишь одним видом обращения – письменным на бумажном носителе. С 2011 года на законодательном уровне впервые появляется норма, которая устанавливает наравне с письменной формой обращения «электронное обращение». В ст. 7 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) была добавлена ч. 2, в которой указывалось, что обращение в формах, указанных в ч. 1 ст. 7 ХПК, может быть подано в суд, рассматривающий экономические дела, в электронном виде в порядке, установленном законодательством [3].

Наряду с традиционными способами извещения сторон находятся электронные извещения. В 2014 году в ХПК были внесены изменения в ст. 140, в которой закрепили за судом возможность «известить участников хозяйственного процесса посредством глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты, а также с использованием иных средств связи, обеспечивающих фиксирование факта извещения или вызова, в порядке, установленном законодательством» [3]. Спустя время в другие процессуальные кодексы также были внесены изменения, которые расширяли инструментарий по извещению сторон по делу благодаря использованию ИКТ.

В 2014 году в ХПК была введена отдельная статья, регулирующая возможность использования системы ВКС в хозяйственном процессе. С задержкой в два года схожие по содержанию статьи, регулирующие использование системы ВКС при ведении судебного разбирательства, были внесены и в другие процессуальные кодексы.

Также первым процессуальным кодексом, урегулировавшим предоставления доказательств в электронном виде, стал ХПК. Согласно ч. 1 ст. 83 ХПК в число письменных доказательств теперь стали также относить документы и материалы, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в том числе выполненные в форме цифровой, графической записи, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа [3]. Законодатель в ч. 2 ст. 83 ХПК также установил, что документы, полученные посредством электронной связи, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, а также документы, подписанные электронной цифровой подписью, допускаются в качестве письменных доказательств [3].

Стоит отметить, что элементы электронного правосудия внедрялись не только в ХПК, но и в другие процессуальные кодексы. На сегодняшний день нельзя заявить об окончательной трансформации процессуальных институтов в полноценные элементы электронного правосудия, поскольку законодателем так и не были внесены существенные изменения во все процессуальные кодексы.

3. Этап создания сервисов судебных услуг начался в тот же период, что и этап по имплементации элементов электронного правосудия в процессуальное законодательство, однако на свет данные сервисы появились через длительное время после разговоров об их создании.

В 2018 году на базе сайта Верховного Суда Республики Беларусь появились сервисы системы «E-COURT электронное судопроизводство», позволяющих участникам судебного разбирательства подавать электронные документы в экономические суды [4].

Сервисы системы «E-COURT электронное судопроизводство» помогают подавать в экономические суды процессуальные документы в электронном виде. Здесь также можно изучить расписание судебных заседаний, картотеку дел и обращений. В системе «E-COURT электронное судопроизводство» также имеется калькулятор государственной пошлины, позволяющий автоматически рассчитать сумму государственной пошлины для обращения в суды всех видов и любого уровня.

Система «E-COURT электронное судопроизводство» также позволяет осуществить поиск по банку данных судебных постановлений (их резолютивную часть). Стоит отметить, что это банк данных только постановлений экономических судов и судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь. Ориентированность банка данных судебных постановлений системы «E-COURT электронное судопроизводство» на экономических судах не позволяет системе раскрыться в полной мере.

Во время проведения круглого стола 11 июня 2019 года, посвященного обсуждению перспектив внедрения электронного правосудия в Республике Беларусь, первый заместитель председателя Верховного Суда Республики Беларусь В.Л. Калинкович говорил о том, что до 1 января 2021 года будет создан общедоступный электронный банк судебных решений» [5]. По состоянию на апрель 2021 года на сайте Верховного Суда Республики Беларусь так и не был введен в действие вышеуказанный банк данных.

Стоит подытожить, что при построении электронного правосудия в Республике Беларусь прослеживается поэтапность в реализации концепции электронного правосудия. Верховному Суду Республики Беларусь следует дальше развивать направление по изменению процессуального законодательства в сторону цифровизации процессуальных институтов, а также создать полноценный банк данных судебных постановлений, в котором бы находились все судебные постановления судов общей юрисдикции, а не только экономических судов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011 — 2015 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 216 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
2. О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.
3. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 декабря 1998 г.: с изм. и доп. от 17 июля 2018 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
4. «E-COURT электронное судопроизводство» // Верховный Суд Республики Беларусь: интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2021. — Режим доступа: <http://service.court.by/>. — Дата доступа: 10.04.2021.
5. Перспективы внедрения электронного правосудия в Республике Беларусь обсудили в Верховном Суде // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2019/june/36284/>. — Дата доступа: 11.04.2021.

М. А. Козак

старший преподаватель кафедры истории и теории права
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
kozak_m@tut.by

ПРАВО ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Учитывая развитие информационного общества и внедрение информационных коммуникативных технологий в деятельность государственных органов, наравне с жалобами, предложениями, заявлениями, как в устной, так и письменной форме, еще одной разновидностью обращений граждан, коллектива граждан, юридических лиц служит закрепленное в законодательстве электронное обращение в органы представительной власти [1;2]. В современных условиях все чаще гражданами используется *электронное или e-обращение*. Электронные обращения являются ответом на внедрение и развитие электронной демократии, которая включает широкий спектр практик, связанных с онлайн-вовлечением общественности в принятие политических решений и формирование общественного мнения. Внедрение информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) осуществляется постепенно во всех сферах жизнедеятельности и, в первую очередь, в государственном управлении, во взаимодействии между органами и гражданами. Такое распространение ИКТ обусловлено высокой эффективностью передачи данных, информации. Для создания основы для функционирования информационного общества необходима как правовая база, так и технологии внедрения онлайн-инструментов в политическом процессе, в который они должны быть встроены [3].

На международном уровне принимается множество документов, оказывающих влияние на внедрение и эффективное использование ИКТ в национальной практике. Так, например, Декларация тысячелетия, Монтеррейский консенсус, Йоханнесбургская декларация. Отдельного внимания заслуживает План выполнения решений по итогам Всемирного саммита по информационному обществу ООН 2003 г. и 2005 г. [4], в которых предусматривается разработка национальных электронных стратегий, создание электронного правительства для взаимодействия государственных органов с гражданским обществом. Политическое взаимодействие в интернете может повысить отзывчивость и обмен информацией с избранными представителями и их избирателями. Однако до сих пор этот потенциал используется недостаточно на практике.

Электронные обращения позволяют упростить порядок подачи обращения, сократить период рассмотрения за счет уменьшения времени, потраченного на пересылку, исключить почтовые расходы. В поддержку электронных обращений можно привести высказывания бывшего Премьер-министра Д.А. Медведева: «Интернет стал значительным каналом получения информации, а для кого-то эксклюзивным каналом. Та политическая сила, которая хочет остаться на политическом небосклоне должна с этим считаться» [5]. Одной из первых стран, где в 1999 г. появился механизм подачи е-петиций в Парламент является Великобритания. Отдельные е-петиции широко известны, например, требование об отклонении законопроекта о введении платы за пользование автомобильными дорогами, поддержали более двух миллионов человек. Вследствие чего Парламент отклонил законопроект, представленный Правительством. Следующая петиция была о требовании выхода из ЕС, хотя Парламент отклонил петицию, но Правительство Великобритании пообещало и провело референдум по этому вопросу, в результате которого Великобритания вышла из Европейского союза [6, с. 9].

Слова бывшего канцлера Германии Г. Шрёдера: «Бегать должны данные, а не граждане» подтверждают то, что информационные технологии Германия применяет активно и уже давно. Так, электронные петиции в Комитет по петициям можно уже было подавать с 2008 г. Данный институт очень развит в работе Бундестага и имеет различные эффективные проявления. Например, граждане и юридические лица могут загрузить открытое обращение на общедоступную платформу для коллективных петиций и в течение 6 недель ее может подписать любой зарегистрированный желающий. Открытые обращения могут обсуждаться на общедоступном форуме. Практика немецких онлайн-петиций показала, что их внедрение не привело к увеличению количества числа обращений [7, с. 15].

В европейских странах имеется правило публичного заслушивания коллективной жалобы или обращения, если ее подписало не менее 50 тыс. человек [7, с. 15]. В Великобритании такой порог установлен на количестве не менее 100 тыс. человек с последующей обязанностью быть рассмотренной на заседании Парламента. В Финляндии электронные петиции, получившие необходимое количество подписей (не менее 50 тыс. человек) автоматически становятся законопроектами, которые Парламент этого государства должен рассмотреть в приоритетном порядке [8]. Например, в соответствии с законодательством США прописаны строгие правила подачи электронной петиции на сайте Администрации Президента. Так, каждое предложение должно набрать 150 подписей, прежде чем стать петицией и появиться в каталоге сайта. У каждой петиции есть всего 30 дней, чтобы собрать как минимум 25 тыс. подписей. Только после этого предложение получает Администрация Президента. Условия достаточно жесткие, поэтому американские е-петиции срабатывают только в случае реальных остросоциальных тем. Электронные петиции нашли апробацию и в других зарубежных государствах (Шотландия, РФ). На их примере были выявлены недостатки (накрутка голосов, предложение незаконных инициатив) и положительные стороны (широкий охват заинтересованной аудитории, минимальные трудо- и денежные затраты) данной возможности.

Белорусское законодательство не делает различий по видам обращений – применяются единые требования. Правовой статус электронных и письменных обращений одинаков. Возможность электронного обращения предусмотрена в белорусском законодательстве и применяется на практике на официальных сайтах Президента Республики Беларусь, палат Национального собрания Республики Беларусь. Из Информационно-аналитического бюллетеня Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь за II полугодие 2020 года (третья внеочередная, четвертая сессии) видно, что за период с июля по декабрь 2020 г. в Палате представителей зарегистрировано 1796 обращений граждан и юридических лиц, из них 842 обращения (46,9%) были получены в электронной форме [9, с.131]. Мы предлагаем, чтобы е-петициями, наравне с письменными обращениями, в Беларуси занималась Палата представителей Национального собрания, а именно Постоянная комиссия по петициям граждан и юридических лиц. В ФРГ е-петициями занимается Бундестаг, в Финляндии – Министерство государственной службы (в течение 6 месяцев и не менее 50 (тыс. подписей)). Е-петиции могут стать активной формой внедрения и приобщения населения в механизм реализации электронного правительства, что будет способствовать массовому участию граждан в процессе принятия решений.

Проведенное исследование сайтов местных органов управления и самоуправления, показало, что отдельных сайтов у Советов депутатов нет. Информация о них находится на сайте соответствующего исполнительного комитета, а следовательно, элек-

тронные обращения оставляются на сайте исполнительных органов. На практике данный способ обращений вызывает несколько вопросов: «Кто должен отвечать на обращение?», «Кто несет ответственность за содержание ответа на обращение и за соблюдение процедурных требований?». Считаем, что отсутствие собственного сайта является препятствием распространения института электронных обращений в работе местных представительных органов, о чем свидетельствуют данные из отчета городского Совета депутатов г. Витебска: 6 обращений в 2019 г. и 8 – в 2020 г., учитывая то, что была объявлена пандемия и ограничены личные приемы граждан.

Для внедрения виртуальных электронных технологий необходима институциональная и организационная реформа и технологическая модернизация, повышение определенного уровня гражданских знаний или навыков со стороны, обращающихся. Актуальным для местных Советов депутатов является вопрос расширения штата сотрудников местного Совета за счет помощника в ИКТ-сфере, т.к. один существующий помощник депутата не сможет справиться со всеми обязанностями.

Для того чтобы взаимодействие проходило более эффективно, необходим единый подход к развитию и функционированию электронной площадки для сбора всех обращений, поступающих в государственные, в том числе, представительные органы (например, «Виртуальная приемная органов власти Республики Беларусь»). Такое нововведение будет способствовать транспарентности работы с обращениями граждан, уменьшению волокиты и формализма в работе государственных органов, так как ответы на обращение автоматически будут доступны всем, если они не будут затрагивать личную информацию, государственные секреты и т.п. Работа в этом направлении уже ведется, так приняты нормативные правовые акты: Указ Президента Республики Беларусь «Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий», Указ Президента Республики Беларусь «Об общегосударственной автоматизированной информационной системе». Во исполнение указов создан и функционирует Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, который «реализует функции независимого регулятора в сфере информационно-коммуникационных технологий, принимает непосредственное участие в создании и развитии инфраструктуры электронного правительства».

Разновидностью электронного обращения могло бы стать «обращение в форме видеоконференцсвязи», или «видеообращение», или «онлайн-прием». Для Президента можно было бы предусмотреть создание «виртуальной приемной Президента» (на примере Узбекистана, Казахстана). Под видеообращением можно понимать «направленное субъекту, рассматривающему обращение, или должностному лицу индивидуальное или коллективное предложение, заявление, жалоба, запрос или отклик в видеоформате». Онлайн-прием зарубежный законодатель (Кыргызстан) определяет как «действие субъекта, должностного лица по принятию обращения физических и (или) юридических лиц посредством видеоконференцсвязи» [10]. Преимущество таких видов обращений состоит в том, что, с одной стороны, обеспечивается доступ граждан, ограниченных в передвижении или находящихся далеко от места приема граждан депутатами. С другой стороны, не все можно четко изложить на бумаге, а во время онлайн-общения можно уточнить необходимые спорные вопросы. Депутаты, в свою очередь, могут быть «не привязаны» к месту личного приема и могут провести встречу в любом месте, где есть интернет-соединение. Учитывая неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию, онлайн-приемы и обращения обеспечат безопасность обеих сторон. Хорошо продуманные процессы электронных консультаций с прозрачной обработкой и оценкой вводимых данных способствуют повышению легитимности представительных органов.

Электронные обращения граждан являются дистанционной формой общения, они не способны выстроить диалоговую площадку между гражданами и избранными представителями, но могут стать «лакмусовой бумажкой» для выявления проблемных тем или вопросов населения. Указанные коммуникационные ресурсы никоим образом не заменят живого взаимодействия во время встреч и личных приемов, а лишь разнообразят и дополняют его. В то же время должно быть предусмотрено множество различных форм и способов взаимодействия населения с представительными органами, ведь от этого зависит эффективность функционирования органов, действенность в решении проблем граждан.

Таким образом, в рамках развития единого информационного пространства («Виртуальная приемная органов власти Республики Беларусь»), развития программы «электронного Правительства», развития системы электронного управления на местах приоритетными направлениями по реализации принципа транспарентности должно стать:

- создание единой информационной электронной системы всех представительных органов, на которой аккумулировались бы все онлайн-обращения и ответы на них для всеобщего ознакомления, которая обеспечила бы единство подхода к процессу обращений во все государственные, в том числе представительные органы, конфиденциальность обращений и хранение информации;

- обязательное ведение собственных сайтов местными Советами депутатов, с едиными стандартами по оформлению, наполняемости интерфейса, ссылок на сторонние ресурсы, периодичностью обязательного обновления информации. Например, в Германии около 80% вопросов, с которыми жители обращаются к властям, решается на уровне местного самоуправления. К такой цифре необходимо стремиться и в Республике Беларусь;

- внедрение личных страниц избранных представителей в социальных сетях, мессенджерах. Такая практика уже применяется в работу депутатов и членов Национального собрания. Необходимо активизировать работу в этом направлении и депутатов местных представительных органов. Такое введение должно быть официальным, контролируемым с точки зрения безопасности от создания фейковых сайтов и страничек. Для этого необходимо введение Единого цифрового реестра всех официальных сайтов государственных органов, в том числе и представительных, о чем неоднократно упоминали в публикациях белорусские ученые [11, с. 37];

- введение возможности открытых коллективных обращений (петиций), с установлением требований к количеству подписавшихся (например, для республиканского уровня – не менее 25 тыс. чел., для области – не менее 5 тыс. человек для районного уровня – не менее 2 тыс. человек) и дальнейшего обязательного рассмотрения на заседании представительного органа соответствующего уровня;

- введение новых форм взаимодействия. Видом электронного обращения может стать так называемая «онлайн-петиция» (обращение в режиме реального времени), «обращение в форме видеоконференцсвязи», или «видеообращение», или «онлайн-прием». Данные виды обращения могут быть использованы в работе всех представительных органов. Для использования данного вида обращения необходимо разместить инструкцию для пользователей на всех сайтах представительных органов (Инструкция нами разработана).

ЛИТЕРАТУРА

1. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 498 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 26.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Об Общественной палате Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 4 апр. 2005 г., № 32-ФЗ : в ред. Федер. закона от 05.12.2017 г. // Консультант Плюс : Россия / ЗАО «Консультант Плюс» (РФ). – М., 2021.
3. Diatta Patrice. Du gouvernement des banlieues à l'émergence des périphéries dans la gouvernance urbaine mondiale? Mises en récits du global et singularités des champs politiques nationaux. Science politique. Université Paris 13 – Sorbonne Paris Cité, 2016. Français. – 584 p.
4. Prospects for e-democracy in Europe Study summary // Gianluca Quaglio, Theodoros Karapiperis Scientific Foresight Unit (STOA) Directorate-General for Parliamentary Research Services European Parliament, Rue Wiertz 60, B-1047 Brussels. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603213/EPRS_STU\(2018\)603213_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603213/EPRS_STU(2018)603213_EN.pdf).
5. Видеооблог Дмитрия Медведева 31 мая 2010 «Грядёт эпоха возвращения непосредственной демократии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru. – Дата доступа: 12.01.2021.
6. Plan of Action 12.12.2003. / Geneva. WORLD SUMMIT ON INFORMATION SOCIETY (WSIS) от 16-18.11.2005. // – Режим доступа: <https://translate.google.com/translate?sl=auto&tl=ru&u=https%3A%2F%2Fpublicadministration.un.org%2Fru%2FThemes%2FICT-for-Development%2FWorld-Summit-on-Information-Society>. – Дата доступа: 15.04.2021.
7. Schreiner, H. J. So arbeiten der Deutsche Bundestag: Organisation und Arbeitsweise des Bundes / H. J. Schreiner. – Munchen: NRV, 2009. – 36 с.
8. Grundgesetz fur die Bundesrepublik Deutschland: Textausgabe. – Berlin: Deutscher Bundestag Verwaltung, 2009. – P. 21–23.
9. Количество поступивших обращений [Электронный ресурс]: Информационно-аналитический бюллетень Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь за II полугодие 2020 года (третья внеочередная, четвертая сессии). – Режим доступа: <http://house.gov.by/uploads/folderForLinks/bulleten-2pg-2020-3-4sess.pdf>. – Дата доступа: 20.04.2021.
10. Об утверждении Правил обращения посредством видеоконференцсвязи или видеообращения физических и юридических лиц к руководителям государственных органов и их заместителям: Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 22 января 2016 года № 50. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 24 февраля 2016 года № 13206). – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1600013206/links>. – Дата доступа: 20.04.2021.
11. Василевич С. Г. Информационные технологии как средство повышения эффективности государственного управления // Проблемы развития информационного права на современном этапе: материалы круглого стола, 21 июня 2018 г., Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018. – С.35-40.

Е. А. Макарова

кандидат исторических наук, доцент

ФГОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕНСИОННОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пенсионный фонд Российской Федерации (далее - ПФР) и его территориальные органы в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» осуществляют предоставление гражданам государственных услуг, в том числе с использованием цифровых технологий. В настоящее время граждане имеют возможность получить ряд государственных услуг ПФР в режиме онлайн (получить дубликат АДИ-РЕГ (СНИЛС), сведения СТД-ПФР, заказать справку о получении выплат, справку об отнесении к категории предпенсионер и т.д.), а также подать в электронном виде заявления о предоставлении отдельных государственных услуг ПФР через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), а также через информационную систему «Личный кабинет гражданина» на сайте ПФР [1].

Граждане могут получить ряд услуг, предоставляемых ПФР, в электронном виде используя Единый портал государственных и муниципальных услуг (www.gosuslugi.ru) (ЕПГУ) или Личный кабинет гражданина на сайте ПФР. Государственные услуги ПФР на Едином портале и в Личном кабинете гражданина на сайте ПФР доступны для всех пользователей ЕПГУ – физических лиц, имеющих подтвержденную учетную запись.

ПФР проводит и работу по регистрации граждан в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также созданию (замене) и выдаче ключа электронной подписи. Все специалисты клиентских служб являются операторами Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), что позволяет в режиме единого окна зарегистрировать гражданина на Портале Государственных услуг, восстановить пароль, подтвердить учетную запись и оказать иные услуги, предоставляемые ПФР.

Для получения государственных и муниципальных услуг через электронный сервис, гражданину необходимо зарегистрировать в Единой системе идентификации и аутентификации на Портале государственных услуг и (или) иметь подтвержденную учетную запись. Если гражданин регистрируется самостоятельно, то для подтверждения учетной записи необходимо обратиться в ПФР или МФЦ для получения пароля для подтверждения личности. При создании стандартной учетной записи требуется обязательно заполнить графу «СНИЛС» – страховой номер индивидуального лицевого счета. Без заполнения данной графы невозможно получить подтвержденную учетную запись. СНИЛС является одним из основных идентификаторов на портале государственных услуг. Подтверждение личности осуществляет специалист клиентской службы – оператор ЕСИА. Затем учетная запись гражданина проходит проверку подлинности документов.

На едином портале государственных услуг (ЕПГУ) реализовано извещение о состоянии лицевого счета в ПФР, информирование граждан о предоставлении государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг и установление пенсий. В разделе установление пенсии можно получить информирование о пенсионном обеспечении и установленных социальных выплатах, подать заявление об установлении пенсии, о переводе с одного вида пенсии на другой, а также о перерасчете размера пенсии.

Личный кабинет застрахованного лица на сайте ПФР является информационной системой ПФР, созданной в целях повышения комфортности для граждан при обращении за государственными услугами ПФР. В настоящее время через Личный кабинет гражданина на сайте ПФР граждане имеют возможность, не выходя из дома, обратиться за получением наиболее востребованных услуг ПФР, а именно подать заявления в территориальные органы ПФР о назначении пенсии, доставке пенсии и о выплате за счет средств материнского (семейного) капитала.

Граждане, которые еще только формируют свою будущую пенсию, имеют возможность в Личном кабинете гражданина получать информацию о состоянии их индивидуального лицевого счета в системе обязательного пенсионного страхования, в том числе о сумме страховых взносов, уплаченных их работодателем (работодателями).

Также такие граждане имеют возможность ознакомиться с информацией о сформированных пенсионных правах в системе обязательного пенсионного страхования, в том числе получить сведения о своем стаже, страховых взносах, направленных на формирование страховой и (или) накопительной пенсии, заработной плате и количестве пенсионных коэффициентов, а также другую информацию о своих пенсионных правах.

Сервис по предварительной записи на прием в территориальный орган ПФР в Личном кабинете гражданина позволяет гражданам выбрать наиболее удобное для них время и день обращения в территориальный орган ПФР за получением услуг ПФР. Кроме того, в Личном кабинете гражданина гражданам предоставляется возможность предварительно заказать ряд документов в территориальном органе ПФР, например, справку о размере пенсии и (или) иных выплат. Гражданин будет сразу проинформирован о сроках подготовки заказанного им документа, и дате, когда ему нужно будет посетить территориальный орган ПФР для получения такого документа. Использование такого сервиса позволяет гражданину получить необходимый документ, однократно посетив территориальный орган ПФР и затратив минимум времени.

Посредством Личного кабинета гражданина также можно направить интернет-обращение в ПФР по интересующему гражданина вопросу. Воспользоваться электронными сервисами по предварительной записи на прием, предварительному заказу документов и направить интернет-обращение в ПФР также можно на сайте ПФР без авторизации в Личном кабинете застрахованного лица.

В Новгородской области в 2021 году более 53,1 тыс. человек, проживающих в регионе, обратились за услугами ПФР, не выходя из дома, через сайт ПФР, ЕПГУ или работодателя. В настоящее время через сайт ПФР можно подать 38 видов заявлений. Все услуги предоставляются бесплатно.

Под особым контролем находится показатель обращений граждан в электронном виде по вопросам установления и доставки пенсии. В течение 2020 года более 94% граждан направили заявления об установлении и доставке пенсии в электронном виде. Аналогичный показатель по Российской Федерации составил 74% [2].

Отделением по Новгородской области (далее - Отделение) ПФР проведены мероприятия по созданию с июня 2016 года центров обслуживания по регистрации и подтверждению учетных записей в ЕСИА в территориальных органах ПФР. На постоянной основе в клиентских службах проводятся работы по регистрации и подтверждению (восстановлению и удалению) учетных записей в ЕСИА в каждом территориальном органе ПФР. В 2020 году обработано более 7,7 тыс. учетных записей.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284 проводится изучение мнения граждан о качестве предоставления государственных услуг ПФР на сайте «Ваш контроль» через СМС-опросы. Постановлением определено 13 государственных услуг, в отношении которых проводится оценка гражданами эффективности

деятельности руководителей. Доля граждан, удовлетворенных качеством предоставления государственных услуг ПФР, по результатам СМС-опроса на сайте «Ваш контроль» составила в 2019 году 98% [3].

Отделение активно взаимодействует с ГОАУ «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее - МФЦ). В МФЦ согласно заключенному соглашению организовано предоставление 13 государственных услуг ПФР. Взаимодействие с МФЦ осуществляется только в электронном виде, без дальнейшей передачи бумажных документов. За 2020 год в МФЦ оказано гражданам 7,3 тыс. услуг, что составляет – 3% от общего количества обращений в клиентские службы. Наиболее востребованы у граждан услуги по приему анкет - 4,1 тыс. (54%) и назначению и выплате пенсий – 1,9 тыс. (27%) [2].

Работа с гражданами предпенсионного возраста — еще одно важное направление работы ПФР. В области порядка 40 тысяч человек относятся к категории граждан предпенсионного возраста. С 01.01.2020 обмен информацией между Пенсионным фондом Российской Федерации и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями осуществляется в электронной форме с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия.

Работодатели получают сведения о «предпенсионерах» по защищенным каналам связи на основании соглашений с Отделением ПФР об информационном взаимодействии. Отработано 1725 запросов. Кроме этого, гражданин для получения сведений об отнесении его к категории граждан предпенсионного возраста сможет обращаться в Клиентские службы ПФР, Многофункциональные центры, в Личный кабинет застрахованного лица и через Единый портал государственных услуг. В клиентские службы за сведениями об отнесении гражданина к категории граждан предпенсионного возраста в 2021 году обратились около 2 тыс. человек [2].

Услуги пенсионного фонда в электронном виде доступны не только на сайте Пенсионного фонда и Портале государственных услуг, но и в приложении ПФР для смартфонов, работающих на самых распространенных сегодня платформах iOS и Android.

Однако, несмотря на многообразие представленных услуг, не все российские граждане регистрируются на портале государственных услуг. Специалисту клиентской службы стоит немало труда объяснить пенсионеру все преимущества данного сервиса. Отказ от регистрации на сайте пенсионеры объясняют это отсутствием необходимости иметь и компьютеры или гаджеты или обладать компьютерной грамотностью в необходимой степени. Часть граждан не доверяют интернету и предпочитают подать заявление лично, через посещение клиентской службы. Зачастую проблема заключается в консервативном мышлении населения или привычке работать с заверенными копиями документов и с людьми, а не с электронными документами.

В целях популяризации получения гражданами государственных услуг в электронном виде в пенсионном фонде организовано обучение работе на компьютере для пожилых граждан. В клиентских службах для посетителей организовано аудиоинформирование, ведется показ видеороликов информационного характера. Но пока увеличение пользователей онлайн-услугами происходит в большей степени за счет прихода новых поколений клиентов, имеющих больший опыт использования информационных технологий.

Кроме этого, в отделениях ПФР в регионах необходимую справочную информацию можно получить при помощи сенсорных инфоматов. Внедрение таких специальных электронных терминалов связано с расширением возможностей справочного информирова-

ния населения при отсутствии интернета и уменьшения коммуникативной нагрузки на сотрудников [4]. Такие инфоматы действуют в 3 крупных центрах и Новгородской области.

Не забыты и традиционные методы информирования населения. Отделения ПФР на постоянной основе проводят активную информационно - разъяснительную работу среди жителей в средствах массовой информации: телевидении, радио, в газетах и Интернет. Регулярно выходят интервью, информационные сюжеты, статьи и заметки, в том числе и об оказываемых электронных услугах. В новостных разделах официального сайта ПФР размещается необходимая информация, пресс-релизы, тематические видеоролики, которые дополнительно дублируются в различных социальных сетях. В качестве социальной рекламы размещаются постеры для билбордов и сити-форматы.

Информирование и обучение получения цифровых услуг в ПФР происходит и на различных выставках. На выставочных площадках размещаются информационные терминалы, и специалисты Пенсионного фонда обучают посетителей выставки работе на инфомате, позволяющем получать справочно-информационные, а также отдельные виды государственных услуг, предоставляемых Пенсионным фондом в электронном виде, в режиме самообслуживания. Используется и адаптированный для инфомата «пенсионный калькулятор» - электронная считалка, с помощью которой можно выяснить приблизительный размер своей будущей пенсии. В ходе работы выставки раздаются тематические буклеты и брошюры Пенсионного фонда.

Еще один новое направление цифровизации процессов информирования населения - размещение сервиса Единой государственной информационной системы социального обеспечения «Социальный калькулятор» (ЕГИССО) [5] в инфоматах и «гостевых компьютерах», установленных в клиентских службах территориальных органов ПФР. Данный сервис предназначен для самостоятельного ввода и получения гражданами информации о перечне мер социальной поддержки, на которые они имеют право, из бюджетов всех уровней. При нажатии на конкретную меру осуществляется переход на информационную страницу с детальным отображением информации о выбранной мере и местах ее получения, в том числе на карте, с указанием адреса места обращения, времени работы и контактными номерами телефонов. Если пользователь авторизован на портале ЕСИА, сервис автоматически заполняет параметры поиска значениями из мер социальной поддержки, ранее назначенных гражданину, что позволяет предоставлять информацию о мерах социальной поддержки из бюджетов всех уровней, персонально причитающихся данному гражданину [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Пенсионного фонда Российской Федерации // [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://pfr.gov.ru/> (дата обращения 26.04.2021 год).
2. Информация о численности лиц, обратившихся в клиентские службы Новгородской области за предоставлением государственных услуг по состоянию на апрель 2021 года (внутренний документ Отделения по Новгородской области Пенсионного фонда Российской Федерации, неопубликованный).
3. Портал «Ваш контроль» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://vashkontrol.ru/> (дата обращения 30.04.2021 год).
4. Муравлева Т.В. Цифровая экономика на службе пенсионного страхования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3 (82). С. 16-19.
5. Сервис «Социальный калькулятор» [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://egisso.ru/site/social_calculator (дата обращения 16.04.2021 год).
6. В регионе начал работу сервис «Социальный калькулятор» [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://svyaz.gov39.ru/press-center/1362/> (дата обращения 30.04.2021 год).

А. И. Михайлова

аспирант кафедры экологического и аграрного права, магистр юридических наук
Белорусский государственный университет

Т. И. Макарова

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой экологического и аграрного права
Белорусский государственный университет

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь предпринимательская деятельность, - это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на *систематическое получение прибыли* от пользования имуществом, продажи вещей <...>, а также от выполнения работ или оказания услуг, <...> для реализации другим лицам и не используемая для собственного потребления [1]. Традиционно юридические лица в экологических отношениях рассматривались с позиции гражданско-правовой науки. Этот подход, бесспорно, является правомерным, так как юридическое лицо, в первую очередь, выступает субъектом гражданских правоотношений. С позиции науки экологического права следует, что юридическое лицо также выступает субъектом экологических отношений, о чем свидетельствует ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», называющая юридические лица среди субъектов отношений в области охраны окружающей среды, а также глава 6 этого закона, в которой установлены экологические требования, к видам хозяйственной и иной деятельности [2]. Но как известно, не вся хозяйственная деятельность оказывают негативное воздействие на окружающую среду и природные ресурсы. Некоторые виды деятельности хозяйствующих субъектов направлены исключительно на охрану окружающей среды. Поэтому рассмотрение сущности юридического лица как субъекта экологических отношений требует рассмотрения его экономической деятельности с позиции «экологичности».

В этом смысле речь пойдет о так называемом «экологическом предпринимательстве», которое в последнее время вызывает пристальное внимание ученых-правоведов. Отнесение тех либо иных юридических лиц к субъектам именно экологического предпринимательства является весьма дискуссионным вопросом [3] [4], [5] и требует отдельного рассмотрения.

В соответствии со ст.1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» природоохранная деятельность – это деятельность государственных органов, общественных объединений, иных *юридических лиц* и граждан, направленная на *сохранение и восстановление природной среды, рациональное (устойчивое) использование природных ресурсов и их воспроизводство, предотвращение загрязнения, деградации, повреждения, истощения, разрушения, уничтожения и иного вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и ликвидацию ее последствий* [2]. Ст. 1 Модельного закона «Об основах экологического предпринимательства» для государств-участников Содружества Независимых Государств содержит понятие *экологического предпринимательства*, под которым подразумевается производственная, научно-исследовательская, кредитно-финансовая деятельность по производству товаров,

выполнению работ и оказанию услуг, имеющая целевым назначением обеспечение сохранения и восстановления окружающей среды и охрану природных ресурсов [6]. Следует согласиться с мнением, которое отмечено в доктрине экологического права, что определение «экологическое предпринимательство», закрепленное в Модельном законе СНГ, «не позволяет провести грань между экологическим и традиционным предпринимательством. Такая деятельность заключается в том, что прибыль получается за счет производства экологически полезной продукции либо продукции, способной посредством пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг предотвращать негативное воздействие на окружающую среду» [3, с. 57].

Для понимания сущности экологического предпринимательства необходимо на доктринальном уровне рассмотреть его правовую природу. С точки зрения лексического значения категория «экологическое предпринимательство» является *оксюмороном*, который представляет собой сочетание противоречащих друг другу понятий [7, с. 252]. Объективно мы понимаем, что предпринимательская деятельность преследует цели далеко не экологические, она направлена на *систематическое извлечение прибыли* [1]. В то же время природоохранная деятельность направлена на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Как видим, предпринимательская и природоохранная деятельность преследуют различные цели. Это позволяет сделать вывод о том, что использование категории «экологическое предпринимательство» в доктрине экологического права является не точным. Полагаем, что для целей законодательства в области охраны окружающей среды предпочтительно использовать категорию «предпринимательская деятельность в области охраны окружающей среды».

Исходя из определения природоохранной деятельности можно выделить признаки видов деятельности, которые могут быть отнесены к предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды. К ним следует отнести следующее: 1. *сохранение и восстановление природной среды*, 2. *воспроизводство природных ресурсов*, 3. *предотвращение вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности*.

На основании вышеизложенного следует, что *предпринимательская деятельность в области охраны окружающей среды* - деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, направленная на: 1) на сохранение и восстановление природной среды; 2) воспроизводство природных ресурсов; 3) предотвращение вредного воздействия на окружающую среду в хозяйственной деятельности иных юридических лиц и ликвидацию ее последствий. Представляется, что данный вид деятельности, как самостоятельный институт, подлежит закреплению в главе 4 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», которая, на наш взгляд, должна звучать как «*Природопользование и иная предпринимательская деятельность в области охраны окружающей среды*». В данной главе полагаем необходимым дать легальное определение понятию *предпринимательская деятельность в области охраны окружающей среды*, закрепить перечень субъектов, которые могут ее осуществлять и иметь статус экопредпринимателя. В отдельной статье целесообразно закрепить права и обязанности таких субъектов. Кроме того, для активной реализации на практике института предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды целесообразным является закрепление льгот по отношению к субъектам, осуществляющим экологически значимое предпринимательство.

Как справедливо отмечает А.В. Тихомирова, «на практике экологизация предпринимательства часто оказывает негативное воздействие на коммерциализацию продук-

ции и, как следствие, на прибыль [3, с.57]. В связи с этим возникает необходимость в определении льгот, которыми могут быть наделены юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность в области охраны окружающей среды.

Из смысла норм Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» вытекает, что к субъектам, которые используют ресурсосберегающие технологии, специальное оборудование и др. со стороны государства применяются меры экономического стимулирования, выражающиеся в применении к таким категориям субъектов льгот, например, налоговых (ст. 82 Закона «Об охране окружающей среды») [2]. Сразу же возникает вопрос об отнесении такой деятельности субъектов к предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды.

В отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую деятельность в области охраны окружающей среды, на наш взгляд, необходимо применять меры экономического стимулирования, которые будут выражаться в освобождении субъекта предпринимательства в области охраны окружающей среды от *уплаты налога на недвижимость, земельного налога, налога на добавленную стоимость товаров при ввозе на территорию Республики Беларусь, налога на прибыль* и др., это позволит привлечь субъектов к весьма перспективному и эколого-значимому виду предпринимательской деятельности.

Юридические лица, осуществляя хозяйственную деятельность, действуют на основании *учредительных документов* - устава или учредительного договора, что вытекает из ст. 48 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1]. В уставе либо учредительном договоре юридического лица содержатся *цели* его деятельности. Если в учредительных документах прямо установлено, что его основной целью является деятельность, направленная на охрану окружающей среды, *например*, осуществление переработки отходов производства, такая деятельность может рассматриваться нами как *предпринимательство в области охраны окружающей среды*. Основной мотивацией в данном случае будет являться «способствование в решении экологических проблем и создание экономической ценности» [4, с.70].

Д.П. Кислицын в своем труде по экологическому предпринимательству в качестве примера приводит следующее, «организация вывоза бытового мусора представляет собой форму экологического предпринимательства, ориентированную на удовлетворение конкретных индивидов, <...> для удовлетворения коллективных интересов - установка на предприятиях очистных сооружений и систем, направленных на улучшение качества среды обитания населения некоторой территории» [5, с. 152]. С позиции белорусского законодательства в области охраны окружающей среды данная позиция является крайне неверной. Вывоз бытового мусора представляет собой деятельность в сфере ведения жилищно-коммунального хозяйства и прямо не преследует эколого-значимые цели, соответственно эта деятельность не будет являться экологическим предпринимательством.

Юридические лица, цели деятельности которых направлены на извлечение прибыли, при условии соблюдения ими природоохранных мероприятий и ликвидации последствий своей деятельности, будут являться, по нашему глубокому убеждению, *юридическими лицами, осуществляющими хозяйственную деятельность*. Таким будет являться, *например*, промышленное предприятие, осуществляющее производство продуктов нефтепереработки, которое осуществляет сброс сточных вод, но при этом использует очистные сооружения. Как видим, использование специального оборудования, снижающего вредное воздействие на окружающую среду, внедрение наилучших

доступных технических методов не может охарактеризовать экономическую деятельность субъекта как «экологическое предпринимательство». В этом случае, хозяйствующий субъект выполняет императив законодателя, предусмотренный главой 6 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», который устанавливает *требования в области охраны окружающей среды*. Выполнение экологических требований не зависит от воли субъекта, это его обязанность. С точки зрения возможности выполнения хозяйственной деятельности требования в области охраны окружающей среды являются условием, позволяющим легально осуществлять соответствующую деятельность. Они не являются экологическими предпринимателями.

Вышеизложенное позволяет нам дать классификацию юридических лиц как субъектов экологических отношений:

- юридические лица, осуществляющие хозяйственную деятельность, которая влияет на состояние окружающей среды, проводящие установленный для них комплекс мероприятий по охране окружающей среды;
- юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, направленную на сохранение и восстановление природной среды, воспроизводство природных ресурсов, предотвращение вредного воздействия на окружающую среду в хозяйственной деятельности иных юридических лиц и ликвидацию ее последствий. Среди второй группы можно выделить *юридические лица, деятельность которых способствует экологичному осуществлению предпринимательской деятельности* 1 группы юридических лиц, например, проектные организации, осуществляющие ОВОС, проводящие экологический аудит, организующие экологическое страхование. Так, экологический аудит проводится в целях обеспечения экологической безопасности, путем независимой проверки деятельности на соответствие требованиям в области охраны окружающей среды (п. 3 Положения) [8].

Главным критерием отнесения юридического лица к той либо иной категории выступает *приоритет эколого-значимых целей*. Безусловно, основной вес среди юридических лиц, рассматриваемых в качестве субъектов экологического права, будут занимать *юридические лица, осуществляющие хозяйственную деятельность*, доля же юридических лиц, чья деятельность направлена исключительно на охрану окружающей среды будет значительно меньшей. Для целей исследования такая классификация наглядно может предоставить новый взгляд на юридическое лицо как субъект экологического права: это не только масштабный загрязнитель окружающей среды и крупнейший природопользователь, юридическое лицо - это субъект, чья деятельность может быть направлена на осуществление эколого-значимых целей и в то же время извлечение прибыли.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что термин «экологическое предпринимательство» не может использоваться в доктрине экологического права и в законодательстве об охране окружающей среды, рассматриваемая категория является оксюмороном. По нашему глубокому убеждению, предпочтительной является категория «предпринимательская деятельность в области охраны окружающей среды».

Анализ законодательства об охране окружающей среды и гражданского законодательства позволил дать определение понятию «предпринимательская деятельность в области охраны окружающей среды», итак, это деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, направленная 1. на сохранение и восстановление природной среды, 2. воспроизводство природных ресурсов, 3. предотвращение вредного воздействия на окружающую среду в хозяйственной деятельности иных юридиче-

ских лиц и ликвидацию ее последствий. Ввиду наличия такого рода предпринимательской деятельности предлагается закрепить ее в главе 4 Закона «Об охране окружающей среды» и дать легальное определение такого вида деятельности. Закрепить права и обязанности субъектов предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды.

Автором предложена классификация юридических лиц в экологических отношениях в основании которой лежит критерий приоритета эколого-значимых целей:

- юридические лица, осуществляющие хозяйственную деятельность, которая влияет на состояние окружающей среды, проводящие установленные для них комплекс мероприятий по охране окружающей среды;
- юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность в области охраны окружающей среды.
- юридические лица, деятельность которых способствует экологичному осуществлению предпринимательской деятельности 1 группы юридических лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс Республики Беларусь: Кодексы Респ. Беларусь от 7 декабря 1998 г., с изм. и доп. от 28 августа 2012 г. // Эталон 6.0 – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII: в ред. Закона от 18 окт. 2016 г. № 431-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Тихомирова, А. В. Экологическое предпринимательство / А. В. Тихомирова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 56–58.
4. Ершова Т.В. Экологическое предпринимательство: основные направления и этапы развития // Вестник СПбГУ. Сер. 8. Менеджмент. 2016. Вып. 1. С. 66-80.
5. Кислицын Д.П. Экологическое предпринимательство как форма реализации эколого-экономических взаимодействий в территориальной системе // Кислицын Д.П. / Экономический вестник Ростовского государственного университета 2007. Т. 5 №1 Ч 3. С 151-155.
6. О модельном законе «Об основах экологического предпринимательства» [Электронный ресурс] : утв. постан. Межпарламент. Ассамблеи. государств-участников СНГ, 13 июня 2000 г., №15-6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
7. Оксюморон // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. — М.: «Просвещение», 1974. —509 с.
8. Об утверждении Положения о порядке проведения экологического аудита: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 26 мая 2016 г., № 412 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Ф. А. Мухитдинова

доктор юридических наук, профессор кафедры "Теории государства и право"
Ташкентский государственный юридический университет
feruza.mukhitdinova@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются основные направления эволюции электронного правительства. Проанализированы теоретические аспекты электронное правительство: и воздействие электронного правительства на эффективность государственной антикоррупционной политики страны. Определены процесс адаптации государственных организациями электронного правительства, является усиливающийся кризис представительной демократии а также роль электронного правительства на современном этапе в Узбекистане и правовые основы модернизации.

Ключевые слова: правительство, демократия, электронное, закон, политика, культура.

F. Mukhitdinova

Doctor of Law, Professor of the Department of "Theory of State and Law"
Tashkent State Law University
feruza.mukhitdinova@gmail.com

STATE STRATEGIES FOR IMPLEMENTING E-GOVERNMENT AT THE PRESENT STAGE

The article discusses the main directions of the evolution of e-government. The theoretical aspects of e-government: and the impact of e-government on the effectiveness of the state anti-corruption policy of the country are analyzed. The process of adaptation of e-government by state organizations is identified, the growing crisis of representative democracy is identified, as well as the role of e-government at the present stage in Uzbekistan and the legal basis for modernization.

Keywords: government, democracy, electronic, law, politics, culture.

Сегодня как нам известно, технологический прогресс и прочие изменения стремительно преобразуют среду, в которой развивается информационное общество на современном этапе и почти во всех странах мира.

Поэтому на современном этапе развития государства и общества является повышение роли информации и информационных и коммуникационных технологий (ИКТ).

Степень разработанности проблемы. Основой политических исследований ИКТ явились более общие теории, в которых разрабатывалось само понятие информационного общества и новое место государства в таком обществе. В основу теории электронного правительства заложили работы таких авторов, как К. Андерсен, А. Анттироико, Т. Беккер, К. Беллами, С. Бретшнайдер, С. Бхатнагар, Дж. Гант, Дж. Д. Гарсон, и др.¹

¹ Andersen K. Reengineering public sector organizations using information technology // Reinventing government in the information Age, ed. by R.Heeks, L: Routledge, 1999; Bellamy C., Taylor J. Governing in the Information Age, Open University Press, 1998; Bhatnagar S. E-Government: from Vision to Implementation, Sage Publications, New Delhi/ Thousand Oaks/ London – 2005.

Электронное правительство необходимо рассматривать в контексте более масштабных реформ государственного управления. В этом направлении нам известно работы таких зарубежных авторов, как Т. Геблер, Ф. Кэтл, и др.²

При этом ИКТ оказывают существенное влияние на характеристики социальной системы как таковой и в особенности государства как политического института. При этом можно говорить, как об обновлении представительной демократии за счет привнесения в нее элементов прямой демократии и осуществления взаимодействия государства с гражданами на более постоянной основе, так и о переходе к демократическим, медиацентричным формам организации государственного управления. В этом опыт продемонстрировал противоречивый характер влияния электронного правительства на систему государственного управления: в одном аспекте оно способствует решению существующих проблем, а в другом – лишь усугубляет их.

При всем значении технологий электронного правительства для функционирования государства на современном этапе важно понимание ограниченности технологической составляющей, которая очень ограниченно влияет на содержательные характеристики государства. По сути, электронное правительство представляет собой форму проекции содержательных характеристик социально-политической системы на плоскость информационных технологий. Электронное правительство не сокращает экономическое отставание так называемых развивающихся стран от стран-лидеров и не способствует развитию демократических институтов в авторитарных государствах. Попытки системного внедрения ИКТ в политической системе Республики Узбекистан начались относительно недавно. Важнейшим шагом в этом направлении было подписание в 2015 году Закона «Об электронном правительстве». В своём выступлении Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев говорил о том, что, в современных условиях приоритетное значение приобретают вопросы широкого внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий, и создание надежных комплексов информационных систем и базы данных «электронного правительства»³. В Указе Президента «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» четко обозначено, что реализация Стратегии действий будет проходить по пяти направлениям. В частности, в рамках реализации первого направления «Совершенствование государственного и общественного строительства» предусматриваются совершенствование системы «Электронное правительство», повышение качества и эффективности государственных услуг, практическая реализация механизмов общественного контроля, усиление роли институтов гражданского общества и средств массовой информации.

Немного о понимании «электронного правительства». Понятие «Электронное правительство» впервые было освещено в США в 1991 году, но в настоящее время в международной практике уже накоплен достаточный опыт в формировании и развитии этой системы. Электронное правительство – система электронного документооборота государственного управления, основанная на автоматизации всей совокупности управленческих процессов в масштабах страны и служащая цели существенного повышения эффективности государственного управления и снижения издержек социальных коммуникаций для каждого члена общества. Значить электронное правительство не отдельный проект и эволюционно новая ступень государственного развития.

² Osborne, D., Gaebler, T., Reinventing Government, Plume Books, 1993; Кэтл Ф. Д. Реорганизация государственного управления. Анализ деятельности федерального правительства. // Классики теории государственного управления: американская школа. - М., Изд-во МГУ, 2003; Осборн Д., Пластик П. Управление без бюрократов. - М: Прогресс. 2001.

³ <https://www.uzdaily.uz/ru/post/29686>.

Сегодня информационно-коммуникационные технологии занимают важное место в развитии республики. Проводимая за предыдущие годы руководством Узбекистана работа по широкому внедрению и развитию информационно-коммуникационных технологий уже сегодня даёт свои плоды. Если мы обратимся к экономическим показателям, то прошлый год можно охарактеризовать как положительный. Общий объём оказанных услуг в сфере ИКТ достиг 10,6 триллиона сумов, или вырос на 104 процента. Объём услуг в сфере связи и информатизации вырос до 176 миллионов долларов, или на 130 процентов. Например, если посмотреть на факты: **в 2019 году в ИКТ-сфере была проделана работа в ряде важных направлений.**

Посредством регистрации веб-сайтов в национальном сегменте Интернет под доменом “UZ” была налажена работа по оказанию выгодных услуг для потребителей, получению молодёжью знаний в онлайн-режиме и оказание услуг населению через электронные услуги. Реализация электронное правительство выводит взаимоотношения власти и граждан (G2C), власти и бизнеса (G2B), власти и власти (G2G) на приоритетно новый, качественно высокий уровень взаимодействия.

Технологии электронного правительства помогают отслеживать действия служащих и заставляют их следовать законам и правилам, регламентирующим степень ответственности и прозрачности, путем стандартизации методов сбора данных, отслеживания действий и принимаемых решений, а также разработки обратной связи для жалоб граждан. В структуру системы «Электронное правительство» Узбекистана входят следующие компоненты: Единый портал интерактивных государственных услуг (ЕПИГУ) для непосредственного контакта с получателями государственных услуг; портал открытых данных (data.gov.uz) — открытые данные и статистика от госорганов; непосредственно сайты государственных органов; комплексы информационных систем «Налог», «Таможня», «Образование» и другие, через которые госорганы «общаются» друг с другом.

Также плодотворная работа была проделана в сфере онлайн-оплаты: так, в 2019 году посредством систем онлайн-оплаты было осуществлено 299,3 миллиона транзакций на сумму 6,5 триллиона сумов. С целью развития бесконтактных форм общения между населением и предпринимателями с одной, и государственными органами с другой стороны была разработана новая версия Единого интерактивного портала государственных услуг. Сегодня посредством Единого портала оказывается 176 видов электронных госуслуг, поступило 15,1 миллиона заявок. Это даёт, в свою очередь, возможность значительно сократить расходы и время населения.

В системе Единого портала государственных интерактивных услуг в настоящее время населению оказывается 176 видов госуслуг. К Единой межведомственной электронной системе исполнительной дисциплины в настоящее время подключено более 4,4 тысячи государственных органов и организаций и свыше 30 тысяч пользователей. С целью налаживания и ускорения работ по обращениям предпринимателей, в том числе и иностранных инвесторов, обеспечения открытого и прямого диалога с ним, практической и эффективной реализации их прав и решения других проблемных вопросов был запущен Виртуальная приёмная Премьер-министра по рассмотрению обращений предпринимателей “**project.gov.uz**”. В настоящее время посредством портала поступило 34,7 тысячи обращений, из которых исполнено 33,6 тысячи.

Внедрена система управления избирательными процессами “**saylov.gov.uz**”. В сотрудничестве с соответствующими министерствами и ведомствами была сформирована Единая электронная база избирателей с информацией о свыше 20,5 миллионах избирателей и интегрирована в Информационную систему управления избирательными

процессами. Сегодня в Ташкенте совместно с крупными китайскими компаниями при участии прямых иностранных инвестиций реализуется первый этап проекта — создание технологической платформы проекта «Безопасный город».⁴

В ИКТ-сфере в 2019 году был осуществлён важный социальный проект. Посредством заключения сделки с китайской компанией на общую сумму 11,8 миллиона долларов медикам Ташкента были переданы 150 автомобилей скорой помощи (реанимобилей), оснащённые современными информационно-коммуникационными технологиями и аппаратами скорой помощи. Была также внедрена автоматизированная система управления по оказанию скорой медицинской помощи. Следует отметить, что большинство нормативных актов прямо или косвенно связаны между собой, создавая картину взаимной дополняемости и структуризации. При этом важно указать законодательные основы, являющиеся флагманами регулирования отдельных сфер развития ИКТ. Таким образом, политические и управленческие аспекты использования информационных технологий в государственном управлении, степень обоснованности и приемлемые формы заимствования передового зарубежного опыта, а также теоретическое осмысление электронного правительства и его влияния на политическое пространство являются актуальными. Актуальность проявляется и в необходимости исследования новых, не всегда институционализированных политико-административных процессов, которые протекают в политической системе современных государств под воздействием внедрения технологий электронного правительства.

Так, Закон Республики Узбекистан «Об электронном правительстве», принятый 9 декабря 2015 года за номером ЗРУ-395, определяет основные задачи, стоящие перед государством в вопросах взаимодействия с бизнесом и обществом. По сути, закон приводит механизмы внедрения инновационных технологий посредством:

- создания каналов связи между бизнесом и органами государственной власти – электронный документооборот в процессах предоставления статистической отчетности, таможенного оформления, выдачи лицензий, разрешений, сертификатов, а также получения информации от государственных органов;
- расширения возможностей бизнеса по использованию систем электронной коммерции, осуществлению закупок через электронные площадки, внедрению автоматизированных систем учета, контроля и оплаты коммунальных услуг, развитию систем безналичных электронных платежей и т. п.;
- создания каналов общения с населением – внедрение принципа «Одно окно», виртуальных приёмных и иных площадок для социальных коммуникаций;
- формирования баз данных государственных органов в рамках возложенных на них функций, например, Единого портала интерактивных государственных услуг и Единого реестра электронных государственных услуг.

Другой немаловажной частью данного документа является обеспечение эффективности, оперативности и прозрачности деятельности самих государственных органов, а также усиление их ответственности и исполнительской дисциплины. Помимо этого, в рамках реализации программы развития электронного правительства на сегодняшний день созданы базы данных юридических и физических лиц, автотранспортных средств, регистр справочников и классификаторов и межведомственная интеграционная платформа (75 систем и ресурсов).

В дополнение к указанному закону в постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы управления проек-

⁴ https://mitc.uz/ru/pages/information_technologies.

тами в сфере информационно-коммуникационных технологий» № ПП-3245 от 29 августа 2017 года предполагается создать Единый интегратор по созданию и поддержке государственных информационных систем, в задачи которого будут входить:

- обеспечение разработки, внедрения и интеграции информационных систем, ресурсов и программных продуктов в системе «Электронное правительство» и информационных технологий в отраслях экономики;
- осуществление комплексных мероприятий по совершенствованию качества предоставления электронных государственных услуг населению и субъектам бизнеса;
- содействие развитию отечественного рынка информационно-коммуникационных технологий и программных продуктов;
- внедрение информационных систем и сетей межведомственного электронного взаимодействия и обмена информацией между государственными органами и иными организациями.

На примере вышеуказанных нормативных актов видно, что государство в полной мере взяло на себя ответственность и инициативу по активному внедрению ИКТ во все сферы жизнедеятельности общества. Важной частью цифровых реформ является взаимодействие граждан с государственными органами посредством электронной платформы, оказание государством населению современных электронных услуг.

С этой целью был создан **Единый портал интерактивных государственных услуг** (<https://my.gov.uz>). Сегодня посредством данного портала оказывается **218** электронных государственных услуг. С начала года в систему ЕПИГУ было внедрено **45 новых услуг**. В частности, такие услуги как осуществление онлайн-оплаты за жилье и коммунальные услуги, электронная запись к врачу, подать регистрация по месту постоянного и временного проживания, регистрация кадастрового паспорта, получение государственной субсидии по ипотечному кредиту, были переведены в электронный формат, и теперь ими можно воспользоваться через портал. С начала года поступило **свыше 3,1 миллиона** заявок по электронным госуслугам, что на **9 процентов** больше по сравнению с прошлым годом.

Следует отметить, что только электронное правительство и цифровизация самый хороший способ борьбы против коррупции. По нашему мнению, система «Электронное правительство» в Узбекистане в первую очередь создается для граждан. Для повышения роли электронного правительства в борьбе с коррупцией следует:

во-первых, проинтегрировать приложения электронного правительства с системой мер по борьбе с коррупцией. В этом в каждой организации установлены телефоны доверия, являющимся частью комплексной целевой программы;

во-вторых, обеспечить поддержку электронного правительства со стороны закона. Такое правительство может повысить прозрачность, благодаря тому, что свободный доступ к государственной информации, будет поддержана на законодательном уровне. Расширяя доступ граждан к информации, правительства также должны принимать о внимание проблему соблюдения государственной безопасности и тайны персональных данных.

Самое главное высокая правовая культура населения.

Исходя из выводов для обеспечения эффективности «электронного правительства» этой целью был создан Технологический парк программных продуктов и информационных технологий (IT Park). В настоящее время **416 компаний** являются его резидентами, где трудится свыше **5 тысяч** специалистов. Примечательно, что **14** из них созданы с участием иностранного капитала, а **54** – с нуля.

Совместно с привлеченным зарубежным экспертом разработана концепция строительства объектов инфраструктуры IT Park общей площадью **408 тысяч кв. м.**, которая позволит увеличить число резидентов технопарка. С хокимиятами на местах были заключены соглашения по организации территориальных филиалов резидентов IT Park, утверждены сетевые графики выполняемых задач по каждому проекту. В настоящее время следует работать над формированием базы данных физических и юридических лиц, а также ядра базовой платформы системы «Электронное правительство». По мере их внедрения будет достигнуто усиление взаимодействия ведомственных информационных систем, а также правоохранительных и контрольных органов в обеспечении законности и правопорядка, сокращении объемов процедур и времени, затрачиваемых на предоставление государственных услуг.

Уже введены в действие региональные филиалы IT Park — Digital city в городе Андигане, филиалы в Маргилане Ферганской области, Гулистане Сырдарьинской области, а также Кашкадарьинской, Джизакской и Самаркандской области. Сегодня в Андиганском филиале IT Park свою деятельность осуществляют 10 резидентов, в Маргиланском — 7 резидентов. Как нам известно, 28 апреля 2020 года президент Шавкат Мирзиёев подписал постановление «О мерах по широкому внедрению цифровой экономики и электронного правительства». Ускоренное формирование цифровой экономики, предусматривает увеличение ее доли в валовом внутреннем продукте страны к 2023 году в 2 раза. "Главы регионов и отраслей обязаны осознать, что без цифровизации не будет результата, не будет развития. Руководители всех уровней должны определить этот вопрос как свою повседневную задачу, глубоко изучить сферу цифровизации с самых азов", — отметил Шавкат Мирзиёев.

Подключение в 2020—2021 годах всех учреждений здравоохранения, школ, организаций дошкольного образования, сел и махаллей к высокоскоростному интернету и повышение качества услуг связи. Кроме того, во всех регионах начнут запускать системы "Электронный дневник", "Электронный учебник", "Оценка учителей".

Развитие системы электронного правительства, предусматривает доведение доли электронных государственных услуг к 2022 году до 60%.

При министерстве создаются:

- «Центр управления проектами электронного правительства».
- «Центр исследований цифровой экономики».

Новшеством являются «Онлайн-повестки» так как с августа 2020 года поэтапно внедрены Единую национальную систему доставки и подтверждения доставки физическим и юридическим лицам корреспонденции, уведомлений, повесток и иных юридических документов, направляемых государственными органами и организациями через сеть объектов почтовой связи, а также хранения и учета информации. И эти учтены в Постановлении президента Узбекистана «О мерах по дальнейшему сокращению бюрократических барьеров и внедрению современных управленческих принципов в деятельность государственных органов и организаций» от 9 декабря 2019 года, где говорится о том что, об исключении с 1 января 2020 года функций и полномочий органов исполнительной власти на местах, предусматривающих:

согласование технологических, лесомелиоративных, агротехнических, гидротехнических, санитарно-технических мероприятий;

принятие решений, предусматривающих за их нарушение административную ответственность, по вопросам охраны общественного порядка, если они не урегулированы Кодексом Республики Узбекистан об административной ответственности, а также по во-

просам борьбы со стихийными бедствиями и эпидемиями. С целью создания **условий для широкого и эффективного использования компьютерных технологий и Интернета населением и молодежью, их широкого привлечения к предпринимательской деятельности в сфере ИКТ** в рамках третьего направления Пяти инициатив, выдвинутых Президентом Республики Узбекистан по всей республике было открыто **102** Учебных центра цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановлении президента Узбекистана «О мерах по дальнейшему сокращению бюрократических барьеров и внедрению современных управленческих принципов в деятельность государственных органов и организаций» от 9 декабря 2019 года.
2. Закон Республики Узбекистан «Об электронном правительстве» от 9 декабря 2015 г., № ЗРУ-395 (Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2015 г., № 49, ст. 611).
3. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 2 июня 2016 года № 184 «О мерах по совершенствованию порядка оказания электронных государственных услуг» (Национальная база данных законодательства, 11.01.2019 г.).
4. «Положение о Едином портале интерактивных государственных услуг Республики Узбекистан», утвержденное постановлению Кабинета Министров от 15 сентября 2017 года № 728 (Национальная база данных законодательства, 11.01.2019 г.).
5. Andersen K. Reengineering public sector organizations using information technology // Reinventing government in the information Age, ed. by R. Heeks, L: Routledge, 1999.
6. Bellamy C., Taylor J. Governing in the Information Age, Open University Press, 1998; Bhatnagar S. E-Government: from Vision to Implementation, Sage Publications, New Delhi / Thousand Oaks / London – 2005.
7. Токвиль А. Демократия в Америке // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т.1;
8. Осборн Д., Пластрик П. Управление без бюрократов. - М: Прогресс. 2001.

С. С. Олесько

помощник прокурора
прокуратура Россонского района Витебской области;
аспирант, магистр юридических наук
Белорусский государственный университет
daruta05@live.com

ОТ ИДЕИ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БАЛАНСА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЧЕГО ОЖИДАТЬ ОТ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА?

Как ни парадоксально, но интерес к конституционному праву издавна обусловлен постоянным и неистовым стремлением человечества к лучшей жизни. Но именно в этом сосредоточены такие человеческие пороки как желание приобретать, с одной стороны, и не утрачивать – с другой. Эти пороки присущи каждому из рода человеческого и нередко порождают властолюбие.

Ввиду этого столкновение политических и социальных сил становится плодом конфронтации этих пороков, разделяющие весь люд на диаметрально противоположные по интересам очаги страт. И так в вечной попытке найти компромисс. Однако «правильно устроенное государство и мудрые правители прилагали все усилия к тому, чтобы не доводить до крайности ... и жить с народом в мире и согласии» [1, с. 65]. Так, в эпоху средневековья было «достаточно воздерживаться от посягательств на имущество своих подданных и сограждан и на их женщин» [1, с. 59].

Но времена стремительно и бесповоротно меняются. Фундаментальные открытия дали новый толчок для молниеносного развития культуры, образования, науки и мн.др. сфер общественно-государственной жизни, а поэтому коллизия интересов стала только обостряться. Под влиянием всплеска конфронтации разносторонних сил тогдашний ещё феодально-клерикальный уклад, колеблясь от новых веяний, не устоял и, словно зеркало, иллюстрирующее раздробленность таких людских взаимоотношений, разбился об идеи «нового» порядка. Но нужно было прийти к чему-то единому – тому, что объединяло бы всех и было бы для них общим благом.

Со временем установление конституционного правопорядка во многом решило эту проблему, ведь он был оплотом ценностей, признаваемых во всём обществе. Названный порядок стал оформляться конституцией, законсервировавшей ценностный уклад. И так возникла и начала получать массовое распространение *идея ценности*. Но вопрос цены столь же важен, как и вопрос ценности... Какой ценой это было достигнуто? Ценой того, что мы имеем и чего не имеем сейчас.

Путь общества от первобытного к информационному и государства – от квази к цифровому пройден – ни за одно тысячелетие. Общественно-государственное развитие непрерывно, и причиной тому – постоянное стремление человека доминировать. Великие личности оставили неистлеваемый след в истории становления государственно-правовых институтов, а поэтому иногда очень важно не оставить без внимания их ментальные образы и понять, что они думали и чувствовали [2, с. 4]. Ведь это они разрушили старую и создали новую Европу, известную нам сейчас, где в основе государственно-правового существования лежит феномен конституционализма.

И здесь сразу же нужно добавить резкости, дабы понимать сложившееся у автора отношение к конституционализму, а оно, как у Св. Августина к Богу: «не могу дать Ему определение, но знаю, что такое безбожие». Дать точное определение конституционному правопорядку не под силу никому, но понимать, где начинаются беззаконие и узурпация власти, должен каждый уважающий себя юрист.

Сегодня мы стоим у черты, разделяющей прошлый и будущий конституционализм, старый и новый конституционный правовой порядок. С одной стороны, достигнуты вершины – идеи демократии, правового и социального государства и пр., но, с другой – мы снова стоим у основания *современного конституционализма*. Достижения научно-технического прогресса прямо сейчас поставили перед нами два серьёзнейших вопроса: **«что делать?»** и **«чего не надо делать?»**. Непростой выбор. Ведь сегодня проблема, о которой речь шла выше, стала насущной – в мировой масштабе. Как найти компромисс? **Чего ещё ждать от конституционного права?**

Сплошь да рядом обсуждается столь масштабный процесс как цифровизация, что уж – во всём Море о нём говорят, но при этом забывают, что он касается самого сердца любого государства – его конституции, основного закона. Именно она стала атрибутом конституционализма – и неспроста. Её нормы стали краеугольным камнем в обеспечении конституционного правового порядка, ведь в них определяются конституционный строй и пути его изменения, правовое положение человека и гражданина, общества и государства, характер их взаимоотношений, сбалансированность их интересов, а также решаются иные важнейшие вопросы. Конституция олицетворяет основные человеческие ценности и тем самым определяет вектор развития **«локального» конституционализма**.

В настоящее время конституционные ценности испытывают серьёзное влияние со стороны глобального процесса цифровизации, что заставляет нас переосмысливать их и воспринимать по-новому. По своей сущности ценность как явление подразумевает некие блага, их оценку и соотношение. Под влиянием цифровизации значение ценностей часто меняется, что создаёт затруднения в обеспечении баланса конституционных ценностей. Ведь найти «золотую середину» непросто, а особенно в условиях смешения реальной и виртуальной жизни личности, общества и государства. Основным законом должен оставаться стабильный – это одно из его юридических свойств, между тем, происходящие в государстве преобразования пусть и не всегда влекут корректировку конституционных положений, но они безусловно должны воздействовать на практику их применения. «Дух», а не «буква» закона, должен восприниматься правоприменителем сегодня, смысл, а не форма – главное в его решении. Однако, с сожалением приходится констатировать тот факт, что зачастую именно «буква» закона, а не его «дух», в настоящее время становится ключевым фактором в принятии того или иного решения. «Дух» закона – та самая ценностная составляющая, которой не хватает решениям государственных органов и организаций на современном этапе развития конституционализма – **«цифрового» конституционализма**. Грядёт новая эпоха, ознаменованная обеспечением баланса конституционных ценностей в условиях цифровых преобразований.

В свою очередь, данное обстоятельство указывает на необходимость комплексного и глубокого исследования в данном направлении. Однако этот вопрос не исследован, о чём свидетельствует отсутствие научной литературы по избранной тематике, встречаются лишь единичные исследования смежного характера. Исследование обеспечения баланса конституционных ценностей в цифровую эпоху придаст новый импульс исследованиям в области проблем конституционного права, станет краеугольным камнем в формировании современного конституционализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли: пер. с ит. М. Юсима. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 448 с.
2. Пугачёв А.Н. Истоки и первопричины европейского конституционализма: монография / А.Н. Пугачёв. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. 318 с.

О. Д. Притула

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики и финансов Новгородского филиала
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ: ОСОБЕННОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА

Происходящий в настоящее время процесс цифровой трансформации является предпосылкой перехода государственного управления от трактовки «электронного правительства» к «цифровому правительству». Подобная тенденция характеризуется смелой технологией используемых для поддержки процессов в органах власти на технологии, обеспечивающие результативность государственного управления. В этих условиях «цифровое правительство» выступает в виде цифровой площадки связывающей такие элементы, как государственное управление, бизнес-структуры и граждан.

Практическая реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» ставит перед собой задачи по достижению следующих результатов к 2024 году:

- «государственные (муниципальные) услуги предоставлять онлайн, задействовать 25 цифровых «супер-сервисов» по жизненным ситуациям;
- 90% внутри- и межведомственного юридически значимого электронного документооборота государственных и муниципальных органов и бюджетных учреждений автоматизировать.
- 60% граждан должны иметь цифровое удостоверение личности с квалифицированной электронной подписью;
- доля электронного документооборота между органами государственной власти России и государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в общем объеме документооборота должна составлять 90 %.» [1]

Перечисленные выше плановые показатели результативности реализации национальной программы являются основой разработки ряда мероприятий по реализации в стране глобальной работы по внедрению цифровых сервисов и освоению механизмов их работы в государственном управлении, в рамках формирования «цифрового правительства». Обеспечить реализацию всех мероприятий и программ в контексте цифрового развития позволит непрерывно используемый механизм обратной связи, а также принципы «гибкого управления».

Можно отметить, что в современных условиях цифровые технологии становятся важной частью повседневной жизни граждан и нормой функционирования бизнеса, мотивами здесь выступают: стремительно усложняющийся и изменяющийся мир, демографические изменения и технологические тренды, наличие положительного зарубежного опыта использования облачных технологий, больших данных, мобильных и социальных коммуникаций, а также современные требования к обеспечению определенного уровня безопасности данных. Почти 16% ВВП мира приходится на цифровую экономику. В среднем 18% она занимает в развитых странах, и 2-18% в развивающихся. В Российской Федерации на цифровую экономику приходится порядка 3% ВВП.

Основные методы цифрового государственного управления, с учетом характеристик паспорта национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» можно обозначить как:

1. Большие данные (BigData) - основа данные нейросети и искусственный интеллект. В государственном управлении большие данные могут использоваться для развития управления и принятия эффективных управленческих решений с учетом оценки ре-

гулирующего воздействия. Следующая область применения данных в государстве – это преактивное оказание государственных услуг, подразумевающее, что не потребитель обращается за услугой, а государство становится инициатором услуг. В области искусственного интеллекта сейчас наиболее популярные и востребованные технологии – это распознавание образов, распознавание и синтез речи, распознавание паттернов промышленных и других данных. Применение искусственного интеллекта в государственном управлении в РФ уже используется. Например, с помощью технологии FindFace российской компании NtechLab во время ЧМ-2018 по футболу полиция задержала 180 подозреваемых в правонарушении людей. В целом применение искусственного интеллекта в государстве можно разделить на несколько крупных предметных областей: безопасность, эффективный контроль и надзор, сервисные функции государства, предикативная аналитика на основе больших данных, стратегическое целеполагание и законодательство, функционирование инфраструктуры.

Применение искусственного интеллекта непосредственно в работе чиновников основывается на больших данных, затем функции статистической отчетности.

2. Системы распределенного реестра (блокчейн). Технология блокчейн может быть использована в государственном управлении следующим образом:

- существенно упростить управление доверенной информацией о физических лицах, организациях, активах и осуществляемой деятельности, снизив издержки государственного аппарата, повысив безопасность и удобство для потребителей.
- повысить защиту систем государственных услуг и государственных баз данных от злоумышленников. Методы шифрования не могут обеспечить стопроцентную безопасность, но технология блокчейн значительно усложняет задачу злоумышленникам. [2]
- повысить прозрачность бюджетного процесса и снизить коррупционный риск.
- применяться при сборе налогов в рамках реализации идеи StateSharing (гражданин как миноритарий государства), чтобы налогоплательщик смог отправить платеж, а затем проследить, на что конкретно были потрачены его деньги.
- облегчить и ускорить взаимодействие граждан с органами власти и межведомственное взаимодействие. [3]

3. Интернет Вещей (Internet of Things, IoT), как инфраструктурный вызов для скорости и доступности интернета и способ накопления данных. Данный метод можно рассматривать как концепцию пространства, в котором совмещаются данные из реального и цифрового миров. «Вещи» оцифровываются и становятся частью цифрового мира. Интернет вещей как технология, позволяющая организовать взаимодействие устройств, окружающих человека и встроенных в среду, не требует участия и подтверждения их действий от самого человека. Это приводит к возникновению рисков, которые требуют тщательного исследования, осмысления и разработки механизмов по их уменьшению и преодолению возможных последствий.

4. Цифровая прослеживаемость, как практически реализуемые проекты, работающие на повышение доверия к товарам и транзакциям и производящие необходимые потребителю данные.

5. Квантовые коммуникации (квантовые сети), они применяются в государственном управлении, как:

- организация защищенных сетей связи;
- применение квантовой защиты для IoT;
- в перспективе 15+ лет – организация квантового интернета;
- применение квантовых сенсоров в здравоохранении и иных отраслях экономики;
- развитие новой элементной базы (фотоника на чипе для мобильных устройств).

Данный перечень не является ограниченным и пополняется с развитием цифровых технологий в государственном управлении.

Рассматривая особенности цифрового государственного управления на примере Новгородской области следует отметить, что в области реализуется региональный проект «Цифровое государственное управление в Новгородской области», который утвержден Протоколом заседания проектного комитета по реализации региональной составляющей национальных проектов (программ) в сфере цифровой экономики на территории Новгородской области от 14.12.2018 №1. Сроки реализации регионального проекта: 2019-2024 год, орган, ответственный за реализацию проекта – Министерство государственного управления Новгородской области.

Целью регионального проекта «Цифровое государственное управление в Новгородской области» вступает внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных (муниципальных) услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей.

В рамках государственной программы в 2019 году:

- приобретено программное обеспечение, необходимое для выполнения работ по переводу сети телефонной связи Правительства Новгородской области и органов исполнительной власти области на цифровые технологии;
- модернизирована и обновлена система электронного документооборота органов исполнительной власти Новгородской области;
- организована работа по обслуживанию входящих телефонных вызовов и мультимедийных обращений (Fax, SMS, Web-chat, E-mail);
- модернизированы автоматизированная информационная система «АИС МФЦ» и программа для ЭВМ «Автоматизированный модуль управления межведомственным электронным взаимодействием и администрирование пользовательской - ролевой моделью «Smart-route»», посредством которых на территории области предоставляются государственные услуги в электронном виде;
- продолжилась работа по реализации пилотных проектов Национальной технологической инициативы, направленных на решение самых острых проблем в сферах здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, дорожной безопасности, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры;
- создана региональная централизованная информационная система бухгалтерского и кадрового учета.

Для жителей области появилась возможность получить 12 государственных и муниципальных услуг на Едином портале государственных и муниципальных услуг и (или) Портале государственных и муниципальных услуг (функций) Новгородской области.

Согласно цели проекта принят следующий план достижения целевых показателей и индикаторов, представленный в Таблице 1, где главными индикаторами реализации проекта выступают такие относительные показатели, как: доля взаимодействий граждан и коммерческих организаций с государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями, осуществляемых в цифровом виде, проценты (должны увеличиться к 2024 году на 50 процентных пунктов); доля отказов при предоставлении приоритетных государственных услуг и сервисов от числа отказов в 2018 году (сокращение к 2024 году предусматривает 50 процентных пунктов).

Таблица 1. – План достижения целевых показателей и индикаторов проекта «Цифровое государственное управление в Новгородской области»

№ п/п	Наименование показателей и индикаторов	2018 год (базовый)	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
1	Доля взаимодействий граждан и коммерческих организаций с государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями, осуществляемых в цифровом виде, %	20	25	30	40	50	60	70
2	Доля отказов при предоставлении приоритетных государственных услуг и сервисов от числа отказов в 2018 году, %	100	95	90	80	70	60	50

Преимуществами внедрения цифрового управления на региональном уровне можно считать достижение следующих значимых контрольных результатов реализации регионального проекта на первый плановый год:

- типизация предоставления государственных муниципальных услуг;
- создание и обеспечение функционирования центра компетенций по реализации задач федерального проекта «Цифровое государственное управление».

В то же время ожидаемыми результатами на год окончания периода реализации регионального проекта является:

- цифровая трансформация государственных (муниципальных) услуг и сервисов;
- цифровизация осуществления контрольно-надзорной деятельности;
- цифровизация государственной (муниципальной) службы.

В заключении следует отметить, что распространение цифровых технологий зависит от степени готовности использования интерактивных сервисов населением и бизнесом, а также наличия возможностей доступа к Интернету. В качестве ограничения реализации выбранного тренда по цифровизации государственного управления может выступить наличие проблемы дефицита управленцев, имеющих необходимые компетенции и навыки. Переход к цифровому правительству требует от управленцев обладание такими компетенциями, как системное мышление, цифровая грамотность, работа с людьми и работа в условиях неопределенности, экологическое мышление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цифровое государственное управление [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения 04 апреля, 2021).
2. Притула О.Д., Ратковская И.А., Штрейс Д.С. Повышение эффективности межведомственного взаимодействия в проектном управлении с использованием технологии блокчейн // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 5. С. 59-68.
3. Берсон А. Управление мастер-данными : Пер. с англ. / А. Берсон, Л. Дубов. – 2-е изд., доп. — Москва : Ноосфера, 2017 .— 384 с.

С. Г. Рогожина

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Актуальными проблемами муниципального управления являются: реформирование органов власти, реализация целевых муниципальных программ, управления муниципальной собственностью, особенности региональной и муниципальной политики в современной России.

Федеральная целевая программа «Электронная Россия» предполагает реализацию такой задачи как «Модернизация органов власти, муниципального управления посредством внедрения ИТ», подразумевает создание систем электронного документооборота, упрощающих решение многих задач — это и сокращение сроков обработки различных документов, и расширение внутриведомственного и межведомственного взаимодействия, и повышение качества принимаемых управленческих решений. Однако применение электронных документов сегодня порождает многочисленные вопросы, от решения которых будет зависеть эффективность электронных коммуникаций в муниципальном секторе в будущем. [1]

В настоящее время местное самоуправление в Российской Федерации составляет основу конституционного строя государства. Его положение в политической системе российского общества определяется тем, что рассматриваемый уровень исполнительной власти, который наиболее приближен к населению, непосредственно направлен на решение вопросов, связанных с удовлетворением основных жизненных потребностей человека. Рационально сформированные органы местного самоуправления позволяют эффективно использовать территориальные, финансовые, человеческие ресурсы, снижать социальную напряженность в обществе, повышать доверие населения к власти [3].

Важной частью общества являются управленческие структуры. Без них невозможно существование любого развитого государства. Ведь именно они позволяют регулировать и направлять в ту или иную сторону управленческие процессы, помогающие социуму существовать. Сама по себе эта структура управления является сложной, так как носит публичный характер и от её решений зависит судьба многих людей и государства в целом. Мировой опыт показывает, что даже если государство имеет высокую культурную мощь, но не имеет высокого уровня управленческой культуры, то такое государство неизбежно ощущается в социальном коллапсе.

Решая проблемы защиты информации, большинство муниципальных организаций сталкивается с острым дефицитом специалистов в этой области. Особенно остро этот вопрос стоит в малых субъектах федерации, где отсутствуют научно-промышленные центры. Поскольку повышение квалификации специалиста в Москве или других крупных городах России стоит немалых денег, встает вопрос о целесообразности формирования муниципальной системы повышения квалификации и переподготовки специалистов по информационной безопасности для бюджетных организаций.

Кроме того, большое значение имеет уровень информационной подготовки муниципальных служащих. Представляется необходимым уже сейчас приступить к перестройке системы переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих, которая бы работала с некоторым опережением.

Эффективное внедрение современных информационных технологий в органах власти и управления, создание единого информационного пространства, как для отдельного региона, так и для всей страны в целом не может не предполагать единого стандарта программного обеспечения, надежной защиты информации, решения правовых, организационных и многих других вопросов. Совершенно очевидно, что для этого необходим централизованный подход, который может быть реализован только в рамках Федеральной целевой программы «Электронная Россия». [1]

Одной из важнейших задач современной России является формирование кадрового состава исполнительной власти регионов в связи с назначением нового губернатора. Эффективное решение этой задачи сопряжено с тремя относительно самостоятельными технологиями работы с персоналом: отбор персонала, оценка персонала и управление карьерой персонала. [2]

Отбор – система мероприятий, обеспечивающих формирование такого состава муниципальных служащих, количественные и качественные характеристики которого отвечали бы целям и задачам муниципальной службы. В самом общем виде отбор персонала – это идентификация, сопоставление, соотнесение наиболее общих требований, присущих должности с характеристиками конкретного будущего чиновника.

Важнейшей проблемой муниципального управления является профессиональная подготовка управленческих кадров. Для решения этой проблемы предлагается следующее:

- внедрить в образовательную практику деятельности вузов стажировки преподавателей в органах муниципального управления;
- шире использовать стажировку как вид дополнительного профессионального образования муниципальных служащих;
- дифференцировать образовательные программы дополнительного профессионального образования по категориям и группам муниципальных служащих;
- повысить практикоориентированный характер профессиональной подготовки.

Государство как система управления обществом сохранится еще не один век и, следовательно, сохранится и система муниципальной службы.

В качестве перспектив развития муниципальной службы в России видится следующее:

1) Развитие сети высших учебных заведений, готовящих кадры для работы на должностях муниципальной службы. Будущие специалисты должны получать широкие знания в области права, экономики, финансов и маркетинга.

2) Реструктуризация аппаратов органов муниципальной власти и органов местного самоуправления, направленная на интенсификацию труда путем своевременного и полного информационного обеспечения, современного технического оснащения, материальной заинтересованности служащего.

3) Более совершенная правовая база муниципальной службы с полным регламентированием прав и обязанностей служащих, их социальных гарантий, закреплении ответственности служащего за нарушение обязанностей и ограничений, с установлением порядка принятия специалиста на муниципальную службу в соответствии с принципом равного доступа граждан РФ к службе.

Ведущей целью развития местного самоуправления и демократии в Российской Федерации должна стать поддержка развития местных форм представителей демократии и всего института местного самоуправления. [4, с.8]

Таким образом, муниципальная служба станет носителем и образцом цивилизованных отношений найма и труда. Страна приблизится к состоянию, когда работа муниципального аппарата не будет зависеть от того, кто находится у власти, важна будет работа четко отлаженного механизма, который обеспечивал бы стабильность. Этого можно будет достигнуть при условии: глобальной перестройки системы управления муниципальной службы; разработки государственной кадровой политики направленной на воспитание чиновников, основной функцией которых является строгое соблюдение действующего законодательства; отработки системы стимулирования карьерного роста чиновников; постоянного совершенствования и повышения уровня и качества образования; предъявления высоких требований к формулировке и исполнению конкретных функций муниципальных служащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 N 65 (ред. от 09.06.2010) "О федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)".
2. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.12.2020) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021).
3. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
4. Запольнова Л. А. Механизмы организационного обеспечения муниципального управления // Ученые записки. – 2019. – №2. – с. 7-11.

В. М. Сапогов

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и теории права института права,
экономики и управления
Псковский государственный университет

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации местное самоуправление интегрировано в общую институциональную систему осуществления властных государственных функций [1] на началах взаимодействия органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и федерального уровня.

Такой подход к пониманию конституционной модели местного самоуправления давно устоялся в практическом применении. Однако практика его законодательного и правоприменительного воплощения происходила непросто.

Обращаясь к современному состоянию организации местного самоуправления в Российской Федерации, отметим, что, не смотря на довольно продолжительный этап его развития, местная власть воспринимается населением как власть, исходящая от государства, традиции местного самоуправления в общественном правосознании до сих пор не закрепились. Отсюда можно сделать вывод о не использовании в полной мере главного ресурса муниципальной власти – максимальной приближенности к волеизъявлению населения.

Изначально конституционные основы организации местного самоуправления, провозгласившие принципы его децентрализации, не допускали вхождения в сферу деятельности ОМСУ органов государственной власти. Однако с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ) появились многочисленные исключения.

Согласно ч. 5 ст. 37 Закон № 131-ФЗ в муниципальном районе, муниципальном округе, городском округе, в том числе с внутригородским делением, во внутригородском муниципальном образовании города федерального значения при замещении должности главы местной администрации муниципального образования по конкурсу половина членов конкурсной комиссии назначаются представительным органом соответствующего муниципального образования, а другая половина – высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации.

Прекращение деятельности ОМСУ может быть осуществлено на основании решения органов государственной власти, а в соответствии с законом субъекта РФ производится роспуск представительного органа местного самоуправления.

К полномочиям высшего должностного лица субъекта Российской Федерации отнесено отрешение от должности глав муниципального образования (местной администрации) на основании судебных постановлений, которыми были установлены недостатки в их деятельности, определенные в подп. 1,2 ст.74 Закона № 131-ФЗ, а также удаление главы муниципального образования в отставку согласно ст. 74.1 указанного закона.

Ст. 75 Закона № 131-ФЗ предусматривает ряд случаев, при которых органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе временно осуществлять отдельные полномочия органов местного самоуправления, в том числе, вводить сроком до одного года временную финансовую администрацию.

Ряд современных исследователей считают, что перечисленные меры по включению органов государства в определенных пределах в осуществление местного самоуправления, не только не его самостоятельности, но и усиливают в конституционном механизме публичной власти системные связи муниципальных и государственных органов [2].

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 15.01.2020 г. было предложено включить в текст Конституции РФ изменения, направленные на повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти.

Для осуществления данного предложения Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ в нее были внесены ряд взаимосвязанных изменений, вступивших в силу 4 июля 2020 г.

Относительно данных изменений Конституционный Суд РФ в заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З указал на соотносимость принципа единой системы публичной власти с конституционными положениями, в частности, с ч. 1 и 2 ст. 3, ч. 1 ст. 4 (народ осуществляет свою власть непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления) и п. «н» ч. 1 ст. 72 (к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов относятся вопросы установления общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления).

В соответствии с ч. 3 ст. 132 Конституции РФ в редакции 2020 года ОМСУ и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации, а согласованное функционирование и взаимодействие этой системы обеспечивает Президент РФ. Акцент на рассмотрении государственных и муниципальных органов в качестве обособленных элементов системы публичной власти настраивает на единое регулирование их компетенции и организации.

К закреплению в Конституции РФ институту наделения ОМСУ отдельными государственными полномочиями с начала XX века добавилось законодательное закрепление за ними прав на участие в решении целого ряда государственных дел, как выделение наряду со схемами разграничения предметов ведения и полномочий государственных и муниципальных органов области их общих дел.

Очевидно, что публичные полномочия важно не только делить, разграничивать, но еще и объединять. Вместе с тем в рамках общих дел государственных и муниципальных органов должны четко содержательно раскрываться их государственная и муниципальная составляющая, отрабатываться организационно-правовые формы взаимодействия названных органов в рамках решения общих дел.

Важное направление совершенствования компетентных схем заключается в выделении наряду с властными полномочиями еще государственных и муниципальных услуг и обеспечение их качественного предоставления гражданам. Указанные услуги – один из способов осуществления государственных и муниципальных полномочий через профессиональных агентов. Это, в частности, многофункциональные центры, создаваемые как государственные или муниципальные учреждения.

Проведение многими субъектами Российской Федерации укрупнения муниципальных образований, замены муниципальных районов городскими или муниципаль-

ными округами, сопровождаемое упразднением поселений, превращает жителей последних из субъекта самоуправления в объект внешнего управления со стороны зачатую далекого от них административного центра соответствующего округа. Поэтому при ликвидации поселений необходимо предусмотреть для их жителей дополнительные гарантии реализации права на местное самоуправление.

Одна из них – образование на территориях бывших поселений территориальных органов местного самоуправления городских и муниципальных округов, но не как органов последних, а как органов отдельных автономных территорий таких округов. Это, кстати, также своеобразный вариант двухуровневой территориальной структуры местного самоуправления. Только здесь в состав городского (муниципального) округа входят не поселения как самостоятельные по отношению к нему муниципальные образования, а относительно автономные звенья его аппарата муниципальной власти.

Инициированная Президентом РФ реформа местного самоуправления нацелена как раз на конституционное закрепление и продолжение именно этой линии, а не на жесткое «встраивание» органов местного самоуправления в государство. Следовательно, расширяя системные связи органов государства и ОМСУ, важно не перейти ту границу, за которой местное самоуправление утратило бы свою самостоятельность.

Впрочем, сохранение такой самостоятельности само по себе не исключено и при преобразовании органов местного самоуправления в местные государственные органы.

Можно сказать, что местные государственные территории, в случае их создания, должны обладать тем же уровнем самостоятельности, что и муниципальные образования, включая невозможность роспуска их органов власти вышестоящими государственными органами, но их полномочия при этом должны оформляться как часть совокупности государственных предметов ведения и полномочий.

Местным государственным полномочиям необходимо найти обособленное место в конституционной модели разграничения полномочий и предметов ведения, что потребует внести изменения в ст. 72 Конституции РФ, в частности, определить собственные полномочия местных государственных территорий, а также полномочия, относящиеся к совместному ведению данных территорий и субъектов Российской Федерации.

Представляется, необходимым условием для замены местного самоуправления на местное государственное управление формирование органов вновь создаваемых местных государственных территорий местным населением, а не органами государственной власти субъекта РФ. Более того, важно сохранение на таких территориях основных принципов децентрализации мест, свойственных местному самоуправлению, за исключением режима полномочий их органов власти – эти полномочия должны рассматриваться теперь как государственные.

Преобразование ряда муниципальных образований в местные государственные территории позволит распространить на их аппарат законодательство о государственной гражданской службе.

Вместе с тем перевод городских округов, а возможно, и муниципальных районов и муниципальных округов из сферы местного самоуправления в разряд местных государственных территорий субъектов Российской Федерации в настоящее время представляется маловероятным – слишком велик объем законодательных и иных перемен, которые для этого потребуются. [3, с. 73] Так, для осуществления названной идеи пришлось бы вносить масштабные изменения в избирательное, бюджетное, налоговое, земельное законодательство.

Практика ряда субъектов Российской Федерации по введению местного государственного управления в 1990-е гг. сошла на нет прежде всего по этой причине [4, с. 37].

Однако если двигаться вперед в данном направлении, то возможно осуществить в экспериментальном порядке перемещение городских округов городов федерального значения в область местных государственных территорий, заменив в них органы местного самоуправления местными государственными органами. Однако данное направление имеет ряд трудностей, в частности, необходимость преобразования законодательных основ широкого перечня, что приводит к сложности реализации данного вопроса.

Для того, чтобы процесс трансформации местного самоуправления в современных российских условиях имел высокую степень эффективности, необходимо более активное привлечение органов государства в вопросы местного самоуправления при отсутствии умаления самостоятельности муниципалитетов. Данная мера поможет усилить связь, возникающую на уровне государственных и муниципальных органов в рамках конституционной модели публичной власти.

Помимо прочего, необходимо установить единое регулирование компетенций государственных и муниципальных органов как элементов публичной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кокотов А. Н. Совершенствование конституционной модели местного самоуправления в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. №4 (41). С. 116-123.
2. Уваров А. А. Проблемы правового регулирования территориальной организации местного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-territorialnoy-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 07.04.2021).
3. Камилова Д.В. Проблемы развития правовой основы местного самоуправления в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. Т. 28. 2018. № 4. С. 70-75.
4. Мирзаев М.А. Историко-правовой анализ развития местного самоуправления в 1990-е годы в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. Т. 26. 2018. № 2. С. 34-38.

Г. Х. Худайбердина

студент 1 курса магистратуры

Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Россия, г. Уфа

А. Л. Сергеев

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Россия, г. Уфа

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В настоящее время продолжается работа по совершенствованию контрактной системы в сфере закупок, в рамках которой предусматривается дальнейшее упрощение и оптимизация закупок. Ключевым направлением, которое позволило бы намного улучшить процесс осуществления государственных закупок является их автоматизация и цифровизация.

Под «цифровизацией» применительно к системе государственных закупок понимается переход закупочных процедур из бумажного формата в электронный формат. Перевод закупочных процедур в электронную форму является важнейшим изменением, внесенным в порядок проведения госзакупок. С 1 января 2019 года это стало обязательным.

Одной из самых популярных мер в рамках цифровизации являются цифровые платформы, которые созданы для взаимодействия государства и бизнеса в сфере государственных закупок.

В апреле 2017 года председатель Правительства РФ Д.А. Медведев подписал постановление о передаче Министерству финансов Российской Федерации полномочий по выработке политики и нормативно-правовому регулированию в сфере закупок, осуществляемых в порядке, определенном Законом о контрактной системе (постановление Правительства РФ от 14 апреля 2017 года № 446). Эти изменения вступили в силу с 25 апреля 2017 года.

С принятием Закона о контрактной системе, как уже отмечалось выше, возникла необходимость создания нового информационного портала – ЕИС (единая информационная система в сфере закупок). ЕИС непосредственно взаимосвязана с государственной интегрированной информационной системой управления общественными финансами «Электронный бюджет», электронными площадками, которые в свою очередь облегчают проведение процедуры определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), региональными и муниципальными информационными системами в сфере закупок, информационной системой Федеральной антимонопольной службы, которая обеспечивает ведение реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), информационными системами контрольных органов в сфере закупок, информационными системами органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, а также с иными информационными системами, осуществляющими информационное взаимодействие с ЕИС в случаях, установленным законодательством Российской Федерации.

Одним из достоинств ЕИС можно считать автоматизацию процесса осуществления закупок. Автоматизация начинается с размещения плана-графика (опубликование извещения, прием заявок, рассмотрение заявок и т.д.) и заканчивается «закрытием», то есть исполнением заключенного контракта или договора.

Перевод в электронную форму закупочных процедур содействовала повышению эффективности их проведения, а также предупреждению коррупции в сфере закупок,

прозрачности закупок. Электронная форма проведения госзакупок является мерой улучшения доступности информации, то есть любой участник закупки имеет возможность зайти в ЕИС и ознакомиться с интересующими его документами.

В своем выступлении на XIV Всероссийской практической конференции «О ключевых задачах Федерального казначейства в сфере закупок: итоги 2019 г., задачи на 2020-2021 гг.» заместитель руководителя Федерального казначейства Катамадзе Анна Теймуразовна рассказала о том, что «основными ключевыми задачами Федерального казначейства на 2020-2021 гг. станет работа по упрощению и ускорению процедур закупок, качеству и полноте сведений, безопасности платежей, расширению количества участников торгов, изменению подходов к ценообразованию и исполнению контрактов».

В свою очередь, ускорение процедур закупок планируется провести за счет внедрения новой короткой процедуры - закупке товаров из каталога путем интеграции с крупными электронными магазинами. Каталог станет инструментом выбора товаров со всеми необходимыми характеристиками и требованиями.

Помимо этого, упростить работу позволит переход к структурированным электронным документам в ЕИС (извещение, контракты, дополнительные соглашения, документы приемки) и оптимизации правил нормирования.

Не менее важным, перспективным направлением в системе государственных закупок являются «умные контракты» (smart contract).

«Умные контракты» позволяют уменьшить нарушения при формировании карточки контракта, намного снизить время на согласование проекта контракта с контрактным управляющим, тем самым снижая время на процедуру рассмотрения закупки.

Исходя из вышеизложенного, можем сделать вывод, что цифровизация государственных закупок способствует повышению их конкурентности.

В данном случае стоит обратить внимание на мнение заместителя руководителя Федерального казначейства Э.А. Исаева, о том, что «широкое внедрение в современную деятельность информационных технологий создает все возможности для перехода к новой парадигме контроля на основе данных информационных систем и систем управления рисками... орган контроля фактически становится участником бизнес-процессов объектов контроля, поскольку информационные системы позволяют встроить в эти процессы механизмы контроля и отслеживать все проводимые операции» [1, с. 48-50].

В 2020 году ключевые изменения в положениях Закона о контрактной системе в основном ориентированы на расширение системы электронного документооборота и контроля в сфере государственных закупок при помощи расширения функциональных возможностей ЕИС в сети Интернет. Такие, например, как: внедрение системы электронного активирования (приемки товаров, работ, услуг), система контроля за нарушением сроков размещения документов «Независимый регистратор» и др.

Система электронного активирования означает, что акты о приемке товаров, работ и услуг будут формироваться при помощи ЕИС, т.е. заказчику для того, чтобы внести данные об исполнении контракта не придется прикреплять отсканированные акты, так: как все документы о приемке будут подготовлены в электронном виде. Данная система позволит уменьшить, а в дальнейшем и вовсе устраним различные нарушения, касающиеся реестра контрактов в ЕИС. Также данная система сэкономит время сотрудников сферы закупок.

«Независимый регистратор» начал свою работу с 1 января 2020 года, он используется для фиксации действий или бездействий участников закупки в ЕИС и на электронных торговых площадках. Данная система позволяет участнику закупок (заказчику, поставщику и т.д.) доказать свою благонадежность в ФАС, если в процессе осуществления закупок со стороны ЕИС или площадки были какие-то технические проблемы.

Главной проблемой сферы осуществления государственных закупок остается многообразие нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу. Исходя из этого, напрашивается решение о создании отдельной единой базы законов о закупках - Кодекса закупок, для создания которого нужно будет пройти долгий путь, но, таким образом, избежать многообразия документов в законодательстве и противоречий в них.

Кроме того, необходимо разрешить проблему, касающуюся качества предоставляемых работ, услуг и товаров. Попробовать разрешить данную проблему можно путем внедрения целого комплекса нормативных параметров, которым должны будут соответствовать товары, работы и услуги, приобретаемые для государственных (муниципальных) нужд за счет бюджетных средств.

В качестве дополнительного нововведения предлагается переосмысление роли института общественного обсуждения закупок с его преимущественной ориентацией на поиск путей совершенствования действующего в данной области законодательства» [2, с. 41-43]. В частности, рационально было бы дополнить институт общественного обсуждения закупок механизмом, позволяющим гражданам оперативно отслеживать и описывать вероятные коррупционные схемы, направленные на присвоение бюджетных средств в рамках государственных закупок, связанные с несовершенством действующего законодательства.

Также важно на законодательном уровне обязать поставщиков, принимающих участие в торгах, предоставлять документацию, которая может подтвердить уровень квалификации работников или же качество, поставляемых товаров. Конечно, подобное требование нуждается в закреплении на государственном уровне путем принятия поправок в уже существующие законы или же через принятие новых законов.

Что же касается регионального аспекта в плане цифровизации и информатизации, так относительно недавно, 4 июня 2020 года Государственный Комитет по конкурентной политике Республики Башкортостан (далее – Госкомитет) подписал соглашение с Федеральной электронной площадкой «НЭП-Фабрикант» (далее – НЭП-Фабрикант). Основными целями данного соглашения были «развитие электронных торгов, в том числе на перевод имущественных торгов в электронную форму, содействие в реализации национальных проектов Республики Башкортостан, разработка и распространение лучших практик управления закупочной и торговой деятельностью, передовых технологий организации закупок и торгов в электронном виде» [3].

Также в Республике Башкортостан заработала новая информационная система «Агрегатор торгов малого объема (АТМО)», где предприниматели могут принять участие в закупках органов государственной власти Республики Башкортостан.

Проект по использованию информационной подсистемы «Агрегатор торгов малого объема» в республике реализуется согласно распоряжению Главы Башкортостана от 1 октября 2020 года № РГ-264 для осуществления закупок в соответствии с пунктами 4 и 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ [4].

«В условиях кризиса Правительством Республики Башкортостан поставлена задача – поддержать предпринимательский сектор. Одним из инструментов является возможность участия в АТМО. Закупочная система Российской Федерации планомерно переходит на цифровой формат, в связи с этим Госкомитетом Республики Башкортостан по конкурентной политике ведутся работы по интеграции Региональной информационной системы (РКС) и АТМО в рамках межведомственного взаимодействия», – отметила Гульнара Сахабутдинова, заместитель председателя Госкомитета [5].

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных (муниципальных) нужд в Республике Башкортостан принимаются значительные изменения, повышающие эффективность данной отрасли.

Согласно информации, размещенной на официальном сайте Государственного комитета по конкурентной политике Республики Башкортостан, в нашем регионе правительством принимаются меры по повышению эффективности системы государственных и муниципальных закупок, а именно:

- проверка условий допуска к государственным закупкам иностранных товаров, работ и услуг;
- рассмотрение порядка согласования применения закрытых способов определения контрагентов;
- рассмотрение порядка согласования возможности заключения контракта с единственным поставщиком и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев Э.А. Подходы к цифровизации контроля в финансово-бюджетной сфере // Бюджет. 2019. № 5. С. 48-50 [Электронный ресурс] URL: <http://bujet.ru/article/376994.php> (дата обращения 12.04.2021).
2. Кнутов А.В. Управление государственными и муниципальными закупками и контрактами: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт. 2019. С. 41-43 [Электронный ресурс] URL: <https://urait.ru/bcode/43892> (дата обращения 12.04.2021).
3. Официальный сайт Государственного комитета по конкурентной политике Республики Башкортостан [Электронный ресурс] URL: <https://zakupki.bashkortostan.ru/presscenter/news/284372/> (дата обращения 12.04.2021).
4. Официальный сайт Государственного комитета по конкурентной политике Республики Башкортостан [Электронный ресурс] URL: <https://zakupki.bashkortostan.ru/presscenter/news/284372/> (дата обращения 12.04.2021).
5. Официальный сайт Государственного комитета Республики Башкортостан по предпринимательству [Электронный ресурс] URL: <https://biznestur.bashkortostan.ru/presscenter/news/312308/> (дата обращения 12.04.2021).

О. В. Степанов

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного экономического права
Белорусский государственный экономический университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В БЕЛОРУССКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Развитие социальной активности граждан является одним из важнейших факторов решения сложного комплекса проблем, выдвигаемых дальнейшим прогрессом общества в XXI веке. Это приводит к необходимости разработки новых технических подходов в информационно-коммуникационной сфере жизнедеятельности государства и появлению новых социальных норм в различных сферах жизнедеятельности общества в процессе его правовой информатизации, трансформируя его в информационное общество.

В связи с чем заслуживает внимания подход к определению информационного общества С.В. Абламейко и В.В. Анищенко, которые определяют информационное общество, как «современный этап развития цивилизации, отличающийся доминирующей ролью знаний и информации во всех сферах жизнедеятельности общества, решающим воздействием информационно-коммуникационных технологий (далее-ИКТ) на образ жизни людей, их образование и работу, а также на взаимодействие государства и гражданского общества» [1, с. 2]. В данном контексте мы полностью поддерживаем мнение и А.Ю. Лупиной и о том, что распространение информационных технологий стало толчком для изменения в экономике и обществе в целом. Одной из главных тенденций является стремительный рост Интернета и его проникновение в самые разнообразные сферы общества [2, с.12]. Поэтому проблема развития возможностей электронного судопроизводства всегда находилось и находится в центре внимания исследователей из стран, входящих в Евразийский Экономический Союз.

На совершенствовании теоретико-правовых аспектов, регулирующих развитие различных направлений электронного судопроизводства, обращают внимание российские авторы А.А. Алексеев [3], А.Н. Балашов и Н.Г. Ефремова [4], С.П. Ворожбит [5], С.К. Загайнова [6], Ю.Н. Зипунникова [7], О.С. Смолина [8] и иные исследователи. В целом ими рассматривается развитие электронного судопроизводства как позитивное явление в гражданском процессе России. При этом которое выступает, во-первых, одним из основных направлений реформирования ее судебной системы, во-вторых, способствует реализации принципа на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом в кратчайшие сроки.

Также в контексте изложения предмета нашего исследования заслуживает внимания позиция казахского автора М. А. Аленова который полагает, что электронные процедуры в конечном итоге будут внедрены в гражданское судопроизводство [9, с.71].

В Республике Беларусь освещению различных направлений использования возможностей электронных средств в судах общей юрисдикции посвящены работы С. Н. Князева и А. А. Бержанина [10], И. Ю. Кирвель [11], О. В. Степанова и Д.Г Цыганкова [12], О. Федотова [13] и других исследователей. В тоже время нельзя не отметить и наличие отдельных мнений учёных и практиков, которые негативно относятся не только к внедрению в гражданский процесс отдельных аспектов электронных процедур, но и дальнейших перспектив их развития в Республике Беларусь. Например, В. Скобелев подверг

критическому анализу такой элемент системы «электронного правосудия» как видеоконференцсвязь и делает вывод о том, что использование видеоконференцсвязи в гражданском процессе не получит широкого распространения из-за небольших размеров территории, роста расходов на техническое обеспечение видеоконференцсвязи и наличия пробелов в правовом регулировании и риска ущемления процессуальных прав юридически заинтересованных лиц и, соответственно, ошибок в разрешении дел [14, с. 55]. Подобной точки зрения придерживается и А.И. Штейнер в своей работе «Основные преимущества и недостатки перспективы внедрения системы «электронное правосудие» в хозяйственное судопроизводство Республики Беларусь» [15]. В этой связи, полагаем, что данные подходы, в своей сути содержат некоторые отголоски недостатков постсоветской системы правосудия 30-50-х годов XX столетия, игнорирующей принципы гласности судебного разбирательства, а также права на публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом в разумные сроки. Кроме того, на современном этапе развития на современном этапе развития информационного белорусского общества судебная система сможет использовать правовую возможность упрощения порядка рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров, развивая тем самым принцип процессуальной экономии.

Перейдем к дальнейшему освещению роли электронного судопроизводства в гражданском процессе Республики Беларусь. Среди многообразия имеющихся подходов к изучению возможностей использования информационно-коммуникационных технологий в национальной судебной системе при рассмотрении и разрешении гражданских дел можно указать два основополагающих: технический и теоретико-правовой. Остановимся на их рассмотрении.

Технический подход предопределяет влияние современного информационного общества на материально-техническое оснащение судов и находит свое воплощение в разработке нормативов по их компьютеризации и работе официальных судебных сайтов. В этой связи совершенно очевидным является тот факт, что неуклонное развитие возможностей информационно-коммуникационных технологий является надежным гарантом поступательного развития государственных структур и институтов гражданского общества.

В свою очередь, характеризуя теоретико-правовое направление развития электронного судопроизводства, следует указать, что в качестве опорного термина используется термин «судопроизводство». Упоминая о нем, используется обобщенный подход, изложенный в учебной литературе по гражданскому процессу. В соответствии с которым под гражданским судопроизводством следует понимать нормативно урегулированную деятельность суда и иных участников процессуальных правоотношений по поводу рассмотрения и разрешения споров и иных дел, вытекающих из подведомственных суду правоотношений [16, с.25; 17, с.18]. Творчески развивая данный подход в контексте нашего предмета исследования, полагаем, что в качестве дефиниции «электронное судопроизводство» в теории гражданского процессуального права следует рассматривать основанное на нормах гражданского процессуального права совокупность процессуальных действий, осуществляемых судом и иными участниками гражданского судопроизводства в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при рассмотрении и разрешении судами гражданских дел с применением электронных процедур. Такой подход может быть использован в дальнейшем белорусским законодателем в качестве опорного при внесении дополнений в статью 1 Гражданского процессуального кодекса «Основные термины и их определения, применяемые в настоящем Кодексе» [18].

Поскольку на рассмотрение суда общей юрисдикции поступают гражданские дела с различными требованиями, обусловленными нормами материальных отраслей права, то и электронное правосудие будет иметь несколько видов регламента рассмотрения и разрешения правовых споров, определяемых, с одной стороны, технической возможностью использования электронных средств в ходе рассмотрения и разрешения определенных гражданских дел, с другой стороны – особенностями подлежащего защите материального права или охраняемого Законом интереса. В частности, к таким особенностям можно отнести, во-первых, возможность отправления правосудия по гражданским делам имущественного характера с ценой иска, например, не превышающего 100 базовых величин; во-вторых, в отличие от приказного производства, при таком производстве дела рассматриваются судьей по существу заявленных требований с учетом позиций сторон спора, то есть можно говорить о состязательности процесса; в-третьих, не будут применяться правила об отложении судебного разбирательства и о перерыве в судебном заседании. Поэтому исходя из необходимости совершенствования правового механизма обращения за судебной защитой и легального закрепления как электронной формы обращения в суд, так и электронного документооборота, предлагается дополнить статью 242 ГПК РБ частью 3 следующего содержания: «Исковое заявление также может быть подано в суд посредством заполнения электронной формы заявления, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет».

Изучение и анализ научной юридической литературы в контексте предмета нашего исследования, законодательной базы, определяющей использование возможностей электронного судопроизводства по гражданским делам в Республике Беларусь, дает основания для следующих выводов:

1. Научная разработка вопросов формирования электронного судопроизводства в гражданском процессе Республики Беларусь является обязательным условием совершенствования, с одной стороны, доступности правовой помощи населению страны, а с другой — способствует укреплению законности и правопорядка, формированию уважительного отношения к закону и суду.

2. В качестве дефиниции «электронное судопроизводство» в теории гражданского процессуального права следует рассматривать основанное на нормах гражданского процессуального права совокупность процессуальных действий, осуществляемых судом и иными участниками гражданского судопроизводства в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при рассмотрении и разрешении судами гражданских дел с применением электронных процедур.

3. Нормативное правовое регулирование процессуальных аспектов судебного разбирательства с использованием электронных технических возможностей представляет собой важнейшую теоретическую категорию гражданского процессуального права и имеет важное значение для практики рассмотрения и разрешения дела, по существу.

4. Исходя из необходимости совершенствования правового механизма обращения за судебной защитой и легального закрепления как электронной формы обращения в суд, так и электронного документооборота, предлагается дополнить статью 242 ГПК РБ частью 3 следующего содержания: «Исковое заявление также может быть подано в суд посредством заполнения электронной формы заявления, размещенной на официальном сайте суда в сети Интернет».

Безусловно, в рамках данного материала невозможно рассмотреть весь спектр проблем, связанных с актуальными вопросами развития электронного белорусского правосудия в условиях современного информационного общества, а также выработать единую точку зрения среди различных подходов. Поэтому предлагаемый материал представляет собой авторскую позицию в изложенном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абламейко, С.В. Информационное общество в Беларуси: наука и образование [Электронный ресурс] / С.В. Абламейко, В.В. Анищенко // Национальная академия наук Беларуси, Белорусский государственный университет. – Режим доступа: <http://www.bsu.by/Cache/pdf/451073.pdf>. – Дата доступа: 15.01.2020.
2. Лупина А.Ю. Рынок электронной коммерции в Республике Беларусь // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. 2016. № 4 (117). С. 12-18.
3. Алексеев А.А. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 2. С. 12-16.
4. Балашов А.Н., Ефремова Н.Г. Развитие электронных технологий в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 8. С. 8-12.
5. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис...канд. юрид. наук. СПб.2011. 25 с.
6. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис...д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 50 с.
7. Зипунникова Ю.Н. Некоторые вопросы классификации цивилистической процессуальной формы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 8. – С. 53-57.
8. Смолина О.С. Электронные документы как доказательства в арбитражном процессе// Журнал российского права. – 2012. – № 10. – С. 116-124.
9. Аленов М.А. Внедрение в Казахстане электронного правосудия: нормативная основа и перспективы / Право и государство, № 3 (60) – 2013. – С. 71-73.
10. Князев, С. Н. Проблемы становления электронного судопроизводства в Республике Беларусь / С. Н. Князев, А. А. Бержанин // Проблемы упр. – 2007. – № 2 (23). – С. 49—52.
11. Кирвель, И. Ю. Электронное правосудие: понятие, сущность, перспективы [Электронный ресурс] / И. Ю. Кирвель // Электронная библиотека УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы». – Режим доступа: <http://elib.grsu.by/katalog/152806-315013.pdf>. – Дата доступа: 22.02.2021.
12. Степанов О.В., Д.Г. Цыганков Правовая природа электронного судопроизводства // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2018. – № 4. – С. 73-80.
13. Федотов, О. Электронное правосудие в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / О. Федотов // Идеи электронного правительства для Беларуси. – Режим доступа: <http://www.e-gov.by/themes/ekspert/elektronnoe-pravosudie-v-respublice-belarus>. – Дата доступа: 11.12.2020.
14. Скобелев В. Видеоконференцсвязь в гражданском процессе: о проблемах и перспективах использования // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 9 (174). – С. 46-55.
15. Штейнер А.И. Основные преимущества и недостатки перспективы внедрения системы «электронное правосудие» в хозяйственное судопроизводство Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2017. Дата доступа: 14.01.2021.
16. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К.Треушникова. -5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 960 с.
17. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для академического бакалавриата / М.Ю. Лебедев-6-е перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрист, 2016. – 364с.– Серия: Бакалавр Академический курс.
18. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 янв. 1999 г., № 238-З: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 18 дек. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – Дата доступа: 31.03.2021.